

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного

УНИВЕРСИТЕТА

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗВЕСТИЯ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. В. Алексеев**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
(Новосибирск)
- Д. Беннер**, проф. (Берлин)
- Дж. Боулт**, проф. (Лос-Анджелес)
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
(Екатеринбург)
- К. Н. Любутин**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- М. Перри**, проф. (Бирмингем,
Великобритания)
- А. В. Перцев**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
(Москва)
- Х. Рюсс**, проф. (Мюнстер)
- В. В. Тулупов**, докт. филол. наук
(Воронеж)
- А. В. Черноухов**, докт. ист. наук
(Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Председатель
Д. В. Бугров, ректор УрГУ
- Заместители председателя
- А. О. Иванов**,
проректор по научной работе
- С. А. Рогожин**,
проректор по учебной работе
- А. В. Подчиненов**,
директор издательско-
полиграфического
центра «Издательство УрГУ»
- Члены редакционного совета
- В. М. Амиров**,
канд. филол. наук,
гл. редактор серии 1
«Проблемы образования,
науки и культуры»
- Л. С. Соболева**,
докт. филол. наук,
гл. редактор серии 2
«Гуманитарные науки»
- Н. В. Суслов**,
канд. филос. наук,
гл. редактор серии 3
«Общественные науки»

2011
№ 3 (92)

Серия 1
ПРОБЛЕМЫ
ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

СЕРИЯ ОСНОВАНА
В 1995 ГОДУ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

В. М. Амиров

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

Члены редколлегии

Л. П. Быков

Т. А. Галеева

В. Д. Камынин

Б. Н. Лозовский

Ю. Л. Мандрика

В. И. Михайленко

А. Г. Нестеров

Л. Г. Попова

Л. Л. Рыбцова

А. П. Чудинов

Журнал «Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23103 от 10 октября 2005 г.
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) 3 июля 2007 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 1817–7158
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **педагогическим наукам, психологии, филологии, культурологии, истории и социологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 82410
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на сайте Уральского государственного университета: www.usu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Трибуна ученого

- Степанова Е. А.* Религия и образование в Европе: дебаты о взаимной совместимости 6

Журналистика и массовые коммуникации

- Авдохутдинова О. Ф.* Практики конструирования Другого как персонажа журналистского дискурса 16
- Амиров В. М.* Основные задачи анализа в журналистике вооруженных конфликтов 27
- Бурова Ю. Е.* Роль пресс-служб в формировании информационного пространства 33
- Киришин Б. Н.* Транспарентность вместо объективности? 43
- Козлов С. А.* Театральная журналистика «Новгородских губернских ведомостей» как инструмент формирования положительного имиджа региона (1850–1860-е гг.) 48
- Корда О. А.* Локативность креолизованного текста как основа для экспрессивных приемов подачи информации (на примере публикаций журнала «Русский репортер») 54
- Олешко Е. В.* Газетно-журнальный шрифт как носитель визуальной культуры .. 65
- Смолин И. В.* Различия методов репрезентации «чужого» в текстах СМИ, посвященных вооруженному конфликту в Южной Осетии 70
- Хлызова А. А.* Противоречивость как характеристика системы образов советской женщины (на примере Центрального телевидения СССР) ... 85
- Шевцов В. В.* Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати 92
- Штолдер А. В.* Развитие издательского дела на Урале в 60–80-е гг. XX в. 99

Педагогика. Образование

- Дерябина Н. А.* Языковая личность как педагогическая проблема 108
- Загоруля Т. Б.* Развитие синергетической культуры личности в образовательном пространстве вуза 115
- Павленко П. В.* Генезис непрерывного педагогического образования в контексте развития системы среднего образования в Западной Сибири (XIX — начало XXI в.) 125
- Тагильцева Н. Г.* Современный учитель музыки: проблемы профессиональной подготовки 134
- Круглый стол на тему: «Проблемы воспитания в высшей школе» 140

Психология

- Лутандин В. И., Машкова А. С.* Формирование модели компетенций для административно-управленческого персонала 154

В лаборатории ученого

- Абельская Р. Ш.* «Одесская» песня: генезис и жанровая модель 162
- Амбарова П. А.* Культурная вариативность «социальных часов»: «серебряный возраст» или «возраст невидимки»? 172
- Дудина М. Н.* Гендерные проблемы как «пучина заблуждения» мужчин и женщин в «Крейцеровой сонате» Л. Н. Толстого 178
- Мухаметов Р. С.* Геоэнергетические интересы ЕС и России в Каспийском регионе 185
- Онишко А. А.* Проблемы самоопределения старшеклассников при выборе профессии 191
- Чаббаров Р. Х.* Национально-культурные тенденции в современном дизайне и архитектуре 201

Трибуна ученого

УДК 2–4 + 37.013(4)

Е. А. Степанова

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ В ЕВРОПЕ: ДЕБАТЫ О ВЗАИМНОЙ СОВМЕСТИМОСТИ

Статья посвящена анализу проблемы преподавания религии в школах в европейских странах. Рассматриваются отличия в подходах к решению этой проблемы, дискуссии по поводу содержания и форм преподавания и его основных целей. Автор делает вывод о том, что в целом преподавание религии рассматривается в качестве важной части воспитания гражданственности и в то же время зависит от историко-культурной традиции, конкретных социально-политических обстоятельств в той или иной стране.

Ключевые слова: религиозное образование, воспитание гражданственности, постсекулярное общество, межкультурный диалог.

В большинстве европейских стран долгие годы существовало убеждение в том, что процесс секуляризации постепенно приведет к ослаблению влияния религии в публичном пространстве. Однако в последние десятилетия эта тенденция в значительной степени превратилась в свою противоположность, и сегодня проблемы, связанные с религией, снова активно обсуждаются в различных контекстах. Одним из таких контекстов является сфера образования. Сегодня во многих европейских странах дебатировать проблема присутствия/отсутствия религии в школе, содержание и формы такого присутствия, а также цели и задачи образовательного процесса, так или иначе связанного с религиозными проблемами. Все большее признание получает необходимость диалога между различными вероучительными традициями, что должно способствовать

СТЕПАНОВА Елена Алексеевна — доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург (e-mail: eas142@yandex.ru).

© Степанова Е. А., 2011

предотвращению конфликтов и достижению мирного сосуществования в мультирелигиозном обществе. Тем не менее недавние события, например, запрет на вывешивание распятия в школах Италии и общественные протесты по этому поводу, запрет на ношение хиджаба в школах Франции, запрет на исполнение рождественских гимнов со словами или без слов в школах Великобритании, говорят о том, что в сегодняшней жизни проблема уместности религиозных символов и предметов в публичных местах, какими являются школы, отражает реальную проблему неоднозначного отношений людей к роли религии в их повседневной жизни.

Итак, вопрос о месте религии в школьном образовании является предметом широкой дискуссии практически во всех европейских странах. Необходимость присутствия религии в образовании, как полагают многие исследователи, политические деятели, представители гражданского общества и учителя, непосредственно вытекает из реальной социально-политической ситуации: из противоречий политики мультикультурализма, из неоднозначного отношения к мигрантам, из проблем, связанных с возможностью и необходимостью интеграции мигрантов в окружающую социальную среду, из имеющихся конфликтов на национальной и религиозной почве, из непростых отношений между христианами и мусульманами и т. д. Кроме того, проблема религиозного образования обсуждается в тесной связи с воспитанием гражданственности (*citizenship education*), которое включает в себя образование в области прав человека, гражданских прав и свобод, мирного сосуществования, глобальных проблем и межкультурного диалога и в целом направлено на воспитание способности жить вместе у людей, представляющих разные культурные традиции. Некоторые исследователи проводят различие между «минималистским» и «максималистским» подходом к воспитанию гражданственности: «минималистский» подход подразумевает формально-дидактическую информацию о гражданских правах и свободах, тогда как «максималистский» подход основан на интерактивности и выработке у школьников собственной точки зрения по поводу политических и социальных проблем и умения ее отстаивать [9, 235–250].

Немецкий философ А. Хасенклевер отмечает, что существует позитивная корреляция между религиозным образованием и демократическим поведением. С его точки зрения, чем ниже уровень религиозного образования, тем более вероятно то, что религиозные различия могут быть использованы в качестве инструментов политической мобилизации [6, 304]. В каждом европейском государстве имеются свои различия между религиозным образованием и воспитанием гражданственности, которые обусловлены исторической традицией (в особенности, историей отношений между церковью и государством), спецификой и уровнем мультикультурности, социально-политической структурой общества, состоянием экономики и другими факторами, которые в совокупности определяют образовательные ценности и цели в целом и содержание и структуру религиозного образования в частности.

К проблеме роли религии в обществе сегодня привлечено внимание многих исследователей, которые прежде не рассматривали религию в качестве важного для Европы фактора социально-политического развития. Одним из примеров

тому служит изменение отношения к религии известного немецкого философа Юргена Хабермаса. В последние годы он отстаивает идею постсекулярного общества и полагает, что в современном демократическом государстве верующие и светские люди не имеют нужды противопоставлять себя друг другу и в качестве граждан должны решать общие проблемы, придерживаясь при этом собственной точки зрения, религиозной или светской. Равные гражданские права и культурные различия должны взаимно дополнять друг друга, а люди — иметь право сохранять свою идентичность в рамках своей культуры и убеждений. Секулярные и верующие граждане должны взаимно учиться друг у друга. Конечно, для религиозных людей принятие светских взглядов на государство и общество требует дополнительных усилий. Однако, по словам Ю. Хабермаса, «нам также следует ожидать от светских граждан саморефлектирующее преодоление секуляристского самопонимания модерности... До тех пор, пока светские граждане убеждены в том, что религиозные традиции и религиозные сообщества в некотором смысле являются архаичными остатками предмодерных обществ, которые продолжают существовать в настоящем, они будут понимать свободу совести в качестве культурной версии консервации вымирающего вида. С их точки зрения, религия больше не имеет никаких особых причин для существования. И для них принцип отделения государства от церкви имеет мирской смысл сохранения индифферентности... Секулярные граждане должны воспринимать свой конфликт с религиозными взглядами в качестве *рационально предполагаемого несогласия*» [5, 15].

Итак, сегодня необходимость преподавания религии в школе обусловлена новыми факторами, связанными с наступлением постсекулярной эпохи, которая характеризуется изменением места религии в публичном пространстве и повышением ее социальной значимости. Тем не менее присутствие религии в школьном образовании европейских стран является предметом национального суверенитета и значительно различается от страны к стране, а содержание и форма религиозного образования отражают конституциональные основы конкретного государства, особенности национальной идентичности и конфессиональных предпочтений [1, 6–38].

В некоторых странах цель школьного образования формулируется в тесной связи с религиозной традицией и регулируется законодательством. Так, в Конституции Греции, эпиграфом к которой являются слова: «Во имя Святой, Единосущной и Нераздельной Троицы», в статье 3.1 сказано: «Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой». В соответствии с этим воспитание религиозного сознания у школьников является государственной задачей. Статья 16.2 устанавливает следующее: «Образование является важнейшей задачей государства и имеет целью моральное, духовное, профессиональное и физическое воспитание греков, развитие их национального и религиозного сознания и формирование их как свободных и ответственных граждан».

В Германии образование находится под контролем федерального правительства, но при этом ответственность за него несут правительства земель. Так, в Конституции Земли Гессен (принятой в 1946 г.) в статье 57.1 сказано: «Пре-

подавание религии является обычной учебной дисциплиной. Учитель, преподающий религию, связан учением и порядками своей церкви или религиозной общины, не нарушая тем самым права государственного надзора за преподаванием». Существующую в Германии систему можно определить как «конфессиональную», когда религиозные организации принимают непосредственное участие в разработке содержания школьного образования в рамках конституционных принципов равенства прав и запрета дискриминации. В Голландии существует «конфессиональная» система иного типа, в соответствии с которой школы имеют право преподавать вероисповедание той религиозной организации, которая является их спонсором, и каждая конфессия, признанная государством, может иметь собственные школы (пока это не распространяется на ислам). Еще один тип «конфессиональной» системы существует в Словакии, где в школах преподается религия, которая признана религией государства (католицизм).

В Италии Конкордат 1984 г., изменивший прежний статус римско-католической церкви, которая считалась государственной, установил свободу вероисповеданий. Согласно статье 9.2, «Итальянская Республика, признающая значимость религиозной культуры и принимающая в расчет тот факт, что принципы католицизма являются частью исторического достояния итальянского народа, продолжает гарантировать, в рамках конечных целей школы, католическое образование в неуниверситетских государственных школах любых категорий и любых степеней». В некоторых странах, например в Польше, религия преподается в качестве предмета по выбору. Ее преподают учителя в соответствии со своими религиозными предпочтениями (в большинстве случаев это католицизм). Квалификация учителя подтверждается церковью в соответствии с договором с Министерством национального образования и спорта.

В целом «конфессиональная» система характеризуется тем, что религиозное образование контролируется религиозными организациями, которые несут ответственность за обучение и выбор преподавателей, за составление программы и выбор источников (Австрия, Бельгия, Кипр, Испания, Греция, Мальта, Польша, Португалия, Чехия). Преподаватели религии должны быть сертифицированы религиозными организациями. В некоторых странах (Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Германия, Финляндия) государство и религиозные организации вместе решают задачу обеспечения религиозного образования. В большинстве случаев религия является предметом по выбору. Там, где она является обязательным предметом, школьники имеют право от него отказаться (Германия, Австрия, Кипр, Финляндия, Греция, Мальта, Словакия) [11, 60].

В других странах существуют внеконфессиональные системы, когда религиозные организации не играют никакой роли в школьном образовании. Например, в Швеции религиозные организации не участвуют в преподавании, но в целом религиозное образование рассматривается в качестве важной части личностного развития школьников. Также существуют «смешанные» системы, например, в Англии и в Уэльсе, где предпочтения в преподавании той или иной религии могут быть связаны с наличием или отсутствием у школы спонсора в виде религиозной организации [8, 29]. В Акте о реформе образования 1988 г. (согласно которому в рамках государственной образовательной системы

в Великобритании существуют государственные школы [*community schools*], школы, основанные на чьи-либо средства [*foundation schools*], субсидируемые свободные школы [*voluntary aided schools*] и свободные школы под контролем [*voluntary controlled schools*] устанавливается, что «основной целью образования является духовное, моральное, культурное, ментальное и физическое развитие учеников в школе и в обществе».

В случае внеконфессионального образования обучение религии организуется и контролируется государством. Этот контроль подразумевает подготовку учителей и разработку программ. В некоторых случаях (например, в Великобритании) государственные образовательные органы консультируются с религиозными организациями, но сертификации с их стороны не требуется. Религиозное обучение является обязательным, однако отказ от него также возможен. Внеконфессиональный характер обучения не исключает подчеркивание преимуществ христианства (например, в Великобритании и в Дании) [11, 62].

Особый случай в европейской системе образования представляет собой Франция, где преподавание религии в школах (кроме католических) запрещено законами об отделении школы от церкви (1882) и государства от церкви (1905). Вторая статья действующей Конституции Франции (1958) определяет страну следующим образом: «Франция является *неделимой, светской [lancité], демократической и социальной республикой*. Она обеспечивает равенство перед законом всем гражданам, независимо от происхождения, расы или религии. Она уважает все верования». Школа должна быть защищена от религии, а принцип *lancité* является центральным в системе ценностей, которая пронизывает всю систему образования. Тем не менее соотношение между светскостью и религиозностью во Франции остается весьма сложным. Как отмечает Ж.-П. Виллейм, «*lancité* больше не является альтернативной системой по отношению к религии, скорее она есть регулятивный принцип плюрализма как религиозных, так и нерелигиозных убеждений, существующих в гражданском обществе... Именно благодаря победе (этого принципа. — *Е. С.*) религиозный вопрос возникает вновь как на индивидуальном, так и на социальном уровне» [12, 89]. Парадокс здесь заключается в том, что воплощение принципа светскости привело к ослаблению роли религии в публичном пространстве, но в то же время инициировало конфликты на религиозной почве.

Сегодня во Франции раздаются все больше голосов в пользу того, что молодым людям, не имеющим специальных знаний о религии, непросто ориентироваться в современном постсекулярном, мультикультурном мире, понимать классическое искусство и литературу, разбираться в причинах международных конфликтов. Особое значение для страны имеет проблема взаимоотношений с мусульманским населением, и отсутствие религиозного образования в школе отнюдь не способствует смягчению противоречий в этой области. В докладе Министерства образования Франции (2002), известном как доклад Р. Дебре, утверждается: «Для всех очевидны нравственная, социальная и наследственная растерянность; всеобщее помутнение, смятение, нетерпимость, заблуждение, плохое состояние духа... Образовался разрыв в передаче наследия, которым раньше занимались церковь, семья, обычай, гражданственность, что впослед-

ствии легло на плечи народного образования, которое должно было обеспечить элементарную ориентацию в пространстве и во времени. Однако гражданское общество оказалось не в состоянии это сделать» [3, 2]. В докладе было предложено, в частности, включать религиозные вопросы в преподавание филологических, философских и других гуманитарных дисциплин. По мнению Р. Дебре, необходимо двигаться от «некомпетентности *lancité* [религиозные верования нас не интересуют] к разумности в *lancité* [понять их — наш долг]» [Там же, 7].

Некоторые исследователи проблемы религиозного образования в школе проводят различие между обучением «религии» (*educating into religion*), обучением «о религии» (*educating about religion*) и обучением, «отталкивающимся от религии» (*educating from religion*) [7, 107–110]. Обучение «религии» подразумевает конкретную религиозную традицию, которую исповедует учитель, и целью такого обучения является приобщение учеников к вере или укрепление их приверженности вере. Обучение «о религии» основано на описательных и исторических методах, и его целью не является ни укрепление, ни разрушение религиозной веры. Обучение, «отталкивающееся от религии», вовлекает учеников в размышления о религиозных и моральных проблемах и ценностях с целью выработки их собственной точки зрения по этому поводу. Если использовать эту классификацию, то система религиозного образования в Италии может быть определена как обучение «религии», в Эстонии — «о религии», в государственных школах Англии — как обучение, «отталкивающееся от религии». В целом религиозное образование в Европе весьма различается в зависимости от историко-культурной традиции. Так, образование в северных европейских странах находится под влиянием протестантизма, в южных — католицизма, в восточных странах оно определяется восстанавливаемой после падения социалистического режима традицией (православной, католической или протестантской). Конечно, такое разделение носит весьма условный характер.

Р. Джексон, профессор Университета Уорвик (Великобритания) и один из разработчиков рекомендаций в области религиозного образования от имени Совета Европы, обращает внимание на необходимость обсуждения следующих проблем: во-первых, это правомерность представления религии в качестве «культурного факта»; во-вторых, это акценты в преподавании религии в условиях усиления «культурного расизма»; в-третьих, это разработка специальных педагогических методов в преподавании религии; в-четвертых, это вопрос о том, следует ли школьникам выражать свои религиозные предпочтения при обсуждении проблемы личностной идентичности [8, 43–48].

Отношение к религии как к культурному факту подразумевает, по Р. Джексону, возможность совмещения светской и религиозной точки зрения и отвергает как секуляристский (представление о религии как исключительно культурном феномене), так и фундаменталистский (пропаганду исключительности какой-либо одной религии) подход.

Вторая проблема определяется ростом расистских и националистических настроений в некоторых европейских странах (Австрии, Голландии, Дании, Бельгии, Франции), особенно по отношению к исламу, иногда это приводит к отрицательным высказываниям отдельных политических деятелей о политике

и практике «мультикультурализма». По мнению Р. Джексона, школы и другие образовательные учреждения являются частью публичной сферы, где возможно и необходимо подвергать расистские взгляды рациональному анализу, выработать образовательные практики, включающие в себя саморефлексию, умение слушать других людей и критически относиться к стереотипам.

Третья проблема связана с весьма непростым вопросом об использовании интерактивных педагогических методов, развивающих критическое мышление у школьников (особенно применительно к религиозным предпочтениям), и о пределах их адаптации к социальным и культурным условиям в разных странах. Развитие критического мышления в религиозном образовании и личностной идентичности тесно связано с «максималистским» подходом в воспитании гражданственности, однако возможности и границы такого развития в значительной степени зависят от семейных культурных и религиозных традиций, которые определяют менталитет школьников. В целом, согласно Р. Джексону, чем выше уровень личностной идентичности школьника, включающей в себя религиозное измерение, тем больше вероятности, что его воспитание в качестве активного, ответственного члена общества будет успешным.

Наконец, ответ на четвертый вопрос зависит от конкретной социально-культурной ситуации в той или иной стране. В тех случаях, когда имеет место преподавание «религии», совершенно естественно, что и учителя, и ученики могут открыто выражать свои религиозные предпочтения. В других случаях, как, например, во Франции, от учителей требуется абсолютная беспристрастность и нейтральность в отношении религиозных вопросов. Школьники имеют в этом большую свободу, однако недавний законодательный запрет на ношение мусульманами головных уборов в школе сильно эту свободу ограничил. Можно утверждать, что проблема головных уборов — лишь видимая часть сложной дискуссии о границах выражения религиозной принадлежности в публичном пространстве.

Несмотря на существенные различия в отношениях между религиозными организациями и государством, а также между религией и школьным образованием и наличие в европейских странах множества разных образовательных систем, проблемы, с которыми сталкивается религиозное образование, во многом схожи. Ж.-П. Виллейм по этому поводу пишет следующее: «Секуляризм и растущее число людей, объявляющих себя “не принадлежащими ни к одной религии”... недостаток религиозной аккультурации среди школьников и утрата ими контакта с религиозной жизнью, наличие сильных мусульманских меньшинств в некоторых странах, распространение плюрализма в европейских обществах, проявляющееся в присутствии разнообразных религиозных групп и сообществ, тревога по поводу распространения различных сект, современное взаимопересечение религии и политики во многих международных конфликтах, антисемитизм и исламофобия, а также вопрос о пределах присутствия религии в образовательном контексте — таковы вопросы, с которыми сталкиваются европейские страны. Присутствие всех этих проблем... заставляет серьезно задуматься о необходимости придавать гораздо большее значение изучению религии в школьном образовании» [11, 59].

В рекомендациях, принятых Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) в октябре 2005 г., в частности, сказано: «6. Образование играет важную роль в борьбе против невежества, стереотипов и взаимного непонимания между религиями. Правительства также должны делать больше для обеспечения свободы совести и религиозных проявлений, для развития религиозного образования, для обеспечения диалога с религиями и между ними и для создания возможностей для культурного и социального самовыражения религий. 7. Школа является важнейшим компонентом образования, формирования критического мышления будущих граждан и межкультурного диалога. Она закладывает основы толерантного поведения. Сдержанно и объективно обучая детей истории и философии основных религий, проявляя уважение к ценностям Европейской конвенции о правах человека, школа способствует эффективной борьбе с фанатизмом. Для этого необходимо понимание истории политических конфликтов, вызванных религиозными причинами. 8. Знание религии — это интегральная часть знания об истории человечества и цивилизаций. В то же время оно отлично от веры в специфическую религию и следования ей. Даже в тех странах, где имеется доминирование одной религии, необходимо обучение о происхождении всех религий, а не превознесение единственной религии или поощрение прозелитизма» [4].

Ж.-П. Виллейм отмечает растущую интеграцию между религиозным образованием, как конфессиональным, так и внеконфессиональным, и общими образовательными целями школы. В большинстве стран религиозное образование рассматривается в качестве важной составной части воспитания школьников как ответственных граждан плюралистического общества [11, 64]. Однако это совершенно не означает, что сфера религиозного образования является бесконфликтной. Так, в тех странах, где отдается предпочтение одной религии (например, в Италии), не утихают дебаты по поводу прав религиозных меньшинств, а также по поводу соответствия такой формы образования принципам современной демократии. Например, в Испании левые партии склонны обвинять Римско-католическую церковь в том, что в свое время она поддерживала франкистский режим, и на этом основании требуют исключить преподавание католицизма из школьного образования. Во всех европейских странах школьные программы постоянно пересматриваются и усовершенствуются, поскольку существует множество вопросов, на которое необходимо найти ответ: «Соответствует ли религиозное образование, которое по своей природе конфессионально, Европе двадцать первого века? Если это так, должно ли оно быть обязательным для всех детей? Более того, кто будет принимать решение об исключениях, и какие установки должны существовать относительно таких детей? Если нет, кто в современном обществе постоянно усиливающегося плюрализма будет решать вопрос о содержании внеконфессионального школьного обучения? Кто будет его осуществлять? Как следует готовить таких людей, кто их будет учить и по каким учебникам?» [2, 85].

Особое значение приобретает вопрос о том, какова должна быть стратегия образования в ситуации, когда сегодня в различных европейских странах вместе учатся дети, принадлежащие к различным культурным и религиозным

традициям и нуждающиеся во взаимном признании, а не в углублении различий между ними. Одним из важных этапов в решении этой проблемы стал международный исследовательский проект «Религия и образование: вклад в диалог или фактор конфликта в изменяющихся обществах европейских стран» (*Religion in Education. A contribution to Dialogue or a factor of Conflict in transforming societies of European countries, REDCo*), который осуществлялся в 2006–2009 гг. в Германии, Норвегии, Нидерландах, Англии/Уэльсе, Франции, Испании, России и Эстонии.

Приведем некоторые результаты этого проекта: как говорится в заключительном докладе, большинство опрошенных учителей отмечают, что преподавание религии не должно иметь целью развитие духовности учеников, но должно быть направлено на повышение уровня их информированности и способности к взаимопониманию, а также на привитие навыков существования в плюралистическом обществе. Ключевую роль в преподавании играет личность учителя и развитие интерактивного диалога со школьниками, имеющими разные религиозные корни или не имеющими связи с религиозной традицией, что одновременно учит их быть хорошими гражданами, иметь собственное мнение и уважать мнение других людей. Среди школьников было отмечено стремление изучать религию вместе, в классе, в котором присутствуют представители разных религиозных традиций, получать объективное знание о предмете и свободно обсуждать проблемы, связанные с моральными ценностями друг друга. При этом такое обсуждение не должно превращаться в богословский спор.

В докладе отмечается, что независимо от имеющейся национальной традиции религиозного образования, необходимо внедрять такую концепцию обучения, которая нацелена на всестороннее развитие способностей школьников, на межкультурный диалог, на развитие критического мышления и независимости в оценке источников. В то же время образование должно сочетать в себе объективное знание и способность к эмпатическому пониманию разных религиозных традиций такими, какие они есть. Кроме того, образование не должно строиться на дискриминации и сегрегации по признаку веры и убеждений. Школа должна оставаться светской, но эта светскость не является ни антирелигиозной, ни прорелигиозной. «Школа — это место, где следует уважать всех учеников, независимо от их мировоззрения или религиозных убеждений» [10].

Таким образом, сегодня европейские страны вовлечены в единый процесс приведения образовательных систем в соответствие с изменяющейся природой современного общества, в котором происходит ослабление уровня традиционной религиозности, с одной стороны, и усиление присутствия религиозных меньшинств — с другой. Каждая страна ищет свой собственный путь решения проблемы соответствия между образованием и религией в зависимости от конкретной исторической традиции государственно-религиозных отношений. Европейские страны достигли разной степени успеха на этом пути, но ни в одном случае этот процесс не является легким.

1. *Понкин И. В.* Преподавание знаний о религии в светской школе: европейский опыт правового регулирования // Религиозная культура в светской школе. М., 2007. С. 6–38.
2. *Berger P., Davie G., Fokas E.* Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations. Ashgate, 2009.
3. *Debray R.* L'enseignement du fait religieux a l'école laïque : rapport au ministre de l'Education Nationale. Paris, 2002.
4. Education and Religion. PACE Documents, 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://assembly.coe.int//main.asp?link=http://assembly.coe.int/Sessions/2005/Agenda/ECALSES2005_4.htm (дата обращения: 29.03.2011).
5. *Habermas J.* Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. 2006. № 14 (1). P. 1–25.
6. *Hasenclaver A.* Geteilte Werte – Gemeinsamer Frieden? Überlegungen zur zivilisierenden Kraft von Religionen und Glaubensgemeinschaften // Kung H., Senghaas D. (eds.) Friedenspolitik: ethische Grundlagen internationaler Beziehungen. München, 2003. P. 288–318.
7. *Hull J.* The contribution of religious education to religious freedom: a global perspective // Spinder H. etc (eds.) Committed to Europe's Future: Contributions from Education and Religious Education. Munster, 2002. P. 107–110.
8. *Jackson R.* European Institutions and the Contribution of Studies of Religious Diversity to Education for Democratic Citizenship // Religion and Education in Europe: Developments, Contexts and Debates. Munster, 2007. P. 27–56.
9. *McLauhlin T.* Citizenship, diversity and education: a philosophical perspective // Journal of Moral Education. 1992. № 21 (3). P. 235–250.
10. *Weisse W.* (ed.). The relevance of interreligious dialogue for intercultural understanding, 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.redco.uni-hamburg.de/web/3480/4176/index.html> (дата обращения: 29.03.2011).
11. *Willaime J.-P.* Different Models for Religion and Education in Europe // Religion and Education in Europe: Developments, Contexts and Debates. P. 57–66.
12. *Willaime J.-P.* Teaching Religious Issues in French Public Schools: From Abstentionist *Lancitü* to a Return of Religion to Public Education // Ibid. P. 87–102.

Статья поступила в редакцию 28.04.2011 г.

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 070(07) + 811.161.1'42

О. Ф. Автохутдинова

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДРУГОГО КАК ПЕРСОНАЖА ЖУРНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА

Анализируются дискурсивные практики конструирования персонажа в текстах интернет-СМИ. К основным дискурсивным практикам относятся дискурсивные практики, конструирующие персонажа как врага, как психически или физически больного, как преступника и как человека, жертвующего собой ради других. Комбинация различных дискурсивных практик способствует созданию положительных или отрицательных смыслов при конструировании персонажа как социально значимого Другого. В качестве примера рассматриваются публикации, посвященные старшему оперуполномоченному УВД Новороссийска майору А. Дымовскому.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс, дискурсивные практики, средства массовой информации, Другой, журналистский текст.

Блуждая между множеством культур и субкультур, современный человек способен познать и описать собственное Я только в непрерывном сопоставлении себя с Другим (чужим) человеком. «...удивительность чужого является лишь кажущейся, но эта фикция необходима, чтобы уберечь нормативно-ценностные основы общества от направленной на самое себя амбивалентности и вытеснить амбивалентность к границам общества, в фигуру чужого» [17, 41–42]. Потребность в Другом как в средстве для консолидации и развития общества поддерживает актуальность обсуждения и изучения проблемы конструирования Другого в дискурсе СМИ.

Ниже мы попытаемся обрисовать основные практики конструирования Другого в журналистском дискурсе, который специфичен тем, что образцовое

АВТОХУТДИНОВА Ольга Федоровна — ассистент кафедры русского языка и стилистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: sofia28@mail.ru).

© Автохутдинова О. Ф., 2011

не сочиняется, а тщательно отбирается из реально происходящего и редактируется в соответствии с заданной идеологической доминантой. Тексты, содержащие соответствующие смыслы, часто способны поддержать уже существующие стереотипы и сформировать у адресата определенное отношение к кому-либо или чему-либо, особенно если адресат не имеет личного опыта общения с носителями обсуждаемых различий [15, 4]. Р. Харрис отмечал, что если социальная группа неизвестна адресату по личному опыту, медиаобраз ее способен повлиять на складывание представлений человека о ней и, следовательно, есть опасность внушения негативного отношения части аудитории к той или иной из изображаемых групп [14].

Дискурсу как понятию дается множество определений. Нами используется подход, сформулированный в работах М. Фуко [11], И. Сандомирской [10], Э. Чепкиной [6, 15], Е. Шейгал [16]. Дискурс рассматривается как «социально упорядоченный механизм порождения речи, организации коммуникации. Главное здесь — социальная заданность, поскольку существуют правила общения (создания и передачи смыслов), которые субъект не изобретает. Эти правила стабильны потому, что каждый владеющий практикой воспроизводит ее многократно, а также потому, что практики доступны внешнему наблюдателю, так как фиксируются в текстах» [6, 4]. Под дискурсивной практикой, таким образом, понимается «процесс структурирования текста (как адресантом, так и адресатом) в пределах определенного дискурса» [15, 7]. Но так как условия продуцирования текстов очень разнообразны, имеет смысл говорить не о дискурсивной практике вообще, а о разнообразии дискурсивных практик в связи с конкретными обстоятельствами и условиями общения.

Дискурсивные практики фиксируют не только правила создания завершеного, отдельного текста, но и вообще способы передачи смыслов, актуальных для журналистики вне зависимости от того, в одном тексте или в серии текстов эти смыслы воплощаются. Анализ дискурсивных практик позволяет выявить интертекстуальные закономерности развертывания смыслов. Каждая дискурсивная практика в журналистике нацелена на передачу некоторого смысла, который считается с помощью системы знаков, за ним закрепленных.

Дискурсивные практики могут конструировать как событие текста, так и персонажа — главное действующее лицо текста. «Персонаж <...> может иметь различное историческое содержание, в зависимости от которого мы и определим его качество и ценность для нас. Самое развертывание П. в произведении происходит как путем непосредственного показа характерных его черт и действий (его портрет, характеристика, речи, поступки и т. п.), так и через другие образы, так или иначе к нему относящиеся» [7, 583–584]. Следует различать персонажа текста и обобщенный, символический образ, связанный с тем же персонажем: «Образ — это уже не комбинация сем, закрепленных за тем или иным гражданским Именем; ускользая из-под власти биографии, он представляет собой внегражданскую, безличную и ахронную комбинацию символических отношений. <...> В качестве сугубо символической фигуры персонаж не имеет ни хронологического, ни биографического статуса, т. к. символическая структура полностью обрывает, так что читать ее можно в любом порядке» [1, 126].

Охарактеризуем конкретную методику анализа практик конструирования персонажа в текстах СМИ [см. 15]. Мы выделяем базовую номинацию (обычно это имя собственное персонажа) и вторичные номинации (все другие номинации, данные персонажу). Далее анализируем характеристику поведения, черты характера персонажа (в том числе и его речь). Затем рассматриваем сюжетную роль персонажа, опираясь на теорию В. Проппа [9]. И наконец, определяем, какая оценка дается персонажу: положительная или отрицательная; рассматриваем, в чьей речи встречается номинация и оценка. Например, характеристика может даваться авторами журналистских текстов, присутствовать в речи персонажа о себе или в речи других персонажей.

В журналистском дискурсе современной России можно выделить стереотипных Других, чье отличие от большинства всегда фиксируется как неизменное и однозначное: этнически Другие, политически Другие, гендерно Другие. Эти персонажи воспроизводятся с одним и тем же устойчивым набором характеристик. Однако в некоторой экстраординарной ситуации, когда в СМИ попадает неожиданный персонаж, он оказывается не закрепленным в готовом наборе стереотипных Других. Журналистам приходится на ходу искать средства, позволяющие вписать ранее неизвестного Другого в дискурс СМИ и картину мира аудитории. И в этом случае можно непосредственно наблюдать за дискурсивными практиками конструирования нового персонажа.

Таким персонажем оказался, например, старший оперуполномоченный ОРЧ УВД г. Новороссийска майор Алексей Дымовский, выложивший в ноябре 2009 г. в Интернете видеообращение, в котором он обвиняет своих коллег и руководство в коррупции и других противоправных действиях. В декабре А. Дымовский был заключен под стражу по подозрению в мошенничестве, а в марте 2010 г. отпущен под подписку о невыезде. Связанные с Дымовским события получили значительный резонанс и до сих пор не утратили своей актуальности.

Дискурсивные практики выделялись нами в текстах, размещенных в непосредственно сетевых изданиях и на сайтах традиционных СМИ. Выбор материала для исследования не случаен. В настоящее время Интернет является одним из самых мобильных средств распространения информации. Сетевые ресурсы обеспечивают более оперативный и удобный доступ к информации, а также сохраняют единожды выставленные материалы достаточно долгий срок. В то же время мы использовали только публикации зарегистрированных СМИ, чтобы оставаться в границах анализа практик именно журналистского дискурса. Всего в рамках исследования было проанализировано 95 текстов, размещенных с ноября 2009 г. по март 2010 г. Тексты подбирались путем случайной выборки.

Итак, какие же практики использовались для конструирования персонажа «Алексей Дымовский» как Другого в дискурсе СМИ?

Выше мы уже упомянули о том, что в современном журналистском дискурсе можно выделить дискурсивные практики, связанные с конструированием стереотипных Других. В частности, **дискурсивную практику конструирования образа врага, внешнего Другого**. Рассмотрим ее применение в ситуации с Дымовским.

За публичными выступлениями майора милиции Алексея Дымовского могут стоять неправительственные организации, финансируемые из-за рубежа, в частности «Агентство США по международному развитию» (USAID), заявил Интерфаксу в понедельник источник в Департаменте собственной безопасности МВД России.

«Выбранный способ, форма и время публикации видеобращения свидетельствуют о том, что Дымовский пользуется поддержкой со стороны третьих сил», — заявил собеседник агентства (<http://interfax.ru/society/news.asp?id=109154>).

Как отмечает Лев Гудков, актуализация образа врага означает, что само общество начинает испытывать сильные социальные напряжения, источники которых с трудом опознаются и рационализируются [5, 11]. Таким образом, привлечение образа некой враждебной силы из-за границы, заранее спланировавшей выступление Дымовского, подчеркивает опасность персонажа для «своих». Отметим, что в приведенных выше высказываниях отсылки к внешнему врагу принадлежат персонажам, являющимся оппонентами Дымовского, — сотрудникам МВД России. Причем источник мнения не раскрывается, это безымянный персонаж. Отсутствие персонификации респондента, по всей видимости, должно усиливать у адресата ощущение опасности, исходящей от Дымовского, однако, на наш взгляд, подобная стратегия обесценивает мнение источника информации, снижает уровень доверия к нему.

Сам А. Дымовский, которому некоторые СМИ также предоставили слово, пытался, напротив, актуализировать принадлежность к группе «своих» и дистанцированность от внешнего Другого. Фрагмент, который мы хотели бы привести в качестве примера, интересен тем, что в нем речь персонажа представлена от первого лица и его реплики даются без правки и практически без комментариев со стороны журналистов. Соответственно, аудитория имеет возможность составить собственное представление о персонаже. Это размещенная на сайте радиостанции «Эхо Москвы» расшифровка записи пресс-конференции с Алексеем Дымовским, которая состоялась 10 ноября 2009 г.:

С иностранцами, честное слово, я встречался в своей жизни два раза. В Амурской области, где у нас в каждом городе есть китайский рынок, когда приходишь туда за 300 рублей ботинки покупать, и в пять лет меня бабушка возила в Днепропетровск. И все, больше с иностранцами я отношений не поддерживал...

Я россиянин и в Америку я не собираюсь жить переезжать, тем более в отпуск ехать (Алексей Дымовский: «У меня сейчас это равносильный самоубийству поступок». — <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/633436-echo/>).

Наличие диаметрально противоположной информации о связи Дымовского с иностранцами оставляет адресату свободу выбора в оценке ситуации и формировании отношения к персонажу. Однако обращение к идеологеме врага способствует формированию негативного образа, связанного с героем текста.

Враг — это обычно внешний Другой. **Практика конструирования внутреннего Другого** используется в нескольких вариантах. Очередность их перечисления не зависит от значимости или частотности, здесь они приводятся в том порядке, в котором фиксировались во время исследования в текстах СМИ.

Первый вариант — **практика конструирования персонажа как «психически или физически больного»**. М. Фуко утверждал, что не столько безумие

само по себе породило изоляцию психически нездоровых людей, сколько априорно заданное обществу разделение на «нормальное» и «ненормальное» породило само представление о безумии. С тех пор как безумие предстало как технология ненормальности, ненормальных состояний, психиатрия получила реальную возможность облечь себя функцией, которая сводится к охране и поддержанию порядка. Фактически психиатрии была назначена роль генерализованной социальной защиты [13].

Соответственно, заключение врача о ненормальности героя публикации способно исключить персонажа из круга «своих», что, собственно, можно наблюдать в текстах о А. Дымовском. Например, в заметке «Майор-разоблачитель Дымовский тайком добрался до Москвы к Дню милиции» автор приводит несколько мнений об обращении А. Дымовского, и среди них такое:

Багрова (главный врач поликлиники, к которой приписан Алексей Дымовский. — О. А.) утверждает, что Дымовский вел себя в поликлинике **неадекватно** и она попросила начальника УВД отправить милиционера в краевую больницу для установления диагноза, передает Life News. «Налицо были все **признаки психопатической личности**», — уверяет врач. В краевом ГУВД заявили, что не были слишком удивлены обращением майора, так как и ранее он совершал **«неадекватные поступки»** (http://www.newsru.com/russia/10nov2009/moscow_dymov.html).

Кроме субъективной оценки поведения персонажа (*признаки психопатической личности*), автор высказывания несколько раз употребляет слова «неадекватный»/ «неадекватно», которые имеют негативно-оценочные семы, подчеркивающие ненормальность объекта. Так, Толковый словарь русского языка под редакцией С. Ожегова и Н. Шведовой [8] (далее — СОШ) дает следующие значения: «Неадекватный. 1. Не совпадающий с чем-л., лишенный адекватности. 2. Не соответствующий норме, требованиям. *Н-ое поведение*» (СОШ, 400).

Ту же практику мы можем наблюдать в речи персонажа, не являющегося врачом, но обладающего определенным социальным статусом (текст «Не соответствует масштабу проблем»):

Между тем ряд экспертов, с которыми пообщалась газета ВЗГЛЯД, сошлись во мнении, что Дымовский явно **неадекватен**. Так, начальник пресс-центра МВД России Олег Ельников рассказал, что у него возникают сомнения в адекватности поведения Дымовского, «исходя из личного анализа его поведения, выступлений и публичных заявлений». Ельников отметил, что акция опального майора не обязательно связана с различного рода расстройствами здоровья, но «вполне может быть результатом сложившихся обстоятельств и обстановки».

«Но особенно мне “понравился” его третий ролик, где он задает своему руководителю сложные вопросы и сам же на них отвечает. Это уже о многом свидетельствует», — заверил Ельников (<http://vz.ru/society/2009/11/11/347067.html>).

Уже в заголовке адресату сообщают, что персонаж, оценке которого посвящен текст, не соответствует некоему масштабу (а значит, не дотягивает до какой-то заданной нормы). Затем начальник пресс-центра МВД, выступающий в публикации в роли эксперта, хотя его квалификация как человека, имеющего право ставить диагноз, никак не подтверждается, вновь намекает на психичес-

кое нездоровье Дымовского (*привычка разговаривать с самим собой*). Однако в той же публикации приводится мнение, формально опровергающее вышеприведенное:

Как рассказала пресс-секретарь УВД Новороссийска Полина Гнута, которая была лично знакома с Алексеем Дымовским, ранее никто из сотрудников управления не мог сказать о нем, что он психически ненормален или неадекватен. «Он нормальный обычный среднестатистический сотрудник милиции, — сказала она. — Но из 310 рабочих дней он провел на службе всего 62... Отпуск был официальным, и он жаловался на боли в спине, руках и шее, но я не знаю, жаловался ли он на психическое здоровье. Во всяком случае, в 2004 г. аттестационную комиссию он прошел и был допущен к работе, что говорит о его адекватности, ведь психически больные в милиции не работают» (<http://vz.ru/society/2009/11/11/347067.html>).

Здесь смысл «психически больной» формально снимается (психически больные исключаются из группы «свои», которая в данном тексте обозначает милиционеров), разделяясь при этом на смыслы «не соответствующий норме» (*в отличие от других среднестатистических сотрудников провел на работе всего 62 дня из 310*) и «больной, не здоровый» (*жаловался на боли в спине, руках и шее*).

Таким образом, при реализации дискурсивной практики конструирования персонажа как «психически или физически больного» подчеркивается потенциальная опасность персонажа. По Фуко, «предметы диагностики психиатрической экспертизы — это индивиды потенциально опасные». То есть это **потенциальные** преступники (хотя они могут и не совершать преступлений), что и вменяется им в вину [13], именно поэтому считается, что общество через системы внутреннего регулирования должно изолировать таких людей: «...власть нормализации... стремится постепенно за счет собственной силы, за счет производимых ею стыковок медицинского и судебного, модифицировать как судебную власть, так и медицинское знание, и сложиться в качестве инстанции контроля над ненормальными» [Там же, 65].

Практику конструирования персонажа как «преступника» также можно отнести к актуальным практикам, конструирующим негативное отношение к герою текста. Преступник относится к внутренним врагам. Персонажу-преступнику приписывается совершение противоправных и общественно осуждаемых действий: убийство, мошенничество, наркоторговля. В анализируемый период в СМИ появилась серия публикаций, в которых сообщалось, что А. Дымовский совершил то или иное противоправное действие. Причем спектр преступлений был достаточно широк — от разглашения государственной тайны и подозрения в убийстве до вымогательства:

Майора Алексея Дымовского обвиняют в разглашении государственной тайны и хищении денежных средств. По крайней мере, такое заявление сегодня сделал глава Департамента собственной безопасности МВД РФ генерал-лейтенант милиции Юрий Драгунцов. «Служебная проверка в отношении Дымовского проведена, материалы направлены в СКП РФ. Ему может инкриминироваться хищение денежных средств и разглашение государственной тайны», — сказал он (http://www.mr7.ru/news/society/story_21772.html).

— Прикрываясь погонами, он регулярно ходил выбивать деньги, — уверяет женщина (Ирина Дымовская, бывшая жена А. Дымовского. — А. О.) — Будучи сотрудником службы по борьбе с оборотом наркотиков, Дымовский прекрасно знал адреса тех, кто готовит наркотики или торгует ими. Но вместо того чтобы остановить этих людей, он регулярно наведывался к ним за данью. <...>

— Он страшный человек! — дрожащим от волнения голосом говорила Ирина. — Майор-правдоискатель, которого люди видят на видео, и настоящий Алексей Дымовский — совершенно разные люди. Находиться рядом с таким человеком страшно.

По словам бывшей жены, Дымовский не просто брал взятки, будучи сотрудником службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а активно их «выбивал». Большую часть денег, как заработанные на службе, так и незаконно добытые при злоупотреблении служебным положением, заядлый игрок Дымовский оставлял в казино (<http://www.politonline.ru/ventilyator/1710.html>).

Хотя официальным поводом для заключения А. Дымовского под стражу стало уголовное дело, возбужденное по статье «мошенничество», приписывание персонажу других возможных преступлений способствует накоплению отрицательных характеристик (*вор, коррупционер, наркоторговец, рэкетир, взяточник*).

Потенциальная опасность, исходящая от персонажа, подчеркивается описанием реакции близких ему людей: бывшая жена запугана (*находиться рядом с таким человеком страшно*, ее голос *дрожит от волнения*, когда ей приходится рассказывать об экс-супруге). Положительный смысл оценочной номинации «*майор-правдоискатель*» разрушается противопоставлением с самим персонажем: «*это разные люди*».

Кроме того, в рамках практики конструирования персонажа как «преступника» в более поздних публикациях поступок Дымовского интерпретируется представителями МВД как аналогичный действиям майора Евсюкова, расстрелявшего в торговом центре в Москве более 20 человек. Например, в тексте «Майор Дымовский как майор Евсюков» проводятся прямые аналогии между поступками двух милиционеров:

По степени общественного резонанса демарш Дымовского сравним лишь с бойней в московском супермаркете «Остров», устроенной 32-летним майором Евсюковым. На поверку выясняется, что у этих историй есть много общего.

Дымовского с Евсюковым роднит не только возраст и звание. По-моему, оба милицетских офицера пребывали на момент совершения поступка в явно неуравновешенном состоянии. У Евсюкова был острый алкогольный психоз, у Дымовского — явные признаки хронической депрессии. В действиях обоих милиционеров читается протест против устоявшихся порядков и неприятие начальства. Во время стрельбы по живым мишеням Евсюков грозил вышестоящим товарищам «наделать висяков». В своем видеообращении Дымовский разоблачает руководство новороссийского ГУВД (<http://www.chaskor.ru/p.php?id=12174>).

Таким образом, по логике авторов текста, попытка отстоять свои права может быть приравнена к убийству и захвату заложников, и то и другое — преступления. К тому же в данном примере привлекается уже знакомая нам практика представления героя как «психически больного».

Дискурсивная практика конструирования персонажа как «своего» Другого — «человека, жертвующего собой ради других». Данная дискурсивная

практика связана с конструированием Другого как персонажа, необходимого для развития «своих» в лучшую сторону. При этом субъект события берет на себя сюжетную роль героя — «персонаж, или непосредственно пострадавший от действия вредителя в завязке (resp. ощущающий некоторую нехватку), или согласившийся ликвидировать беду или недостачу другого лица» [9, 40]. Персонаж может не вызывать симпатию у адресата или других персонажей, его поступки и мотивы могут осуждаться, но его действия признаются полезными для общества. Например, в тексте «Не соответствует масштабу проблем» при общих негативных характеристиках персонажа утверждается значимость его поступка:

«Откровенно говоря, я испытываю к нему смешанное чувство колоссального интереса и гадливости. Проблема в том, что хотелось бы увидеть настоящего рыцаря добра, который борется с грязью в МВД, но получилось, что МВД в своих недрах родило вполне ублюдочного сутягу... — сетует Доренко. — Он, конечно, не соответствует масштабу проблем, масштабу гниения МВД».

Доренко добавил, что Дымовский — сам продукт гниения МВД. «Сегодня у нас это гниение представлено двумя публичными портретами — Евсюкова и этого странного сутяги, который полгода ходил и записывал своих товарищей на магнитофон. Ну что тут скажешь — брезгливость и гадливость. Но я с детства — юный натуралист, мне приходится наблюдать за такими странными персонажами», — рассказал он.

На вопрос, как долго продержится интерес к Дымовскому, Доренко ответил: «Этот интерес уже сейчас не оправдан ничем, кроме нашей обеспокоенности абсолютно ужасным состоянием Министерства внутренних дел. Русская милиция в кризисе. **Мы будем интересоваться любым самозванцем, пока МВД будет в столь ужасном положении**», — убежден он (<http://vz.ru/society/2009/11/11/347067.html>).

Субъективное мнение автора высказываний подкрепляется негативно окрашенными эпитетами (*ублюдочный* — «разг.-сниж. Уродливый; неполноценный» — СОШ, 821), разговорной лексикой (*сутяга*), прямыми негативными номинациями (*самозванец* — «Тот, кто выдает себя за другого человека, присвоив себе его имя, звание» — Там же, 694). Негативное отношение к персонажу также выражается оценочно: *брезгливость* (то же, что и отвращение — крайне неприятное чувство, вызываемое кем-, чем-л.» — Там же, 468) и *гадливость* («гадливый — полный отвращения, брезгливости» — Там же, 124). Кроме того, журналист не скрывает своего разочарования от более близкого знакомства с Дымовским, однако сами действия персонажа оцениваются положительно, они признаются полезными для общества.

В публикации «Не про Дымовского» автор пытается разобраться в том, полезен феномен видеообращений милиционеров для общества или нет.

Уже выяснилось: у них тяжелые условия работы, среди младшего и среднего звена зреет протест, выразителем которого и стал Дымовский. Было бы хуже, если бы мы не знали об этом. <...> Этот момент «выхода из себя» есть акт самоидентификации, он очень важен, опять же, для них самих: сказать вслух что-то от себя лично — это значит уже стать личностью. <...> А то, что они начинают с решения своих мелких и даже личных, корыстных дел: квартиру не дали, начальство по-хамски обращается, — это даже хорошо. Потому что это — не «голословные обвинения демократов», которых всегда ругали за излишнюю склонность к обобщениям и абстракциям. Тут забота

о себе в первую очередь — куда уж конкретней и практичней. А уже попутно, заодно — и о справедливости. <...> Но даже говоря о своих проблемах, они парадоксальным образом приносят пользу обществу. В данном случае тем, что заполняют информационный вакуум — по поводу реального положения дел в милиции (<http://www.vz.ru/columns/2009/11/19/350309.html>).

В целом автор оценивает поступок Дымовского положительно: его поступок — первый шаг к реформированию милиции, к положительным изменениям в системе. При этом Дымовского не рассматривают отдельно от МВД, Дымовский и милиция — одно целое (*у них тяжелые условия работы, среди младшего и среднего звена зреет протест, выразителем которого и стал Дымовский*). И тем не менее автор подчеркивает: появление героя было ожидаемым, а значит, необходимость в нем есть.

Дискурсивная практика «самопрезентации» персонажа. Эта практика возникает в дискурсе СМИ, когда журналисты дают возможность персонажу высказаться, предоставляют ему слово. Самопрезентация играет важную роль в формировании мнения о субъекте события, так как позволяет аудитории оценить внешность, настроение, манеру речи персонажа, его собственный взгляд на ситуацию.

При конструировании А. Дымовского как персонажа дискурса СМИ данная практика также использовалась. Особый интерес, на наш взгляд, представляет расшифровка записи с пресс-конференции с Алексеем Дымовским, которая состоялась 10 ноября 2009 г.: «Алексей Дымовский: “У меня сейчас это равносильный самоубийству поступок”» (<http://echo.msk.ru/blog/echomsk/633436-echo/>). Этот текст интересен тем, что в нем речь персонажа дается без правки и практически без комментариев со стороны журналистов. Соответственно, аудитория имеет возможность составить собственное представление о персонаже. В тексте обсуждаются причины, побудившие майора обратиться к власти через Интернет, его личная и профессиональная жизнь, нравственные установки. Себя А. Дымовский сначала позиционирует как честного офицера, уставшего от произвола начальства и пытающегося добиться правды от власти:

Толкнуло меня на это обида за всех сотрудников милиции, которые подвергаются гонениям со стороны начальства, отношением хамским. От Владимира Владимировича я ожидаю реакции, я смотрю, общественность меня поддерживает. <...> Работал участковым. У меня на участке кличка среди местных жителей была Аниськин, если честно. Я жил на этом участке. Там у меня произошел конфликт с местным начальством, произошла ситуация, когда мне пришлось использовать табельное оружие против своего же милиционера, когда он на меня попытался кинуться с железной трубой, будучи пьяным, и чтобы обезопаситься, мне пришлось стрелкнуть у него над головой.... <...> Я думал, что там (в милиции. — О. А.) справедливость. Честь, совесть, достоинство. <...> Я наивный. Я задал вопрос, когда закончится ментовский беспредел в Краснодарском крае? Минута-две молчания, пауза, я думал, что меня отключили. Она говорит: «Вы меня извините, но повторите еще раз свою должность, фамилию, имя, отчество». Я сам милиционер и тут пытаюсь бороться с ментовским беспределом. Ну и все. Не поговорил я с ним.

<...> Выполнил план — молодец, не выполнил — дай денег проверке, которая придет. Купи что-нибудь, помоги, чтобы тебе не попало от начальства. Это идет от руко-

водства. Все эти приказы идут от руководства. Только они устные. А мы, вот такие простые, попадаем под статью, под превышение должностных полномочий. Мы ничего не можем доказать.

Затем А. Дымовский выставляет себя хитрым, находчивым специалистом:

Я приходил в УВД, прямо перед входом включал его (диктофон. — О. А.) и ходил, разговаривал, соответственно работал. Когда возник конфликт с начальством, когда вышли мои видеоролики в Интернете, я успел до обеда позаниматься... Сто пятьдесят часов общих записей.

Нет, я это уже опровергал, я не садил невиновного человека. И потом с таким грехом... говорят, грехи на детей и внуков передаются. Я своим детям зла не желаю. Звание получил. Оперская хитрость называется. Я не садил человека, я дал обещание Черноситову, но ни слово офицера, что я попытаюсь это сделать. И каждый день без пятнадцати восемь я стоял перед его кабинетом в течение месяца, а мое представление майорова так лежало на столе, я заходил и говорил ему... ну, честно если — врал, что сделал то-то, то-то, установил это, это. А потом, когда мне позвонили знакомые, говорят: «Алексей Александрович, тов. капитан, вам присвоено очередное звание майора, приказ такой-то, от такого-то числа». На следующий день я зашел к Черноситову и сказал, что не буду заниматься этим.

С одной стороны, персонаж приписывает себе черты, располагающие к нему: он социально «свой» (*я россиянин, простой*), его позиция близка большинству адресатов (*мы все люди, все равны, не желаю зла своим детям, мы простые люди, но ничего не можем доказать*, сталкиваясь с произволом властей), он блюдет офицерскую честь (*я дал обещание, но не слово офицера*). Честность персонажа, готовность нести ответственность за возможные правонарушения также способны вызвать симпатию. Судя по цитате, вынесенной в заголовок, Дымовский вполне осознает последствия своих действий как опасные для себя, но не боится идти вперед. С другой стороны, признание того, что им совершались неблагоприятные поступки, странное понятие о чести и «оперской хитрости» (шпионил за коллегами, чуть не посадил невиновного ради очередного звания, дал обещание, которое не собирался выполнять, прикрываясь тем, что «слово офицера» не давал) оставляют плохое впечатление.

Таким образом, при конструировании в журналистском дискурсе персонажа А. Дымовского как Другого переплетались различные практики. Соединение дискурсивных практик, связанных с образом врага и чужого (больной, ненормальный, враг, преступник), накапливает негативные смыслы и конструирует образ отрицательного персонажа. «Не только структура образов врага, но даже само по себе выдвигание на первый план риторики врага уже может служить симптомом важнейших социальных процессов — массовой консолидации мобилизационного типа, блокировки инновации, консервации архаических представлений и ритуалов» [5, 9]. Нагнетание негативных смыслов строилось на противопоставлении своего и чужого. Например, на оппозиции нормы и патологии: неполноценный, лжец, преступник, по отношению к которому необходимы бдительность и принципиальная нетерпимость. Кроме того, столкновение семантики честности и лицемерия усиливает смыслы коварства врага, оправдывает необходимость изоляции Другого и допускает проявление собственной

агрессии как блага. Однако использование дискурсивных практик самопрезентации и конструирования персонажа как человека, жертвующего собой ради других, содержащих положительные смыслы и характеризующих героя публикаций как человека «своего», необходимого обществу, создает более полную картину для аудитории.

Итак, фигура Другого в дискурсе СМИ осмысливается как социально важная для определения культурной идентичности индивида. Массмедиа, используя дискурсивные практики, конструируют в текстах персонажей, закрепляя их как стереотипных «Своих» или «Других». В случае появления неожиданно Другого СМИ чаще всего прибегают к известным ранее дискурсивным практикам и с их помощью стараются вписать героя события в картину мира СМИ и аудитории.

1. *Барт Р. S/Z* / пер. с фр. Г. К. Корсикова и В. П. Мурат ; под ред. Г. К. Корсикова. 3-е изд. М., 2009.
2. Большой академический словарь русского языка. М. ; СПб., 2006. Т. 4.
3. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. *Гришаева Л. И., Цурикова Л. В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж, 2004.
5. *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага* / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М., 2005.
6. Дискурсивные практики СМИ: проблемы информационной безопасности : монография / под общ. ред. Э. В.Чепкиной. Екатеринбург, 2009.
7. Литературная энциклопедия : в 11 т. / редколл.: П. И. Лебедев-Полянский, И. Л. Маца, И. М. Нусинов, В. М. Фриче ; гл. ред. А. В. Луначарский ; учен. секретарь Е. Н. Михайлова. М., 1934. Т. 8.
8. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2009.
9. *Протт В. Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собр. тр. В. Я. Проппа) / коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой ; сост., науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М., 1998.
10. *Сандомирская И.* Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.
11. *Фуко М.* Археология знания = L'Archeologie du savoir / [пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А. С. Колесникова]. СПб., 2004.
12. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. Стаф ; под ред. В. Гайдамака. СПб., 1997.
13. *Фуко М.* Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Колледже в 1974–1975 учебном году / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб., 2004.
14. *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций : [пер. с англ.]. 4-е междунар. изд. М. ; СПб., 2002.
15. *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.
16. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
17. *Штихве Р.* Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // *Журн. социологии и социальной антропологии.* 1998. Т. 1, № 1. С. 41–53.

Статья поступила в редакцию 25.10.2010 г.

УДК 070.431.4 + 341.9 + 355.014

В. М. Амиров

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ АНАЛИЗА В ЖУРНАЛИСТИКЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

На примере газетных и журнальных материалов современных журналистов показаны основные подходы к аналитической публикации по проблематике вооруженного конфликта.

Ключевые слова: журналистика, фронтовой корреспондент, объективность, оценка.

Подготовка аналитических материалов, посвященных вооруженным конфликтам, является сложной задачей даже для многоопытного журналиста. У фронтового корреспондента, работающего в зоне боевых действий, как правило, очень мало времени на осмысление поступающей информации. Да и река этой информации редко бывает полноводной. Поделиться новостями не спешит ни медлительный, тщательно выверяющий свои заявления пресс-центр, ни сами участники событий, часто подозрительно относящиеся к представителям СМИ. Обильно циркулирующие в журналистском сообществе слухи опасно брать на веру, поскольку, опираясь на них, легко можно оказаться вовлеченным в очередной этап постоянно ведущихся информационных войн. Тем не менее читатели ждут от автора подробностей и оценку происходящего, которые помогли бы понять, что, собственно говоря, происходит, увидеть тенденции развития ситуации, спрогнозировать варианты решения проблемы. Для удовлетворения этого вполне понятного интереса журналист анализирует увиденное и услышанное, работает с документами, которые оказались в его распоряжении, формируя аналитическое представление о происходящем.

Под военным анализом следует понимать выявление, оценку военных стратегических или тактических преимуществ (недостатков). Он может иметь своей целью исследование возможного театра военных действий, структуры вооружения армий вероятного противника, уровня боевой и морально-политической подготовки офицерских кадров и т. п. [8, 73].

Для того чтобы картина была полной и содержала ответы на задаваемые читателем вопросы, журналистский анализ должен иметь четкую структуру. Фундаментом такой структуры является **выяснение истинных причин военного конфликта**. При кажущейся простоте решения эта задача на самом деле далеко не так легка. Чтобы разобраться в причинах, необходимо разобраться в предыстории конфликта, в его этнонациональных и религиозных предпосылках, в экономических проблемах, предшествовавших вооруженному столкновению. Примеров того, насколько сложной может быть аналитическая работа

АМИРОВ Валерий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: vestnik-va@mail.ru).

© Амиров В. М., 2011

такого рода, предостаточно. Из самых последних — еще тлеющая пятидневная война между Грузией и Южной Осетией, причина которой далеко не очевидна и кроется в многовековой истории взаимоотношений двух народов, исповедующих одну религию и связанных многими экономическими и культурными нитями. Вот, например, какую версию причин конфликта и вариант его возможного развития предлагает в своем материале военный корреспондент газеты «Аргументы и факты»:

В Южной Осетии обкатывается война нового типа: хроническая болевая точка, затяжной позиционный конфликт, как в той же Палестине. Этакая вялотекущая война под ковром. С диверсионно-разведывательными группами, нашествиями через границу десятков тысяч беженцев и т. д. Не получилось в лоб — будут вредить и изматывать силы. Грубо говоря, в Иерусалим и сектор Газа пытаются превратить обе Осетии, Ингушетию, а в перспективе, и весь Кавказ. Цель — сорвать стабилизацию, дискредитировать Россию, показать неспособность ее вооруженных сил справиться с ситуацией, оспорить итоги пятидневной войны, а в конечном счете дать Западу повод для введения в регион сил типа КФОР. Дескать, «у вас бардак, мы наведем порядок сами» [4].

Необыкновенно сложен в своей сути военный конфликт между двумя бывшими советскими республиками — Арменией и Азербайджаном. И хотя формальным поводом стали взаимные претензии на небольшой клочок земли — Нагорный Карабах, на самом деле причин конфликта между еще недавно близкими народами много.

В последнее время среди причин вооруженных конфликтов все чаще фигурируют этнорелигиозные. Причем обычно религиозная составляющая тесно переплетается с экономической, когда конфликт вспыхивает на фоне крайнего обнищания какой-то группы населения, недовольства людей своим бедственным положением. Вот как описывает журналист развитие подобного конфликта в Кабардино-Балкарии:

С работой — беда. Устроиться — деньги, учиться — деньги, жить спокойно — деньги. То, что называется коррупцией, здесь приобрело более чем осязаемые масштабы... Единственными, кто сочувствовал и заступался, оказались младомусульмане... Действия последовали незамедлительно. Создали комитет по противодействию идеям радикального ислама. И боролись как умели. Умели палкой. К людям, попавшим в список «ваххабитов» только потому, что они ходят в мечеть и делают намаз, стали регулярно навещать с обысками. Навещались в неделю три раза, из разных отделов. Били, конечно, а те своим друзьям рассказывали — за что. Прокуратура заявления не принимала, а на работу «меченых» уже не брали. Вот так все и начиналось [7].

Исследование этих причин требует от журналиста большой квалификации и желания разобраться, но только глубокое понимание темы сделает материал достоверным и объективным.

Объективность материала будет высокой, если журналист сможет разобраться **с составом вовлеченных в конфликт сил, выявить цели этих сил, а также противоречия, наличествующие между ними**. Примером таких противоречий могут служить взаимоотношения, сложившиеся в стане оппозиции в период войны в Афганистане. Хотя мятежники вместе противостояли правительственным войскам и проводили диверсии против частей и соедине-

ний ограниченного контингента советских войск, каждая из группировок исходила из своих интересов, что остро проявилось после падения режима Наджибуллы.

Большое значение для оценки перспектив развития конфликта имеет **точная оценка ресурсов, имеющих у противоборствующих сторон**. Речь идет как о собственно военных ресурсах (оружие, техника, снаряжение, продовольствие), так и об экономических (способность экономики работать в условиях боевых действиях и обеспечивать свои вооруженные силы необходимым) и политических ресурсах (международная поддержка, поддержка со стороны влиятельных национально-этнических и религиозных сообществ и т. п.). Примером такого анализа может служить корреспонденция М. Жорохова, опубликованная в журнале «Авиация и время»:

По состоянию на 1 января 2008 года, в состав ВВС Грузии входили: как минимум 9 штурмовиков Су-25 (5 Су-25/Су-25К, 3 Су-25КМ «Скорпион», которые в ВВС Грузии называют «Мимино», 1 Су-25УБ), 6 учебно-тренировочных самолетов L-39 «Альбатрос», пара Ан-28, 4 Як-52, 6 Ан-2, 9 боевых вертолетов Ми-24/Ми-35, 16 военно-транспортных вертолетов Ми-8МТ/МТВ-1, 2 Ми-14 и 6 УН-1Н «Ирокез». Все самолеты базируются на авиабазе Марнеули, которая расположена южнее Тбилиси. Вертолеты базируются в военной части Тбилисского аэропорта Алексеевка. Часть военно-транспортных вертолетов Ми-8/Ми-17 и УН-1Н входят в состав авиации МВД Грузии [3].

Вот другой пример квалифицированного анализа военных ресурсов, имеющих в распоряжении одной из противоборствующих сторон. Журналист ставит перед собой задачу оценить возможности армии Азербайджана и потенциально противостоящих ему сил в борьбе за контроль за отделившейся территорией Нагорного Карабаха:

Приводить какие-либо количественные показатели карабахские военные ни за что не желали. Секретность! Хотя независимые источники приводят следующие данные: в НКР более 600 единиц бронетехники, из которых как минимум 200 — танки, остальные — БМП и БТР. Попробуем все-таки прибавить их к заявляемым Арменией 198 танкам Т-72, к 320 БМП различных модификаций и почти 150 бронетранспортерам. И сравним сумму с появлявшимися в различных СМИ сведениями по Азербайджану: 290 танков, 700 боевых бронированных машин. Получаются вполне сопоставимые цифры [1].

Откуда взяты эти цифры? В основном из открытых источников, которых предостаточно. Все официальные сделки по продаже оружия и боевой техники, согласно международным соглашениям, декларируются сторонами — участниками военно-технического сотрудничества, а объемы сделок, осуществляемых на «черном» рынке оружия, оцениваются многочисленными экспертами достаточно точно. Значительное количество исследований, касающихся военного потенциала того или иного государства, опубликовано в том числе и в интернет-ресурсах. Нужно только научиться обращаться к этим источникам и грамотно пользоваться ими. Открытыми являются и тексты международных договоров по ограничению вооружений. В приложениях к этим документам, исполнение которых жестко контролируется как специально создаваемыми экспертными

комиссиями, так и техническими средствами контроля, обычно до единицы указывается разрешенное количество бронетехники, артиллерии, авиации и других средств поражения. Одним из весьма показательных в этом смысле документов может служить Договор об обычных вооружениях в Европе, который предписывает договорившимся сторонам точно информировать друг друга о каждой единице боевой техники, размещенной от Атлантики и до Урала. Причем договором вводятся не только общие, но и так называемые «фланговые» ограничения. Иными словами, журналист, желающий дать своим читателям или зрителям представление о возможностях сторон по ведению боевых действий, может достаточно точно это сделать, прибегнув только к открытым и широко известным специалистам источникам.

Иногда для анализа имеющихся у сторон ресурсов достаточно простых, но внимательных наблюдений. Вот, например, какие оценки уровню подготовки южноосетинских вооруженных формирований к сопротивлению агрессору дает корреспондент журнала «Русский репортер»:

Грузинской армии противостояли фактически неорганизованные подразделения — южноосетинскую армию уместнее было бы назвать ополчением. Оперативное управление войсками не осуществлялось. Не велось управление огнем. Как оказалось, никакой связи, кроме мобильных телефонов и примитивных раций, у южноосетинских военных не было [9].

Также важно при оценке потенциала вовлеченных в боевой конфликт сторон учитывать их **информационные ресурсы**, т. е. способность к организации информационной поддержки своих действий. Именно о таких ресурсах аналитическая корреспонденция британской газеты «Индепендент» «Почему Запад проигнорировал правду о войне в Грузии»:

...многие представители прессы побывали в оказавшейся в центре конфликта Южной Осетии, чтобы попытаться установить факты. Не те «факты», которые сообщала нам тогда чрезвычайно ловкая и проворная пиар-машина Грузии... Они постарались установить факты на основе рассказов о пережитом очевидцев: местных жителей, местного военачальника, а также немногочисленных безоружных наблюдателей, направленных в этот регион Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе [2].

В этих же рамках нужно рассматривать способность ряда «объективных» СМИ к постановочным материалам, представляющим ситуацию заведомо в интересах одной из воюющих сторон:

Тем временем журналисты американской телекомпании Fox news выдумывают трюк. В соседнем, непострадавшем доме они нашли живописно сморщенную старушку. Нагрузили ее чужими чемоданами и сумками, выброшенными взрывной волной из разрушенной пятиэтажки, — делают сюжет. Вообразите картину: старушка, обливаясь потом, тащит вещи, рядом с ней вышагивает репортер с микрофоном — одна его попа, как две такие старушки, — он то и дело тычет в нее пальцем и говорит что-то про бесчеловечную политику России. Задом пятится оператор с камерой — все это снимает. Внезапно съемка прекращается. Короткое производственное совещание. Третий человек, отвечающий за штатив, срывается с места и бежит в направлении пожара. Вскоре он приносит еще какую-то сумку и привязывает ее к ручке чемодана. Теперь старушка

смотрится гораздо жалостливее. Ей предстоит второй дубль. Интересно, они хотя бы покормили ее перед съемками? [6].

Вряд ли стоит строить иллюзии относительно объективности даже тех СМИ, которые по традиции считаются эталоном профессионализма и честности. В условиях боевых действий, когда на кону стоят ценности геополитики, а прямую заинтересованность в том или ином варианте разрешения конфликта выражают, не оглядываясь на политес, первые лица ведущих мировых держав, наивно полагать, что в борьбу на стороне своих правительств не будут вовлечены средства массовой информации. Пятидневная война на Южном Кавказе в августе 2008 г. в очередной раз подтвердила эту печальную для журналистики истину. Вот что говорит о сложившейся в Южной Осетии ситуации со «справедливостью» СМИ президент Ассоциации военной прессы Геннадий Дзюба в своем интервью «Российской газете»:

Для западных журналистов не было тайной, кто на кого напал. Но при этом события освещались так, как освещались. Объективности мы не дождались. Такое отношение западных СМИ, которые раньше были для нас мерилом свободы слова, стало новшеством. Ни CNN, ни Рейтер, ни другие не захотели показать правду. Нашу точку зрения на Западе не хотели слышать [5].

Ему вторит собеседник по встрече в приемной «Российской газете» известный журналист Владимир Снегирев, прошедший многие «горячие точки»:

В качестве примера журналистского мастерства западной прессы хочу привести случай с моим старым знакомым Джоном Симпсоном. Пять лет назад, когда американские войска вошли в Ирак, он вел с войны прямые репортажи Би-би-си. Очередное прямое включение. Он стоит перед камерой, говорит примерно следующее: мы находимся в Северном Ираке, идем колонной на Багдад, вот летят наши самолеты, они проходят мимо нас... И вдруг эти самолеты атакуют по ошибке эту колонну. Джон Симпсон, репортер Би-би-си, которому уже далеко за 60, продолжает вести репортаж. Осколком ранен, весь в крови. Но продолжает вести репортаж под огнем. Убивают оператора. Камера падает. Джон Симпсон поднимает ее и не отключается от эфира. Для меня это был пример журналистского долга. Но тот репортаж — а это уже к вопросу об объективности — потом нигде и никогда не повторяли. О нем вообще стараются не вспоминать, ведь речь шла о военной ошибке, так называемом дружественном огне [5].

На основании добытых фактов и мнений журналист может сделать выводы **о тенденциях развития происходящего**, способности военного пожара к расширению и углублению, втягиванию в себя все новых территорий или групп населения, к интернационализации, к привлечению крупных военных международных организаций. Могут и должны быть оценены **возможные варианты разрешения конфликта**, условия его окончания и последствия. В качестве ближнесрочных и долгосрочных последствий могут быть рассмотрены политические, экономические, военные итоги:

В начале этой недели Британия тихо сняла свои возражения против начала переговоров ЕС и России по вопросу нового договора о партнерстве. А ведь она практически в одиночку застопорила эти переговоры в знак солидарности с Грузией. Похоже,

последний приступ официального фырканья в адрес России проходит. Но в Москве чувство неприязни и плохие воспоминания останутся, пока кто-нибудь в Лондоне и Вашингтоне не признается, насколько неверно они расценили войну между Россией и Грузией [2].

Аналитичность материала только выигрывает, если размышления и выводы журналиста подкрепляются точкой зрения признанного эксперта. Вот как это делает в своей корреспонденции Владимир Кожемякин, приводя слова известного политика:

По мнению Константина Косачева, председателя комитета Госдумы по международным делам, кавказский кризис позволил избавиться от иллюзий: мол, для того, чтобы мирно сосуществовать, достаточно идти на уступки партнерам [4].

Поскольку журналист представляет российские СМИ, выглядит вполне логичным, если он, работая над материалом, пытается прояснить **позиции, которые занимает по отношению к конфликту официальная Россия**. Может оказаться, что какие-то значимые общественные институты и организации страны имеют какие-то свои, отличные от официальных, точки зрения на происходящее. В таком случае, возможно, журналист сочтет целесообразным представить и альтернативные мнения. Это особенно важно в случае вовлечения в конфликт в том или ином качестве российских военнослужащих.

Разумеется, это только основные направления анализа ситуации журналистом, выполняющим редакционное задание в зоне вооруженных конфликтов.

-
1. *Владыкин О.* Точка невозврата близка // Независимое военное обозрение. 2008. 4 июля.
 2. *Дежевски М.* Почему Запад проигнорировал правду о войне в Грузии? // Индепендент. 2008. 12 нояб.
 3. *Жирохов М.* Маленькая миротворческая война // Авиация и время. 2008. № 5. С. 14.
 4. *Кожемякин В.* 100 дней после войны // Аргументы и факты. 2008. 12 окт.
 5. *Куликов В.* Не стреляйте в журналиста // Рос. газ. 2008. 26 авг.
 6. *Найденов И.* Мы вышли с поднятыми руками // Рус. репортер. 2008. 21 авг.
 7. *Полесков К.* Боевиков здесь никто не оправдывает. Но и не проклинают // Новая газ. 2005. 24 окт.
 8. *Тертычный А. А.* Военный анализ в СМИ // Журналист. 2008. № 9. С. 73–75.
 9. *Хестанов Р.* Какой была эта война // Рус. репортер. 2008. № 31.

Статья поступила в редакцию 10.04.2011 г.

УДК 316.776 + 004.77

Ю. Е. Булова

РОЛЬ ПРЕСС-СЛУЖБ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Цель данной статьи — определение влияния пресс-служб на формирование современного информационного пространства. Автор осмысливает востребованность аудитории информации, транслируемой из официальных источников, определяет критерии ее эффективной содержательности, анализирует, является ли она массовой с точки зрения общественной значимости.

Ключевые слова: информация, массовая информация, информационное пространство, пресс-служба, массмедиа, Интернет.

Сегодня в мире существенно меняется представление о производстве и распространении информации: постоянно растет число каналов, где человек черпает сведения, формирующие его картину мира. К традиционным источникам информации — прессе, радио и телевидению добавились новые — интернет-ресурсы, пресс-службы и PR-службы органов власти, политических, общественных и коммерческих структур, рекламные и PR-агентства.

Появление новых субъектов информирования и возможностей более интенсивного распространения сообщений привело к существенной трансформации информационного пространства. Все большее влияние на его формирование оказывают сегодня пресс-службы. Так, по мнению известного британского журналиста, теоретика расследовательской журналистики Ника Дэвиса, около 70 % новостных сообщений, которые публикуются в СМИ всего мира, являются официальными релизами пресс-служб или материалами, носящими характер скрытой рекламы [16, 29].

В связи с этим возникает необходимость предметного исследования информации, которую распространяют пресс-службы, с точки зрения профессиональной и общественной значимости.

Массовая информация: к специфике понятия

Понятие «информационное пространство» изначально существовало в технократической среде, соотносясь с категориями информатики. Сегодня эта дефиниция получила более широкую трактовку, характеризуя условия взаимоотношений субъектов информирования и потребителей информации. Информационное пространство, под которым мы вслед за М. Кастельсом, понимаем совокупность определенных структур (индивидов, их групп и организаций), соединенных информационными отношениями, т. е. отношениями сбора,

БУРОВА Юлия Евгеньевна — директор интернет-газеты «Вслух.ру», Тюмень (e-mail: b013@mail.ru).

производства, распространения и потребления информации [15, 312], сложно представить вне более глобального понятия — информация.

Осмысление понятия «информация» предполагает применение междисциплинарного подхода, поскольку им оперируют в различных областях научного знания. Первым подходом в исследовании феномена информации следует назвать философский, который определяет ее как ресурс, связывающий субъекта с окружающим миром и обеспечивающий тем самым всю жизнедеятельность общества. К примеру, Н. Винер трактует информацию как обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств [2, 19], К. Шеннон рассматривает информацию как коммуникацию и связь, в процессе которой устраняется неопределенность [13, 7], а Ю. А. Шафрин утверждает, что информация — это первичное и неопределяемое понятие в рамках науки [12, 120].

С развитием научно-технического прогресса и появлением кибернетики распространение получил технический подход в определении данного понятия. Так, П. Нортона называют информацией содержание сообщения, сигнала, памяти, а также сведения, содержащиеся в сообщении, сигнале или памяти [7, 42]. Я. Л. Шрайберг, М. В. Гончаров и О. В. Шлыкова полагают, что к информации относятся все сведения, являющиеся объектом хранения, передачи и преобразования [14, 29]. Таким образом, в основе технического подхода к осмыслению понятия лежит тезис о том, что информация — это сведения, характеризующие состояние системы в целом.

В основе управленческого аспекта осмысления понятия «информация» — утверждение о том, что именно информированность является обязательным условием для принятия эффективных управленческих решений, а следовательно, развития цивилизации. Так, Э. Тоффлер утверждает, что в мире наступает новая стадия экономического развития, самым важным ресурсом которой становятся информация и знания, поэтому именно информация — основа современной экономики и глобальных управленческих процессов [11, 218]. М. Кастельс также полагает, что информация имеет определяющее значение для развития современной экономики и управления. Он называет этот этап новым информационным способом развития, где источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации [15, 32].

В связи с тем, что управление — процесс информационной деятельности, поскольку основывается на использовании информации для максимально эффективных действий, управленческий аспект изучения информации кажется нам наиболее важным. Очевидно, что роль информации в процессе дальнейшего развития цивилизации будет лишь усиливаться.

Медиаресурсы призваны распространять особый вид информации — массовую, которая предназначена для массовой аудитории. Следует отметить, что наряду с массовой информацией ряд исследователей (Е. Прохоров, Б. Грушин) выделяют индивидуализированную и специализированную информацию. Так, Е. Прохоров утверждает, что основным критерием, разделяющим эти виды информации, является степень размноженности, мультиплицированности со-

общений в пространстве и времени [9, 14]. По его мнению, массовая информация обращена к большой совокупности людей (народа, социального слоя или группы, жителей региона и т. д.), оказывается доступной для нее, актуальной, интересной, отличается от специализированной информации (научной, технической, профессиональной) прежде всего своей общесоциальной направленностью, ориентированностью на формирование гражданина — сознательной и активной личности данного общества [Там же, 15].

На наш взгляд, для всестороннего отражения реальной действительности и создания полного представления об окружающем мире аудитории необходимо получать все виды информации — массовую, специализированную и индивидуализированную (к этому виду мы относим информацию, транслируемую одним субъектом в предельно ограниченном количестве единиц и предназначенную узкому кругу адресатов, это — посты в живых журналах и блогах, сетевые дневники, сообщения в твиттере и т. д.), разумеется, в разных пропорциях, основную долю все-таки должна занимать массовая. Именно на основе такого синтеза человек способен принимать взвешенные решения и действовать максимально эффективно.

В связи с тем, что массовая информация занимает основную долю информационного пространства, возникает необходимость рассмотреть это явление более подробно. Так, российский закон о СМИ обозначает этим понятием все печатные, аудиовизуальные, аудио- и иные сообщения и материалы, предназначенные для неограниченного круга лиц [4, 191]. Опираясь на это определение, мы будем относить к массовой информации социально значимые сообщения, транслируемые субъектами массово-коммуникационной деятельности, наполняющие информационное пространство и направленные на восприятие аудиторией.

Рассмотрим основные свойства массовой информации. К уже выделенным Е. Прохоровым направленности на широкую аудиторию или массовости, доступности и ориентированности на формирование сознательных убеждений личности добавим свойства, которыми наделяет массовую информацию Е. Головлева, — способность ориентировать массы в реализации социально-политических, экономических, культурно-духовных потребностей гражданского общества, легкость восприятия и усвоения, возможность интерактивного обмена, регулярность поступления и открытость [3, 19–20].

Мы полагаем, что одним из базовых свойств массовой информации являются также ее социальный характер — она вовлекает человека в процессы общественной жизни — и управленческое начало. Этот тезис развивает Е. Тавокин, отмечая, что журналистика является одним из элементов системы социально-политического управления [10, 91]. Соответственно, массовая информация как продукт журналистики тоже отражает «лицо» этой системы, а следовательно, способна управлять общественным сознанием.

Таким образом, *массовой информацией можно назвать социальную информацию, доступную и востребованную массовой аудиторией, способствующую реализации экономических, социально-политических, духовных и коммуникативных потребностей общества.*

В основе массовой информации всегда лежит социально значимый факт, поэтому документальность и социальная значимость — также важные свойства массовой информации. Не менее важными ее свойствами являются оперативность, доступность, достоверность, новизна и полезность.

Сегодня информационное пространство объединяет различные субъекты, связанные информационными отношениями, многие из которых транслируют информацию, не соответствующую основным критериям массовой. Зачастую, это пресс-службы органов власти, общественных или коммерческих структур, которые в последнее время демонстрируют активность и серьезно влияют на формирование информационной повестки дня. Циркуляция информационных сообщений из официальных источников вполне закономерна — без этой информации невозможно полное восприятие окружающего мира. Отсутствие официальной информации (наряду со специализированной и индивидуализированной) ограничивает познание человека, который в информационную эпоху выступает, прежде всего, человеком познающим. Более того, объективное информирование общества как фактор, определяющий принятие взвешенных и разумных решений и, следовательно, поступательное развитие, невозможно без учета всего спектра фактов, мнений и видов информации. Получение разнообразной информации — важное условие общественного прогресса.

Интересно, что потребность в получении информации из официальных источников наблюдается и у аудитории. Особенно это характерно для жителей регионов — именно там люди наиболее зависимы от действий власти. Так, социологическое исследование «Популярность средств массовой информации среди аудитории юга Тюменской области в 2009 году», проведенное национальным агентством социально-политических и экономических консультаций «Оптима проект» с целью выявить информационные предпочтения тюменцев, продемонстрировало, что значительная часть аудитории (38,73 %) активно интересуется сообщениями о деятельности власти, еще больше респондентов (48,41 %) интересуются экономическими новостями, 31,10 % опрошенных предпочитают информацию о происшествиях, новости о культурных событиях занимают 24,14 % респондентов, спортивные новости — 19,63 % опрошенных [1, 15].

Активный интерес аудитории к сообщениям о деятельности власти и экономическим новостям связан, вероятно, с объективным желанием самостоятельно разобраться в происходящих в стране событиях, попытаться понять мотивы органов власти в принятии тех или иных решений. Учитывая, что опрос проводился в 2009 г., а именно в этот период страна переживала последствия мирового финансово-экономического кризиса, людям было важно знать, какие меры принимает власть для решения ряда проблем, появившихся вследствие этого масштабного явления. Сегодня последствия кризиса в большей степени преодолены, тем не менее власть по-прежнему определяет «правила игры» в стране, а ее решения существенно влияют на все сферы жизнедеятельности общества.

Поэтому информация из официальных источников приобретает большую ценность. Общество в противном случае рискует утонуть в шквале разнообразных, зачастую необъективных и не всегда ценных информационных сообще-

ний. Главное, чтобы официальная информация соответствовала критериям массовой, иначе общество ее может просто не заметить и не воспринять. В этом процессе крайне важна роль пресс-служб, которые инициируют распространение информации из органов власти.

Пресс-служба как активный субъект формирования информационного пространства

Как мы уже отмечали, информация «из первых уст» или официальные сообщения пресс-служб становятся в последнее время все более востребованными, поэтому пресс-службы, как главные трансляторы таких сообщений, являются сегодня ценными и значимыми субъектами информирования, активно участвующими в формировании информационной повестки дня. Пресс-службы транслируют СМИ, а следовательно, и аудитории свою информацию различными способами: путем проведения брифингов и пресс-конференций, при помощи организаций «прямых телефонных линий», специалисты пресс-службы в личных беседах разъясняют журналистам суть различных решений власти. Однако самым распространенным способом транслирования официальной информации являются интернет-ресурсы — официальные сообщения появляются на сайте субъекта информирования (в данном случае — органа власти или его руководителя), в твиттере, на страницах сетевого дневника или просто рассылается по электронной почте.

Таким образом, именно интернет-ресурсы по большей части формируют современное информационное пространство. В России традиционные массмедиа постепенно теряют свое влияние. Общество утрачивает интерес к офлайн-новым СМИ: падают тиражи и сокращаются редакции печатных изданий, подписка становится все более архаичным явлением, при этом растет аудитория людей, предпочитающих читать онлайн-версии известных изданий, а также смотреть телевизионные новости и слушать радио в Интернете. Так, согласно результатам опроса, проведенного исследовательским центром Pew Project for Excellence in Journalism, 34 % респондентов читают новости в Сети, в то время как 31 % предпочитает узнавать о том, что происходит в мире, из газет. В возрастной группе от 18 до 29 лет количество читателей интернет-СМИ достигает 65 % [8].

Отметим, что такая ситуация характерна лишь для урбанизированных территорий нашей страны. В сельской местности ситуация пока диаметрально противоположна. Так, согласно опросам, 88 % жителей сельских районов Тюменской области получают по подписке местные, районные издания и, следовательно, основную информацию черпают именно оттуда [1, 19].

Тем не менее для активной, урбанизированной части населения именно Интернет является главным источником информации, и именно интернет-ресурсы преимущественно формируют сегодня повестку дня. Поэтому, применив метод контент-анализа, мы в течение года — с января 2010 по январь 2011 г. исследовали особенности формирования ежедневной информационной повестки дня в Тюменской области. Нами проводился мониторинг пятнадцати

ведущих информационных порталов Рунета (речь идет как о собственно информационных агентствах — РИА «Новости», «Interfax», ПРАЙМ-ТАСС, ИТАР-ТАСС, «Накануне.Ру», Regnum, Regions.Ru, так и об онлайн-версиях известных печатных изданий — «Российская газета», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец» и т. д.). Исследовались как федеральные, так и региональные СМИ. Таким образом, за год было проанализировано 2 988 информационных сообщений, связанных с жизнью Тюменской области. Мы изучали все сообщения, в которых упоминался данный регион.

Этот ежедневный мониторинг поля интернет-СМИ выявил ряд тенденций.

Информационное пространство формируется сегодня в основном за счет официальных сообщений: 70–80 % его занимают официальные пресс-релизы или информации, подготовленные на их основе. Так, из пятнадцати сообщений, характеризующих в среднем один день региона, лишь три можно назвать условно авторскими (журналистскими). Остальные — это сообщения пресс-служб.

Информационная повестка дня отражает далеко не все сферы жизни общества. Основная доля сообщений приходится на информацию о деятельности органов власти — 40 % (основная их часть — официальные пресс-релизы). Интересно, что это полностью соответствует информационным потребностям аудитории в данных сведениях, о чем мы уже сообщали выше. 30 % приходится на сообщения правоохранительных и силовых ведомств, 20 % — на экономику и банковский сектор, 10 % — на события культурной жизни. Таким образом, официальные сообщения не создают полного представления о жизни региона, «за бортом» остаются новости социальной сферы, сельского хозяйства, науки и т. д. Это приводит к тому, что у читателей не складывается объективного представления о ситуации в регионе и, следовательно, происходит искажение реальной действительности.

Еще одной тенденцией является использование не всех творческих возможностей при создании пресс-релиза. В ходе проведенного контент-анализа мы убедились, что сообщения пресс-служб, как правило, не отличаются многообразием жанров — обычно это информационная заметка или комментарий ньюсмейкера, а содержательные критерии информации, распространяемой пресс-службами, зачастую не отвечают требованиям массовой информации и, соответственно, просто не воспринимаются аудиторией. Распространяя информацию, пресс-службы должны учитывать критерии ее эффективной содержательности, именно это позволит донести ее до общества.

Используя свой эмпирический опыт работы в пресс-службе губернатора Тюменской области, автор вынужден констатировать, что сотрудники пресс-службы органов власти являются частью общего административного аппарата и, следовательно, обязаны четко выполнять существующие правила и регламенты, которые не допускают слишком свободной подачи информации о деятельности первого лица. К тому же перед распространением в СМИ, пресс-релиз проходит жесткую процедуру согласования, которая не способствует использованию многообразия жанров и применению различных творческих журналистских приемов.

Мы осознаем, что в отечественных и зарубежных исследованиях до сих пор не выработаны критерии эффективной содержательности информации. Ряд исследователей наметили определенные подходы в осмыслении данных категорий. Так, рассуждая о ценности информации, А. Кривоносов подчеркивает ее практический, функциональный характер. По его мнению, ценность информации зависит от того, насколько в дальнейшем она найдет применение в каких-либо видах деятельности [6, 126]. Е. Головлева утверждает, что к критериям ценности информации относятся новизна, достоверность, доступность, своевременность и соответствие запросам потребителя [3, 22]. Мы полагаем, что все эти критерии являются, безусловно, важными в определении ценности информации, однако основными ее свойствами мы считаем актуальность и своевременность.

В связи с этим, анализируя информационные сообщения о Тюменской области, мы применили классификацию критериев ценности информации, представленную Д. Л. Стровским, который утверждает, что массовая информация должна быть в первую очередь актуальной, понимая под этим соотношение текста с событиями, реально происходящими в повседневной жизни читателя [5, 173]. К не менее важным свойствам информации исследователь относит необычность, персонифицированность, близость описываемого в ней события к повседневной жизни человека, конфликтность в рамках описываемого факта. В совокупности наличие этих критериев позволяет сформировать социальную ценность информации, что делает ее приближенной к потребностям массовой аудитории.

Применяя эти критерии, проанализируем типичное по своей структуре сообщение пресс-службы прокуратуры одного из регионов. В этом пресс-релизе подводятся итоги работы ведомства за 2010 г., в частности, сообщается, что прокуроры области приняли участие в 4190 гражданских делах, рассмотренных судами первой инстанции. Приведем фрагмент пресс-релиза:

При участии прокуроров рассмотрено 364 дела о выселении, 262 — о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, 233 — об ограничении, лишении родительских прав и восстановлении в родительских правах, 222 — о восстановлении на работе. По кассационным представлениям прокуратуры было отменено 125 незаконных судебных решений. В 2011 году тюменские прокуроры продолжают отстаивать права граждан при отправлении судами правосудия.

Приведенная информация является важной для определенного круга лиц — власти, представителей правоохранительных структур и судов, а также юристов. В целом же, однако, ее достаточно сложно назвать социально значимой, поскольку она не отвечает интересам массовой аудитории. Если бы в материале речь шла о повышении уровня раскрываемости преступлений, а значит, о безопасности людей — информация была бы более содержательной. К тому же обилие ничем не подкрепленной статистической информации усложняет восприятие сообщения — очень трудно сделать вывод, хорошо или плохо все-таки работали органы прокуратуры, много или мало они рассмотрели дел. Вывод, сделанный в релизе, попросту вызывает недоумение. Совершенно непонятно, что имеется в виду во фразе: *В 2011 году тюменские прокуроры продолжают*

отстаивать права граждан при отправлении судами правосудия. В случае если показатели, приведенные в релизе, все-таки являются не самыми блестящими, то резюме звучит и вовсе двусмысленно — прокуроры продолжают также плохо работать и в наступившем году?

Принимая во внимание, что релиз появился в СМИ в начале года и накануне профессионального праздника работников прокуратуры, эту информацию можно назвать актуальной. Однако для массовой аудитории актуальность этой информации весьма условна — праздник этот не входит в число государственных, а количество гражданских дел, рассмотренных в судах первой очереди, — не те сведения, которые ищут в поисковых системах Интернета.

Никакой необычности в факте, приведенном в пресс-релизе, нет — событие не является уникальным в жизни социума и описано к тому же скучным, канцелярским языком. Ситуация, переданная в релизе, близка лишь ограниченной части аудитории: на первом плане в материале стоят интересы ведомства. В данном материале напрочь отсутствует персонификация, что также относит сообщение к категории специализированной информации. В сообщении нет также никакой конфликтности, что всегда привлекает читателей. Разумеется, сложно представить, что прокуратура, подводя итоги работы, демонстрирует себя с негативной стороны, однако упоминание о проблемах, с которыми ведомство сталкивается в своей работе, и возможных вариантах их устранения, сделало бы материал ярче и интереснее.

Сообщение не соответствует и критерию своевременности (если под своевременностью, конечно, не подразумевать профессиональный праздник работников прокуратуры).

Используя данную выше классификацию, определим, является ли социально востребованным еще одно сообщение, на этот раз сообщение пресс-службы губернатора ХМАО-Югры о том, что правительство округа выкупит у главного застройщика региона готовые квартиры в нескольких городах для переселения людей из ветхих и аварийных домов. Приведем фрагмент пресс-релиза:

Покупка квартир ускорит процесс переселения из ветхих и аварийных домов. На эти цели в течение первого квартала выделено 647 миллионов рублей. Однако, получив эти средства, компания будет обязана направить их на завершение замороженного долевого строительства. Таким образом, по мнению властей, деньги поработают дважды.

Данное сообщение является социально значимым, поскольку речь в нем идет об обеспечении жильем людей, проживающих в непригодных условиях. Это — одна из самых острых для округа проблем. Важной она является также для представителей строительного бизнеса и органов власти. Несмотря на то что сообщение это сложно назвать необычным — это типичные меры, принимаемые властью для скорейшего решения проблемы переселения граждан, данный пресс-релиз является примером массовой информации — сведения, распространяемые в сообщении, близки к повседневной жизни аудитории данного региона.

Мы считаем, что гораздо выигрышнее материал смотрелся бы, если бы в нем были ссылки на представителей власти, курирующих вопросы строительства,

или руководителя строительной компании, сообщающего о конкретном числе квартир, которые будут проданы правительству. В сообщении нет также никакой конфликтности, не соответствует оно и критерию своевременности (если под своевременностью, конечно, не подразумевать острую проблему округа, которой она является последние тридцать лет).

Приведенные нами пресс-релизы созданы в жанре информационного сообщения. Они не содержат элементов интервью, аналитического обзора или зарисовки, что, по нашему мнению, существенно снижает интерес к ним со стороны массовой аудитории. Востребованность сообщений помимо всего прочего определяется и многообразием жанров, в которых они создаются. Комбинируя информационные, аналитические и публицистические жанры, можно сделать информацию пресс-службы более востребованной и интересной читателю [5, 175–176].

Проанализировав по данной классификации все информационные сообщения пресс-служб Тюменской области и северных автономных округов в течение года, мы можем сделать вывод, что информация, представленная в данных сообщениях, имеет лишь одну или две черты массовой. Как правило, она актуальна. Всем остальным требованиям массовой информации она не соответствует. Такие сообщения вряд ли могут с интересом восприниматься аудиторией. Опираясь на свой эмпирический опыт работы в пресс-службе, автор может отметить ряд причин, которые способствовали созданию такой ситуации.

Во-первых, пресс-служба является лишь звеном в управленческой цепочке всего административного аппарата, соответственно, помимо первого руководителя ведомства (пресс-службой которого она фактически и является), подчиняется еще целому ряду представителей аппарата, которые зачастую не знают специфики работы СМИ и особенностей пиар-деятельности. Многочисленные согласования существенно усложняют процесс работы и отражаются на качестве всех сфер деятельности пресс-службы.

Во-вторых, наличие большого числа руководителей не только значительно усложняет деятельность пресс-службы, но и снижает авторитет данного института в рамках административного аппарата, что негативно отражается на ее работе. Пресс-секретарь или начальник пресс-службы должен иметь достаточно высокий статус, к его мнению должны прислушиваться все, включая первого руководителя. Пресс-секретарь должен быть «правой рукой» руководителя, а не выполнять функцию обслуживающего персонала, с мнением которого считаться необязательно.

В-третьих, большой объем работы и, как следствие, режим постоянных физических и умственных нагрузок — еще одна причина, серьезно снижающая эффективность деятельности пресс-служб. Постоянное состояние стресса, в котором находятся ее сотрудники, напрямую отражается на качестве материалов. Решить данную проблему можно, увеличив число сотрудников и оптимально оптимизировав их работу.

Выводы

Аудитории нужны интересные, актуальные, эмоционально окрашенные и персонифицированные истории — истории, которые отвечают всем требованиям массовой информации, в противном случае они будут не замечены читателями. Большинство сообщений пресс-служб не являются сегодня таковыми — они не соответствуют критериям ценности информации и поэтому остаются вне поля внимания читателей.

Пресс-службы не используют всех творческих возможностей и возможностей пиара в создании информации и налаживании контакта с аудиторией, соответственно, неубедительно и не в полном объеме доносят до людей важную информацию. В связи с этим масштабные проекты и серьезные дела власти или корпорации остаются незамеченными обществом лишь потому, что были скучно и непрофессионально представлены. Повышение статуса пресс-службы в рамках структуры аппарата, выделение ее как самостоятельного субъекта, подчиняющегося лишь первому руководителю, позволит существенно повысить эффективность ее деятельности.

1. Аналитический отчет социологического исследования «Популярность средств массовой информации среди аудитории юга Тюменской области в 2009 году» // Национальное агентство социально-политических и экономических консультаций «Оптима проект». Москва ; Тюмень, 2010. С. 7–16.
2. *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в живом и машине. М., 1968.
3. *Головлева Е.* Массовые коммуникации и медиапланирование. М., 2009.
4. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Информационное право : сб. ст. и материалов / под ред. М. М. Рассолова. М., 1999. С. 186–220.
5. Корпоративная культура и корпоративные ценности современной фирмы: международный опыт и российская практика : сб. ст. и материалов / под ред. Д. Л. Стровского Екатеринбург., 2003.
6. *Кривоносов А., Филатова О., Шишкина М.* Основы теории связей с общественностью. СПб., 2010.
7. *Нортон П.* Два поворота в судьбе // Коммерсант. 1994. № 242, 21 дек.
8. Опрос, проведенный исследовательским центром Pew Project for Excellence in Journalism : сайт Союза журналистов РФ. URL: <http://www.ruj.ru/2011/110322-4.htm>
9. *Прохоров Е. П.* Введение в теорию журналистики. М., 2009.
10. *Тавокин Е. П.* Массовая коммуникация: сущность и состояние в современной России. М., 2005.
11. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2009.
12. *Шафрин Ю. А.* Информационные технологии. М., 1999.
13. *Шеннон К.* Некоторые задачи теории информации // Информационное общество. М., 2004. С. 41–45.
14. *Шрайберг Я. Л., Гончаров М. В., Шлыкова О. В.* Интернет-ресурсы и услуги для библиотек. М., 2000.
15. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford, 1996.
16. *Davis N.* The Flat Earth News. L., 2008.

Статья поступила в редакцию 20.04.2011 г.

УДК 070.133 + 070.19 + 004.77

Б. Н. Киршин

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ВМЕСТО ОБЪЕКТИВНОСТИ?

Исследуется процесс трансформации журналистских стандартов в условиях цифровой демократии, в частности — отказ от принципов объективной журналистики в американской прессе. Автор прогнозирует последствия распространения этого процесса на российскую прессу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: объективность, транспарентность, Интернет.

Американская пресса — мощный источник идей и инноваций, обогативших медиасистемы многих стран мира. Это обстоятельство объясняет повышенное внимание к ней зарубежных исследователей и практиков медиа. Оно значительно усилилось в связи с обновляющим влиянием цифровой революции.

В последнее время сигналы, поступающие из-за океана, нередко вызывают у исследователей вопросы. Они свидетельствуют о попытках пересмотра фундаментальных основ американской журналистики, многих незыблемых прежде истин.

Когда американские газеты стали терять аудиторию и доходы, когда некоторые из них перестали выходить на бумаге, сохранив только электронную версию, прозвучали предложения о том, что качественную прессу, представляющую наибольшую ценность для общества и наиболее серьезно страдающую от экспансии Интернета, надо сохранять даже путем государственных дотаций. Это невероятная идея для американской прессы, всегда ревностно охранявшей свою независимость от правительства и гордившейся тем, что никогда не получала от него поддержки. Она тут же была отвергнута, но сам факт ее появления говорит о многом.

Примерно такое же по масштабу и значению предложение об отказе от объективности прессы, которое в последнее время все чаще выдвигается американскими исследователями. В качестве примера — несколько характерных высказываний.

«Забудьте псевдообязательство быть объективным, — советует журналистам Г. Оунс. — Вместо этого поставьте цель быть порядочным, честным, непредвзятым и аккуратным» [6].

Профессор Школы журналистики Университета Техаса Розенталь Алвес, прогнозируя будущее печатной прессы, говорит, что «объективность — журналистская ценность прошлой эры. В цифровую эру ее место занимает транспарентность. Новостные организации должны быть транспарентными, читатели должны видеть и знать журналистов, контактировать с ними»¹.

¹ Цитируется доклад на медиафоруме MDLF в Братиславе. Май 2010 г.

Претензии к журналистской объективности, точнее — к сложившейся в американской прессе практике объективной подачи материала, есть и у читателей. Вот что пишет в своей книге «Дерзость надежды» Барак Обама: «...даже самые дотошные репортеры зачастую понимают объективность всего лишь как публикацию мнений противоположных сторон без всяких указаний, чье мнение ближе к истине. Обычно статья начинается так: “Из Белого дома сегодня сообщают, что, несмотря на недавнее уменьшение налоговых сборов, сокращение дефицита бюджета наполовину произойдет не ранее 2010 года”. Эту сенсационную новость потом комментируют либеральный аналитик, критикующий цифры, названные Белым домом, и консервативный аналитик, наоборот, защищающий их. Кому верить — тому или другому? Найдется ли независимый аналитик, который возьмется объяснить нам значение этих цифр? Кто знает? Репортеру недосуг уделять внимание таким мелочам; ведь дело не в преимуществах уменьшения налога и не в опасностях дефицита, а именно в споре между двумя сторонами. После нескольких абзацев читатель приходит к выводу, что республиканцы и демократы опять поцапались, и раскрывает спортивную страницу, где все более-менее предсказуемо и по счету сразу видно, кто победил» [4].

Перед синергическим натиском Интернета, читателей и медиаспециалистов журналистская объективность может не устоять. Чтобы осмыслить значение и размер предполагаемого ущерба для прессы от возможной утраты одного из основополагающих профессиональных стандартов, рассмотрим природу и обстоятельства появления принципов «объективной журналистики».

Словарь С. И. Ожегова определяет понятие «объективный» как «непредвзятый, беспристрастный» [5].

Профессиональную, журналистскую характеристику этого понятия дает в своем кратком словаре Б. Н. Лозовский: «Объективность — один из основных принципов профессиональной деятельности работников печати, радио и телевидения, предполагающий полное, всестороннее, исчерпывающее описание события, явления с использованием необходимого и достаточного количества фактических сведений. Объективность являет собой также и способ предъявления информации, который исключает эмоции, отделяет факты от мнений, беспристрастно описывает, обеспечивает точность сведений и сбалансированность мнений, представляет конкурирующие точки зрения с тщательным использованием знаков цитирования, излагает информацию в разумной последовательности» [3, 68].

По данным «Справочника по независимой журналистике», выпускаемого Госдепартаментом США [7], концепция объективности в американской журналистике сложилась почти сто лет назад как реакция на сенсационную подачу материала, характерную для большинства газет того времени. Термин «объективность» поначалу использовался для описания журналистского подхода, в соответствии с которым журналисты должны подавать информацию объективно, не выражая личных или корпоративных пристрастий.

Объективности требовали и от самих журналистов. По этому поводу развернулась дискуссия (она захватила и Россию, ее отголоски слышны до сих пор). В результате профессиональное сообщество пришло к выводу, что в этом

смысле полная объективность невозможна. В 1996 г. Общество профессиональных журналистов США даже вычеркнуло из своего кодекса этики слово «объективность». Сошлись на том, что у журналистов, как у всех думающих людей, по всем существенным вопросам есть свое мнение. Но его при объективной подаче материала не следует предъявлять читателям. Таким образом, объективность в журналистике понимается как метод подготовки, проверки и предъявления (подачи) информации.

Допустим, что американская пресса, а вслед за ней часть мировой прессы отказались от этого метода. Следует уточнить, что журналистика при этом отказывается от:

- всестороннего описания событий;
- беспристрастности;
- сбалансированности мнений, представления конкурирующих точек зрения;
- тщательного использования знаков цитирования;
- разделения фактов и мнений;
- бесстрастного (исключающего сенсационность и эмоции) изложения материала.

Взамен — прозрачность, транспарентность. Наверное, когда-нибудь рациональные американцы придумают медиатехнологии, позволяющие без особых хлопот и с максимальной эффективностью реализовать этот принцип. Пока этого нет, говорится только о принципиальных подходах, о намерениях. Прозрачность означает полную открытость редакционной политики, готовность к диалогу с аудиторией. Ваши читатели должны понимать, в чем именно вы в данном материале отступаете от принципов объективной журналистики, почему вы присоединяетесь к той или иной точке зрения, почему не представлена иная точка зрения.

В сборнике «9+» [1], подготовленном ИРП «Сибирь», рассказывается, как решает эту задачу американская видеокomпания NBC4. Она ежедневно снимает и выкладывает на сайт редакционную планерку. Посетители сайта могут увидеть, какие информационные поводы обсуждались, как журналисты намерены их освещать, какие при этом возможны сложности... В принципе по этому пути могут пойти и редакции газет (сайты есть практически у всех), хотя, надо признать, он усложняет повседневную практику взаимоотношений редакций и читательской аудитории. Наверное, в перспективе, если это действительно будет оправдано, найдутся более простые и менее затратные методы.

Разумеется, возникает вопрос: насколько целесообразна замена «объективности» на «прозрачность»? Чем она вызвана? Чем обернется низвержение привычных журналистских стандартов?

К радикальным переменам подталкивает Интернет. В конкурентной борьбе с ним американские редакторы и издатели, а вместе с ними — исследователи прессы пытаются актуализировать недостаточно эффективные компоненты содержательной модели качественных газет, чтобы они более активно, по возможности гарантированно привлекали внимание аудитории. В их числе — объективный способ подготовки и подачи информации. Лишенные эмоций, беспристрастные, научно выверенные и сбалансированные газетные материалы

во многом идентичны текстам онлайн-СМИ. Понятно, что в таком случае они не в состоянии конкурировать с более оперативными и интерактивными интернет-изданиями. Предполагается, что если наделить публикации качественной прессы эмоциями, привнести в них крайние точки зрения на жгучие проблемы, добавить оригинальные личные оценки, то ситуация может коренным образом измениться.

Надо признать, что это не беспочвенные предположения. Об этом говорит опыт российской прессы начала 1990-х. Тогда некоторые газеты безоглядно копировали американскую практику, в частности, после многих десятилетий обязательного отражения во всех значительных публикациях так называемой партийной позиции отказались от авторской оценки фактов, стали «абсолютно объективными». Как показало социологическое исследование, проведенное по заказу редакции газеты «Челябинский рабочий», читателей такой подход не устраивает. Они считали, что газета, не обозначающая журналистскую позицию, что-то им недоговаривает, недодает. Редакции удалось изменить ситуацию, когда были введены различные авторские рубрики, журналисты стали комментировать наиболее заметные события общественной жизни.

И все же обещанные новым подходом результаты пока лишь гипотетическое приобретение. А что же рискует потерять печатная пресса с утратой объективности? Речь идет о читательском доверии. Оно в значительной степени обеспечивается как раз беспристрастным изложением фактов, репрезентацией конкурирующих точек зрения, четким разделением фактов и мнений (лучшая защита от манипуляций), совершенно определенным обозначением цитат. Отказ от всего этого станет серьезным ударом по читательскому доверию к печатным СМИ. Между тем это одна из немногих позиций, демонстрирующих убедительное преимущество газеты перед Интернетом. Сейчас электронный дискурс с точки зрения читательского доверия существенно уступает газетным текстам. Печатным СМИ читатели верят больше, чем сайтам. И вот они, получается, добровольно лишают себя этого преимущества. Думается, что потери от этого могут быть значительно серьезнее приобретений, которые обещает замена объективности на транспарентность.

Необходимо особо сказать об эмоциональной окраске журналистской информации. Это действительно очень серьезный момент. Как отмечают исследователи, большая доля материалов Интернета (имеются в виду собственно онлайн-СМИ, а не электронные версии газет) приходится «на публикации информационно-оперативного характера — новостей, хроникальных лент, репортажей, актуальных интервью» [2]. У газет в этом смысле больше возможностей, прежде всего благодаря публикации историй о людях, эмоционально окрашенных рассказов, которые неизменно востребованы читателями. Эмоции, которые они приносят на газетные страницы, — ступенька к эмпатии, сопереживанию. Практика показывает: если газете удастся добиться читательского сопереживания, испытывающие эти чувства человек обязательно к ней вернется, станет ее приверженцем, несмотря на многочисленные преимущества Интернета. Таким образом, она в значительной степени может решить задачу удержания аудитории без утраты объективности.

Если спроецировать перспективу отказа от журналистской объективности на российскую почву, вырисовывается парадоксальная ситуация: подавляющее большинство СМИ этого просто не заметит. В их работе ничего не изменится. Дело в том, что они в своей повседневной деятельности не применяют указанные выше параметры объективной подготовки и подачи информации. Очень многие российские газеты ангажированы — обслуживают интересы властных или аффилированных с ними коммерческих структур. В этом случае говорить о беспристрастности, всестороннем описании событий и представлении конкурирующих точек зрения просто не приходится. Так что терять им, по сути, нечего. Наоборот, эта часть российской прессы может совершить качественный скачок, если американские журналисты придумают рациональный механизм реализации концепции транспарентности печатной прессы, а мы его позаимствуем.

Гораздо пессимистичнее прогноз для тех немногочисленных российских СМИ, которые придерживаются принципов объективной журналистики. Завоеванное благодаря этому читательское доверие для них — серьезный капитал, утрата которого не просто отбросит их в стан не пользующихся уважением ангажированных газет, но и лишит доходов, которые формирует воспитанная объективной журналистикой аудитория. Время, необходимое для утверждения и раскрытия потенциала транспарентной прессы, они могут не пережить.

-
1. 9+. Новая концепция для местных массмедиа: 9 ответов на вопрос о том, как наладить коммуникации в вашем сообществе / под ред. В. Юкечева. Новосибирск, 2010.
 2. Интернет-СМИ: Теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной. М., 2010.
 3. Лозовский Б. Н. Журналистика : крат. словарь. Екатеринбург, 2004.
 4. Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты / пер. с англ. Т. Камышниковой, А. Митрофанова. СПб., 2008.
 5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Около 57 000 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 10-е изд., стереотип. М., 1973.
 6. Оунс Г. 10 вещей, которые можно сделать, чтобы изобрести журналистику заново / пер. О. Силантьевой [Электронный ресурс]. URL: www.howardowens.com/2008/ten-journalists-can-do-to-reinvent-journalism/
 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.america.gov/st/washfile-russian/2006/April/20060421090005eaifas0.9469264.html>

Статья поступила в редакцию 22.04.2011 г.

УДК 070.421:792 + 94(470.24)

С. А. Козлов

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА «НОВГОРОДСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА РЕГИОНА (1850–1860-е гг.)

Статья посвящена жанровому и стилистическому своеобразие театральных публикаций на страницах «Новгородских губернских ведомостей» 1850–1860-х гг. В ней рассматривается аспект формирования благоприятного имиджа региона и прослеживается этапное изменение отношения к возможностям театральной журналистики в зависимости от личности редактора издания и потребностей местной власти в освещении культурной жизни города и губернии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «Новгородские губернские ведомости», театр, критика, жанры.

Изучение губернских ведомостей является необходимым условием создания представления об истории отечественной журналистики в целом и корпусе провинциальной периодики в частности. Наиболее важными в изучении ведомостей в различных регионах и в различные периоды издания являются типоформирующие признаки. По наблюдениям А. И. Станько, если в начале XIX в. слова «ведомости» и «газета», «журнал» были синонимами, то к 1860-м гг. эволюция печати привела к более четкой дифференциации терминов «газета» и «журнал» [11, 187]. Ряд исследователей, опираясь на предметное изучение губернских ведомостей в различных регионах, выделяют особый тип издания. Так, О. И. Лепилкина определяет типоформирующие признаки губернских ведомостей [3], а Ю. Л. Мандрика предлагает рассматривать губернские ведомости как систему изданий [4]. Пример ряда других регионов дает возможность различать в ведомостях два в определенной степени независимых издания [2].

Именно своеобразие структуры и редакционной деятельности «Новгородских губернских ведомостей» обуславливает изучение еще одного обширного аспекта функционирования издания. Тематическая и жанровая составляющая губернских ведомостей напрямую зависит от задач социокультурного позиционирования региона, формирования благоприятного имиджа в качестве отчета для министерской структуры Российской империи и внутренней пропаганды культурных и экономических (хозяйственных) ресурсов среди читателей.

Театральная журналистика впервые рассматривается в данном аспекте. В круг интересов исследования входит не столько культурологическая и театрально-критическая сторона публикаций, сколько реализация в них коммуникативных задач для формирования положительного имиджа Новгорода и губернии.

К началу 1850-х гг. «Новгородские губернские ведомости» имели десятилетний опыт беспрерывного еженедельного издания неофициальной части, которая

КОЗЛОВ Сергей Александрович — аспирант кафедры журналистики Гуманитарного института Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород (e-mail:blackgrifon@bk.ru).

© Козлов С. А., 2011

накопила достаточный потенциал, чтобы выступить в качестве серьезного периодического издания, имеющего в рамках предложенной правительством программы персональный круг тем и жанров, рассчитанных на знакомую местную аудиторию. На первое место выходит личность редактора. Благодаря редактору формируется иерархия событий, о которых сообщают «Ведомости» своим читателям. Помимо дайджеста центральных изданий на предмет полезных сельскохозяйственных, медицинских, бытовых и других просветительских советов и отчетов, начинают освещаться местные темы, становится явной авторская, общественная позиция редактора. Исторические, археологические изыскания и сельскохозяйственные успехи — вот чем могла быть представлена Новгородская губерния. Эти темы к 1853 г. были освоены редакцией и местными корреспондентами и служили формированию положительного имиджа губернии у читателей ведомостей. Новгород, не избалованный качественным профессиональным искусством, оставался как бы в тени своего исторического прошлого. Требовалось расширение тематики позиционирующих проновостных материалов. И немаловажным инструментом для выражения редакторской позиции становится театральная хроника. В рассматриваемый отрезок времени — 50-е — 60-е годы XIX в. материалы о театральной жизни города составляют важную часть контента издания, проявившегося в разнообразных жанрах и имеющего жанровые особенности.

Само по себе появление постоянного театра в Новгороде может считаться значимым событием, потому редактор в рамках «Местной хроники» уделяет этому особое значение. В 1853 г. в Новгород приезжает труппа Николая Ивановича Иванова, известного на тот момент ярославского и костромского антрепренера (в 1849 г. этот уникальный человек управлял сразу двумя театрами в этих городах). В «Новгородских губернских ведомостях», в № 39 от 26 сентября 1853 г., появляется большая статья, посвященная трем состоявшимся выступлениям актеров и содержащая описание театра, цен на билеты. Автор старается не упустить ни одного факта, выказывая крайнюю заинтересованность в событиях.

Основным содержанием материала становится фиксация репертуара и оценка игры актеров. Журналист показывает себя как знаток сценического искусства, он даже признается, что видел другие провинциальные труппы («Нам случилось видеть три труппы провинциальных актеров: в Тифлисе, Харькове и Киве...» [5]), а в другой публикации выясняется, что он не чужд и столичных театров («...во-вторых, публика новгородская, благодаря близости и удобству сообщения с С. Петербургом, в течение года не раз побывает в столичных театрах...» [6]). При этом в обоих случаях он отдает предпочтение труппе Иванова: «...состав труппы г-на Иванова не только сравнительно лучше, но и так, оставив в сторону условия и средства, лучше; это мы говорим беспристрастно» [5].

Этот краткий период, с 1853 по 1854 г. (время пребывания труппы Иванова в городе), положил начало серьезной театральной журналистике. Репортажи, анонсы, рецензии, служившие активной пропаганде театрального искусства среди читателей, выходят на первый план. Свою задачу автор видит исключительно как эстетическую, не связывая театральную деятельность с общественными

процессами. В первую очередь это обусловлено его личными интересами, в которых культура занимала первостепенное значение. Своего читателя автор представляет таким же образованным человеком, для которого посещение театра является естественным.

Следующий период театральной хроники на страницах «Новгородских губернских ведомостей», 1861–1864 гг., совпал с периодом новгородской журналистики, который отмечен критическим отношением к некоторым городским и губернским общественным процессам. Связано это с общим предреформенным настроением. Коснулся такой подход и театра. С 1861 г. в Новгороде начинает свою антрепренерскую деятельность Е. Т. Курдюмов. Репертуар его театра был не менее сильным, чем у труппы Н. И. Иванова. Однако постоянных отзывать на страницах «Новгородских губернских ведомостей» не вызвал. Они возникали большей частью по случаю и составляли резкий контраст с тем, что представляла собой театральная журналистика издания в первой половине 50-х гг. За исключением одной статьи, материалы вышли без подписи, что может свидетельствовать об авторстве редактора И. Вишневого. Но, учитывая проявленную незаинтересованность И. Вишневого в театральной жизни в течение нескольких лет руководства редакцией, представляется неожиданным факт такого проявления внимания к театру, что дает основания предположить авторство корреспондента Н. Соколова. Позиция, стиль и композиция текстов равно указывают на обоих журналистов.

Обратимся к рецензионному описанию спектакля, поставленному по пьесе А. Н. Островского «Гроза»: «Г-жа Линдрот в роле Кабановой прекрасно выдержала характер строгой свекрови, но манера ее была более бонтонна, чем мы привыкли видеть в купеческом сословии. <...> Удачно также была исполнена Г. Павловою роль Катерины, и нужно отдать справедливость, что в выражении страсти Г. Павлова очень хороша, но в ней несколько заметна аффектация, без которой она была бы в своей роле естественнее. Бесцветен показался нам Г. Волгин, в роле Бориса Григорьевича, так что кажется странным пожертвование спокойствием, добрым именем и самою честью женщины, воспитанной в строгой нравственности, для человека, который не выражает и половины той страсти, какую питает к нему Катерина». Этот фрагмент кардинально отличается от благосклонной, а местами и восторженной позиции, которой отличались отзывы о спектаклях Н. И. Иванова. Автор находит достаточно возможностей упрекнуть исполнителей. Сила воздействия на читательский ум выражается не в похвале, а в неудовольствии «бонтонностью», «аффектацией», «бесцветностью», которые, однако, составляют индивидуальную исполнительскую манеру артиста, характеризуют уровень его способностей и не имеют отношения к разыгрываемой пьесе. Доверительная интонация и отвлеченно-эстетическое отношение к театральному процессу сменяется экспертно-воспитательным. «Новгород не захолустье какое-нибудь, где можно спекулировать на снисхождение публики. Большая часть этой публики видала игру получше вашей, и потому всегда заметит вам, чтобы вы не забывали, что вы играете не в балагане, где публика платит за вход 5 копеек и распространяет от себя запах сала», — пишет он [7]. Таким образом, журналист отождествляет себя с образованным,

имеющим вкус и передовые представления о театральном искусстве новгородским зрителем. При этом он разделяет публику на привилегированную и балаганную. Первая является читателями «Новгородских губернских ведомостей», и журналист недвусмысленно делает ей комплимент. Вторая — более абстрактна, но в этой журналистской реплике не сложно усмотреть выпад в адрес низших классов. Элитарность театрального искусства, определяющего лицо городской жизни, тем не менее подчеркивается.

Начало 60-х гг. XIX в. отмечено и появлением сообщений о театральной активности в уездах. Некто Б-н из с. Медведь сообщал, что по частной инициативе командира 20-го резервного стрелкового батальона П. П. Карцева в феврале 1861 г. там был создан клуб. «Вообще, надобно сказать, что общему мнению здешней и посещающей здешний театр публики, спектакли идут отчетливо, удачно, а главное, доставляют всем полное, редкое и даже необыкновенное в сельском быту удовольствие. Мы видели и слышали, что раз посетившие здешние спектакли непременно стараются приезжать потом почти каждый раз», — сообщает корреспондент, который, по собственному признанию, «не может похвалиться специальным знанием сценического искусства» [1]. Цель сообщения — доставление в губернский центр сведений о благоприятной культурной обстановке в селе (благодаря военной базе лишеном уничижительной коннотации, которая связана со статусом таких населенных пунктов). На волне общественного интереса к реформам и социальным преобразованиям, поддержанного «Ведомостями», очень ценна такая активность непрофессиональных авторов, которые фиксировали опорные точки общественного процесса того времени.

Следующий период показывает, что жанровое и тематическое своеобразие театральных публикаций во многом зависит от редактора, если тот долго остается на своем посту. Так, перу редактора Ф. Павлинского принадлежит целый цикл публикаций 1865–1866 гг. Его статьи лишены рецензионных аспектов, но отличаются публицистичностью и анализом околотеатральной среды.

В 1865 г. редактор, сообщая, что «с 17 сентября начались представления в здешнем театре» и «что содержателю театра прислал письмо и портрет — известный актер Ольридж, желая войти с ним в какое либо соглашение, относительно представлений на здешней сцене», делает замечание: «Что выйдет из этого, еще не знаем, но во всяком случае не можем не пожалеть, что здание нашего театра не отличается ни поместительностью, ни красотой, ни удобством, ни даже прочностью. Странно, что у нас до сих пор ни один капиталист не решился построить настоящее солидное здание для театра: расчет на скорую выручку затраченного капитала, — по нашему мнению, совершенно верный, не говоря о будущих выгодах и признательности за такое дело» [8]. Мысль о строительстве нового театра звучит впервые, и из развития дальнейших событий, отраженных в «Ведомостях», становится ясно, что это новая инициатива губернатора, поданная косвенным образом.

В этот период по всей губернской России строится большое количество театров и образуются новые труппы. Губернатор Эдуард Васильевич Лерхе не мог остаться в стороне и от этого прогрессивного дела. Для того что пробудить заинтересованность потенциальных жертвователей, редактор начинает

настраивать читателей на новое отношение к театру. Именно в этот период критика и описание спектаклей сменяются материалами, настойчиво формирующими представления о театре как об общеобразовательном и благотворительном предприятии. В предыдущие периоды эти аспекты театральной жизни лишь подразумевались, учитывая хорошую осведомленность аудитории в направлениях отечественной театральной критики в столицах. Но в конце 1860-х гг. редактор, не без участия губернатора, находит возможность прямо и регулярно говорить об этом в местном издании.

Также прежде другие увеселения не противопоставлялись драматическому театру. Ни редакция, ни корреспонденты не считали необходимостью продвигать один вид увеселений в ущерб другому — народные гуляния, концерты, цирк, аттракционы имели разную публику и рассматривались самоценно. Теперь же, подчиняясь поставленной губернатором задаче, Павлинский с сожалением пишет: «Пред праздниками явилась у нас труппа волтижеров, гимнастов и акробатов под управлением Турниера. Нам пришлось быть в театре в такой вечер, когда в манеже давалось представление Турниером: поставленные пьесы <...> сыграны были вообще очень не дурно, но театр был пуст. Значит, искусство наездников и гимнастов способно занять почти всю публику небольшого нашего города — в ущерб драматическим представлениям». Развивая мысль, редактор выказывает обеспокоенность и материальным состоянием драматических артистов. Он укоряет своих соотечественников за то, что они охотно платят художнику стеклянных изделий Функе, иностранцу, и мало обращают внимание «на то, что денежные средства двух бесплатных школ в городе состоят к началу года рублях в десяти. Вероятно, никакой порядочный человек из странствующих артистов не откажется дать представление в пользу беднейшего и едва ли не более нуждающегося в образовании класса городского населения, при очевидном недостатке городских на этот предмет средств» [9]. Редактор выразил настроение Губернского правления по поводу активности имущего класса новгородцев. «Пример частной благотворительности на общественное дело» показал почетный гражданин, валдайский купец В. В. Епишкин, который пожертвовал 2 тыс. руб. на устройство театра в Новгороде.

В статье «Закладка театра в Новгороде» Павлинский (публикация без подписи, но косвенные обстоятельства указывают на его авторство) обращается к жанру репортажа, в котором наконец выдает авторство проекта по устройству нового театра. «Мысль г. начальника губернии — об устройстве постоянного, теплого театра, более удобного и красивого, соответствующего потребностям губернского города, — не осталась без сочувствия», — пишет он. И раньше участие начальства в формировании тематического наполнения выпусков «Новгородских губернских ведомостей» не подвергалось сомнению, но теперь позиция губернатора по отношению к затрагиваемым темам становится очевидной. Намечается новая тенденция использования печатного органа для позиционирования региона. Не историческое прошлое, не успехи в хозяйстве и промышленности, не общественные преобразования в центре внимания корреспондентов, а личности, влияющие на общественный прогресс, и в первую очередь — губернатор.

Читатели «Ведомостей» могли наблюдать, как взаимодействие печатного органа и властей становится все более явным и отражается в редакционных текстах. Павлинский гордо сообщает: «Теперь мы не отстали, в указанном отношении, от других губернских городов. Благодаря неуклонной заботливости г. начальника губернии Э. В. Лерхе и деятельному сочувствию особенно некоторых членов общества, 12 декабря открыто удобно, прочно и довольно красиво выстроенное, деревянное с железной крышей, отдельное здание театра». Подчеркивание включенности в общероссийский общественный процесс, который и без того был очевиден каждому подписчику столичных изданий, и упоминание имени губернатора, столь редкое в прежние годы, уже не скрывали цепочку приемов воздействия на общественное сознание и формирование определенной информационной обеспеченности, подсказанной властью. Применительно к рассматриваемой теме необходимо еще раз отметить настойчивость, с которой из номера в номер практически в тех же выражениях проводились идейные позиционные положения. Для сравнения: «Таким образом, доброе дело, заслуживающее полную общественную признательность, сделано и теперь любителям сценического искусства и всем понимающим развивающее и облагораживающее влияние этого удовольствия на общество — остается пожелать, чтобы образовалась у нас более или менее постоянная театральная труппа, частью уже прибывшая, которая повела бы добросовестно и талантливо важное, в общественном отношении, дело сцены, чтобы отвлекать большинство населения от грубых удовольствий, заменив последние приятным и наставительным препровождением времени» [10].

Начиная с 1870-х гг. публикации о театре практически исчезают со страниц «Новгородских губернских ведомостей» по причине отсутствия в Новгороде профессиональной труппы. Редкие отзывы о школьных (осуществленных педагогами и учениками мужской гимназии) и любительских благотворительных спектаклях не составляют ощутимого тематического фона.

Появление в 1853–1866 гг. на страницах «Новгородских губернских ведомостей» театральной хроники вызвано в первую очередь мощными информационными поводами. Если вначале театральные публикации представляли собой эстетические переживания частного лица, то со временем стали инструментом управления общественным мнением в рамках политики губернского правления. Авторы применяли разные жанровые приемы — анонсирование, рецензирование, репортаж, новость, отчет, выбор их следует признать случайным. Поскольку «Новгородские губернские ведомости» совмещали в себе типовые признаки бюллетеня, газеты, еженедельника и альманаха, то и объем материалов был произвольным. Приблизительное представление авторов о жанрах приводило к появлению разножанровых материалов, объединенных одной рубрикой «Местная хроника».

Более чем двадцатилетнее существование театральной журналистики в Новгороде четко обозначило возможности этого направления для демонстрации социокультурной позиции редакции (и стоящей за ней губернской власти), а также формирования положительного имиджа губернии.

1. Б-н. Клуб и спектакли в селе Медведь // Новгород. губ. ведомости. 1861. № 13, 1 апр.
2. Бурмистрова Л. П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей. Казань, 1985.
3. Лепилкина О. И. Губернские ведомости как тип издания XIX века // Вестн. Ставропольск. гос. ун-та. 2005. № 41. С. 175–183.
4. Мандрика Ю. Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания: (На материале «Тобольских губернских ведомостей») : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.
5. Местная хроника // Новгород. губ. ведомости. 1853. № 39, 26 сент.
6. Местная хроника // Там же. № 46, 14 нояб.
7. Новгородские губернские ведомости. 1862. № 30, 28 июля.
8. Там же. 1865. № 46, 23 окт.
9. Там же. № 56, 31 дек.
10. Открытие театра в Новгороде // Там же. 1866. № 50, 17 дек.
11. Станько А. И. История русской журналистики XVIII–XIX веков. СПб., 2005.

Статья поступила в редакцию 20.01.2011 г.

УДК 070.4 + 811.161.1'42

О. А. Корда

ЛОКАТИВНОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА КАК ОСНОВА ДЛЯ ЭКСПРЕССИВНЫХ ПРИЕМОВ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ РЕПОРТЕР»)

Рассматриваются некоторые особенности визуализации информации в современных креолизованных текстах. Особое внимание уделено отражению пространственных отношений при помощи иконических средств. Проанализированы примеры использования локативности в качестве основы для экспрессивной подачи информации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: креолизованный текст, локативность, визуализация, иконические средства.

Современная ситуация в журналистике такова, что печатные СМИ функционируют по законам рынка. Каждое издание в условиях конкурентной борьбы стремится занять собственную нишу, ориентируясь на запросы целевой аудитории. При этом читатель предельно избалован телевидением, журналами, разнообразной рекламой — всем тем, что основано на выразительном визуальном сопровождении передаваемой информации.

«Зрительная информация, воздействующая на индивида по схеме “от увиденного к усвоенному”, получает все более широкое распространение, нарушая монополию печатного текста на передачу информации в самых разных сферах

КОРДА Ольга Анатольевна — корреспондент газеты «Левобережье Магнитки» (Магнитогорск) (e-mail: nvkor@mail.ru).

© Корда О. А., 2011

жизнедеятельности человека. <...> Печатная продукция сдает свои позиции под натиском телевидения и Интернета. В то же время сами газеты и журналы продолжают увеличивать долю зрительной информации в предлагаемом читателю материале» [24, 115].

Функциональности визуального компонента в печатных СМИ всегда уделяли особое внимание. В первые годы советской власти фотография сразу же была поставлена на службу пропаганде. В 1931 г. газета «Правда» разъясняла партработникам, редакторам и фоторепортерам: «Фотоиллюстрация в печати представляет собой при правильном использовании сильнейшее средство агитации и пропаганды. Наглядная и убедительная конкретность фотоснимка в соединении с “соответствующей надписью” дает в руки печати дополнительное орудие мобилизации масс» [11, 112]. Одними из ведущих фотожанров в это время стали производственный портрет и производственный пейзаж. Кроме того, газетные дизайнеры активно искали новые формы визуализации: фотомонтаж, коллаж, различные шрифтовые композиции.

Затем во время войны сформировался обезличенный стиль оформления, сохранявшийся до 60-х гг. XX в. Из газетного дизайна уходит элемент творчества. Многие издания из-за скудости оформительских средств становятся безлико однообразными. В это время преобладают широкие текстовые колонки, узкий петит в текстовом наборе, ограниченное количество гарнитур и иллюстраций.

Только во времена хрущевской «оттепели» утверждается новый (названный «пестрым») стиль. Газеты размещают на своих полосах крупные фотографии, порой занимающие больше места, чем текст.

В 70–80-е гг. пестрый стиль уступил место спокойному блочному стилю. От прежнего сохранились некоторые черты декоративности и экспрессивности, но верстка стала простой [6, 129]. Обилие печатных изданий приучает аудиторию читать и просматривать газеты за относительно короткий промежуток времени. Данное обстоятельство придает особое значение использованию фотографии.

В это время фотографии становятся основой иллюстрированных журналов, которые наряду с телевидением и кино играют важную роль в визуальной передаче информации. Продолжают развиваться и разнообразные фотографические жанры. Фотография порой может занимать место привычного информационного сообщения, широко применяется жанр фоторепортажа, фотofакта.

В эти годы фотография в периодической печати выполняет три основные функции: иллюстрирует текст в газете или журнале; самостоятельно информирует читателя о новых событиях и фактах, которые лучше всего выявляются изображением; воздействует на эмоции читателя, создавая определенный художественно-документальный образ, приобщая читателя к прекрасному [5, 97].

В соответствии с указанными функциями сформировались и три основных типа фотографии в печатных СМИ — фотоиллюстрация, фотоинформация и художественно-документальная фотография.

В конце 80-х гг. утверждается «просветленный» стиль — его отличает отказ от межколонных линеек и декоративных излишеств, что облегчает «вес»

полосы, придает ей воздушность; верстка утрачивает подчеркнутую прямоугольность, основными информационными элементами становятся заголовки и иллюстрации [6, 129].

Сегодняшний этап развития визуализации в печатных СМИ во многом обусловлен конкуренцией газет и журналов с телевидением и Интернетом. Фотографиям уделяется чуть ли не главное внимание, поскольку восприятие информации фиксируется в основном на зрительных образах.

Если раньше на первую полосу ставили одну картинку или фотографию, то теперь картинок много и каждая содержит ссылку. В моде — иллюстрации делового характера: графики, схемы, диаграммы. Но несмотря на увеличение объема иллюстративного материала, все меньше становится рисованных графиков, уходит карикатура, не видно заменяющих фотографии рисунков к тематическим статьям [10].

Современный читатель скорее «сканирует» газету, чем читает, не вникая в объемные аналитические материалы. В связи с этим меняется содержание газет. Текстовых материалов становится больше, но их объем сокращается. Если традиционно соотношение текста и графики в общенациональных газетах было 60 на 40 %, то теперь наблюдается обратная пропорция [15].

Все это является следствием того, что «в нашей культуре все большее значение приобретает элемент наглядности» [26, 91]. Поэтому неудивительно, что, открывая газету или журнал, мы в первую очередь привычно обращаем внимание на иллюстративное наполнение полосы. «Если вы хотите донести до читателя какую-либо информацию, фото при этом может иметь не меньшее значение, чем текст» [26, 91]. Публикации, не сопровождаемые рисунком, фотографией или целым комплексом визуальных компонентов, заранее обречены на меньший читательский интерес. Именно поэтому в печатных СМИ все большее распространение получает креолизованный текст.

Термин «креолизованные тексты» был предложен в 1990 г. Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым: «Креолизованные тексты (КТ) — это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [25, 180–181]. В лингвистике помимо вышеназванного термина для обозначения данного явления используют и другие термины. К ним относятся: «поликодовые тексты», «лингвовизуальный комплекс», «изоверб», «видеовербальные тексты» [4, 12, 18, 21]. Вместе с тем современные исследователи чаще всего используют в качестве рабочего термин «креолизованный текст».

Креолизованные тексты чрезвычайно разнообразны: это газетные и журнальные тексты, тексты-инструкции, научно-технические, рекламные, художественные тексты с иллюстрациями, афиши, листовки, комиксы и т. д. [1, 8]. В их состав входят два основных компонента — вербальная часть: вербальный текст, надпись, подпись; и невербальная, иконическая часть: рисунок, фотография, схема, таблица, карта, цветовое выделение и т. д. В результате взаимодействия этих компонентов креолизованный текст становится сложным текстовым образованием, в котором вербальные и невербальные элементы образуют

одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата [7, 184].

Рассмотрим один из типичных современных приемов построения креолизованного текста. Для примера обратимся к публикациям еженедельного журнала «Русский репортер», первый номер которого вышел летом 2007 г. Каждый выпуск этого журнала содержит три традиционных разворота, сходных по организации невербальной информации. Два из них — «Мир в заголовках» и «По всей России на будущей неделе» (последний дается под рубрикой «Афиша» и анонсирует наиболее интересные события из области культуры и спорта) — не меняют своей тематической направленности из номера в номер. Третий разворот, размещаемый под рубрикой «Тренды», каждый раз посвящен новой, узконаправленной теме.

Непременным иконическим (изобразительным) элементом, объединяющим разноплановую информацию, на всех этих страницах является карта мира или карта России. Таким образом, для создания экспрессивных приемов подачи информации журналисты «Русского репортера» используют локативность креолизованных текстов. Она может быть истолкована «как категория, отражающая пространственные отношения как с помощью вербальных, так и с помощью невербальных, прежде всего иконических средств» [1, 42]. Говоря о пространственных отношениях в упомянутых примерах, мы имеем в виду физико-геометрическое пространство, которому в качестве традиционных средств визуализации соответствуют карты, схемы, чертежи, рисунки, фотографии. В языковом плане локативность в этих примерах реализуется при помощи географических названий.

Рассмотрим подробно эти примеры. Разворот «Карта мира в заголовках» представляет собой яркий пример креолизованного текста, поскольку в его оформлении использован целый комплекс приемов визуализации.

На сером фоне желтым цветом выделены очертания материков и островов. Карта мира в свою очередь является фоном для примерно сорока прямоугольников, включающих в себя логотип печатного средства массовой информации и короткий текстовый фрагмент. Каждый текстуальный блок соединен тонкой черной линией с определенной точкой на карте.

Карта мира является элементом визуализации, отражающим локативность на уровне физико-геометрического пространства. Он обращен к фоновым знаниям читателя — знанию и узнаванию знакомой с детства картографической проекции планеты. Конкретизация географического местоположения реализуется в языковом плане указанием названия города и страны в том месте на карте, которое соединено линией с текстуальным блоком. Таким образом, карта с указанием географических мест выполняет информативную функцию.

Верх текстуального блока занимает логотип цитируемого печатного издания. Использование логотипов выполняет эстетическую функцию и в то же время является своего рода ссылкой на первоисточник. Названия газет, данные в большинстве случаев латиницей или кириллицей, в основном узнаваемы той частью российской аудитории, которая следит за мировыми новостями. Таким образом, авторы рубрики вновь обращаются к фоновым знаниям читателя.

Исключения составляют логотип японской газеты, набранный иероглифами, и логотип алжирской газеты, набранный арабской вязью. Прочсть и идентифицировать их смогут, несомненно, только носители языка.

Под логотипом на черном фоне белым шрифтом представлен текст цитаты. Выворотный шрифт текста выполняет аттрактивную и эстетическую функции. Сразу отметим, что данные тексты в большинстве случаев лишь условно можно назвать заголовками. Многие из них являются, скорее, лидовыми абзацами к публикациям либо частью хроникальных заметок. Вместе с тем данные тексты выполняют одну из функций заголовка — информационную. В предельно краткой форме они сообщают читателю суть события, послужившего информационным поводом для публикации.

Нельзя не отметить и образовательную функцию, которую выполняет данный элемент визуализации тематического разворота. Даже в профессиональной среде далеко не все журналисты могут с уверенностью определить принадлежность иностранных изданий к той или иной стране. Периодическое изучение описываемой рубрики журнала «Русский репортер» со временем в какой-то мере сможет заполнить этот пробел у журналистов и расширить кругозор остальной аудитории.

В каждом выпуске журнала на странице «Мир в заголовках» обязательно присутствует текстуальный блок большего размера, чем другие, с более значительным объемом текста, который представляет собой, по сути, полноценную заметку. В этом блоке шрифт белого цвета размещен на красном фоне. Так редакция выделяет наиболее важную либо наиболее интересную, на ее взгляд, информацию. Тем самым достигается реализация смысловыделительной функции, для которой характерно применение красного цвета шрифта или фона.

Отметим интересные особенности: количество и уровень мировых изданий, представленных под рубрикой. Всего на развороте оказывается от 40 до 45 текстуальных блоков, как правило, — не более одного или двух на страну. Исключение составляют США (представлено до четырех изданий) и Россия (представлены пять-шесть изданий). Все издания, представленные на развороте, являются ведущими в своих странах. Исключение составляет Россия: все газеты здесь — региональные.

Рассматриваемая рубрика журнала в оглавлении обозначена как «Карта мира в заголовках». Непосредственно на развороте размещен заголовок «Мир в заголовках». Его текст дублирует невербальную информацию — это действительно мир в «заголовках» (кратких сообщениях). Множественность элементов визуализации содержания для читателя не сразу складывается в единую картину. Заголовок вносит конкретику, поясняет, номинирует, служит своего рода вербальным комментарием. Вербальный элемент здесь вторичен, он участвует лишь в поддержании визуального комплекса. Таким образом, между вербальным компонентом — заголовком и визуальным — картой мира складываются отношения взаимодополнения.

Вместе с тем текст в текстуальных блоках напрямую не всегда связан с визуальным компонентом. Например, газета «Sowetan» сообщает: «Тюремный надзиратель уволен за роман с молодой женщиной, отбывавшей наказание за

кражу, — об их отношениях стало известно, когда женщина забеременела» [17, 20]. Только графический вынос с указанием точного географического положения указывает на место, где произошло данное событие (Претория/ЮАР). Поэтому взаимодействие вербального и визуального компонентов может осуществляться как на уровне взаимодополнения, так и на уровне взаимозависимости.

Отметим недостатки данной формы подачи информации. Ни в тексте, ни на изображении нет временного компонента — даты не указаны. Лишь основываясь на периодичности издания, можно сделать вывод, что все эти события произошли в течение прошедшей недели. Несмотря на то, что тексты, размещенные на развороте, очень кратки, прочитать их сразу все оказывается весьма затруднительным. Информационные сообщения не сгруппированы тематически, не систематизированы, не имеют связи между собой. Светские новости, любопытные факты соседствуют с сообщениями об извержении вулканов или важными политическими заявлениями.

Процитируем для примера несколько текстуальных блоков, стоящих друг за другом в одном столбце: «В Красноярске поставят памятник Ельцину» («Сегодняшняя газета», Красноярск/Россия), «Народная партия Пакистана выдвинула своего сопредседателя Асифа Али Зардари кандидатом на пост следующего президента страны» («Pakistan Times», Исламабад/Пакистан), «Правительство будет пересматривать цены на топливо каждые 15 дней, чтобы побыстрее снизить их в случае дальнейшего падения мировых цен на нефть» («The Star Online», Петалинг Джайя/Малайзия), «В Северной Корее изобрели новый вид лапши, которая надолго притупляет голод» («The Straits Times», Сингапур/Сингапур) [17, 20]. Мы видим, что не только по форме, но и по содержанию разворот отражает пестроту информационной картины мира. Пестротой в сознании читателя он и остается. Информация, которую получил читатель, вероятнее всего, окажется для него в большинстве случаев бесполезной и будет в ближайшие минуты забыта.

Описанная форма подачи выполняет аттрактивную функцию, привлекая внимание читателя. Форма подачи информации на развороте узнаваема современным читателем и идентифицируется им как аналог гипертекста: точка на карте с указанием географического места немедленно дополняется коротким сообщением, «случайно» выбранным из всего информационного потока в определенном месте планеты. Редакции достаточно, если читатель проведет несколько таких «интерактивных» экспериментов — его внимание привлечено.

Отметим также, что помимо основы для создания экспрессивного приема наглядной подачи информации, несомненно, привлекающего внимание читателя, локативность в данном примере является обязательным элементом формирования текстообразующих признаков. Вербальные элементы, размещенные на развороте, — заголовок и текстуальные блоки — сами по себе оказываются недостаточными для формирования текстообразующих категорий. Отдельно в них нет ни цельности, ни завершенности, ни связности. Только использование карты мира с географическими названиями, связывающей все вербальные элементы, завершает формирование текста. Читатель видит целостную картину,

ему понятно, что журналисты более или менее равномерно «просканировали» мир в поисках случайных, самых разнообразных и неожиданных новостей, с которыми и предложили познакомиться аудитории.

Еще один пример, в котором присутствует псевдогипертекстуальность, — разворот «По всей России на будущей неделе», размещенный под рубрикой «Афиша». Здесь анонсируются события из области культуры и спорта.

На сером фоне белым цветом выделен контур России, легко узнаваемый читателем. Кольцами яркого оранжевого цвета обозначено географическое местоположение крупных российских городов. Их количество колеблется в разных выпусках журнала от 12 до 15. Названия городов набраны полужирным шрифтом черного цвета. Каждому городу соответствует группа колец менее яркого цвета, но больших по размеру. Эти группы соединены с точкой на карте сходящими на нет линиями. На фоне групп размещена текстовая информация об анонсируемых событиях. Красным цветом шрифта выделена дата события, черным полужирным — место, где пройдет анонсируемое мероприятие. Черным — само событие. Кроме того, в каждой группе в одном из больших колец размещена фотография, изображающая одно из узнаваемых мест представленного города.

Как и в рассмотренном выше примере, карта отражает локативность на уровне физико-геометрического пространства и выполняет информативную функцию. Читатель, опираясь на фоновые знания, непременно узнает очертания родной страны, примерно пропорциональное размещение крупных городов, а также некоторые из известных мест, представленные на фотографиях.

Фотографии более или менее равномерно распределены по площади страницы, наполняя собой «слепую» карту, они выполняют эстетическую функцию. Помимо этого они привлекают внимание читателя, выполняя аттрактивную функцию. Читатель, открывая разворот, замечает прежде всего свой город по знакомой фотографии. Далее взгляд читателя следует по стрелке-указателю к названию города. Он убеждается, что не ошибся в идентификации визуального образа, и возвращается к текстовым блокам, где получает информацию.

Интересна подача вербальной информации. Текстовые блоки предельно минимизированы по объему. Например: «25 сентября. Клуб Fashion. Группа Synapscape» (Казань), «25 сентября. Филармония. Ирина Аллегрова» (Самара), «20 сентября. Стадион «Звезда». Матч чемпионата России по футболу: «Амкар» — «Крылья Советов» [2, 94–95]. Три обязательных информационных элемента в каждом текстовом блоке расположены один под другим и имеют традиционное шрифто-цветовое выделение, выполняющее смысловыделительную функцию, а также формирующее своего рода аттрактивную иерархию среди наиболее значимых в смысловом отношении элементов вербального компонента. Элемент, отвечающий на вопрос «когда?», выделен наиболее ярко — красным цветом и полужирным начертанием шрифта. Элемент «где?» находится на втором месте и выделен полужирным черным шрифтом. Наконец, элемент «что?» находится в самом невыгодном положении — в самом низу текстового блока и набран простым черным шрифтом. Вспомним, что в традиционном рекламном плакате, анонсирующем подобные события, иерар-

хия привлекательности информационных компонентов является обратной: сначала «что?» и только потом «где и когда?». Кроме того, информация об анонсируемых событиях, размещенная на рассматриваемом тематическом развороте, явно недостаточна: не указано ни время, ни адрес, ни телефон, ни цена билета. Заинтересовавшемуся читателю она может служить лишь отправной точкой для дополнительного поиска информации. Можно предположить, что редакция журнала и не стремилась к достижению высокой информативности разворота, который выполняет, скорее, лишь эстетическую функцию. При этом из всех остальных страниц журнала, объединенных рубрикой «Афиша», рассмотренный разворот является, пожалуй, самой цельной и привлекающей внимание своей необычностью страницей. Таким образом, перед нами еще один пример удачного эксперимента с экспрессивными формами подачи информации.

Вербальные элементы в рассматриваемом примере лишь в редких случаях содержат информацию о городе, в котором будет проходить то или иное событие. Только линия, соединяющая текстуальный блок с точкой на карте, и фотография, передающая знакомый визуальный образ, дают указание на географическое положение. Без этих элементов визуализации вербальные элементы в большинстве случаев не несли бы никакой конкретной информации вообще. То есть рассматриваемый пример является текстом с полной креолизацией, в котором «вербальная часть не может существовать автономно, независимо от изобразительной части — между обоими компонентами устанавливаются синсемантические отношения» [1, 15]. Визуальный элемент выступает в качестве облигаторного, обязательного элемента текста, а вербальная часть ориентирована на изображение.

Как и в первом рассмотренном примере, локативность здесь принимает участие в формировании текстообразующих категорий. Содержание заголовка «По всей России на будущей неделе» не соответствует сумме содержаний всех вербальных элементов разворота. Анонс примерно 50 событий из 12–15 городов не является исчерпывающей информацией для такого заголовка. Автор заголовка использует в нем синекдоху, перенос с части на целое. В этом ему помогают невербальные элементы оформления разворота. Карта всей страны более или менее равномерно заполнена текстовыми блоками. Обилие колец того же цвета, что и кольца, которыми обозначены географические пункты, создает у читателя иллюзию, что на развороте представлено большее количество городов, чем есть на самом деле. Этот комплекс формирует в сознании читателя целостную картину, соответствующую заголовку.

Примером текстов с частичной креолизацией, представленных в журнале «Русский репортер», является разворот, размещаемый под рубрикой «Тренды». Отметим многообразие тем, которым посвящается этот традиционный разворот. Вот лишь несколько из них:

- «Самый зеленый рейтинг» (об экологической обстановке) [23, 66–67];
- «Поедатели килокалорий» (о калорийности питания) [20, 58–59];
- «Кому не светит» (о солнечных затмениях в ближайшие 22 года) [16, 64–65];

- «Пиратские миллиарды» (о пиратском программном обеспечении) [19, 74–75];
- «Пора по пиву» (о потреблении пива) [22, 72–73];
- «Чей шпиль выше?» (о лучших университетах мира) [27, 62–63];
- «Жилая площадь планеты» (об обеспеченности жилплощадью) [13, 76–77];
- «Где легче делать деньги» (об особенностях ведения бизнеса) [8, 60–61];
- «Безработный ландшафт» (об уровне безработицы) [3, 66–67];
- «География взятки» (о коррупции в России) [9, 80–81];
- «Зоны риска» (о политических, военных рисках, а также рисках насильственной национализации собственности) [14, 56–57].

И другие.

Как уже говорилось, непременным атрибутом оформления разворота является карта мира или России. Но этим сходство вышерассмотренных примеров и ограничивается.

В подавляющем большинстве случаев на развороте помимо карты присутствуют следующие вербальные и иконические элементы: заголовок, подзаголовок, лидовый абзац, небольшой информационный (или аналитический) текст, подписи, расшифровывающие цветовой код карты, таблицы или графики, сопутствующая информация (факультативно), а также иллюстрация, относящаяся к теме разворота.

В этом примере восприятие информации читателем осуществляется по следующему «алгоритму»: читатель прежде всего обращает внимание на главный визуальный элемент разворота — карту. Ее восприятие совместно с красочной дополнительной иллюстрацией, броским заголовком и разъясняющим подзаголовком дает читателю общее представление о теме публикации. Обилие краткой информации, поданной в удобной форме, «вынуждает» читателя обратить внимание на небольшой вербальный текст, чтобы получить код для понимания информации, заключенной в визуальных элементах. Затем, при условии, что тема интересна читателю, он приступает к изучению статистической и визуальной информации. Отметим, что на развороте всегда присутствует информация, характеризующая ситуацию по теме в России. Она служит своего рода точкой опоры для читателя, необходимым элементом для адекватного сравнения с ситуацией в других странах или регионах.

Вербальная часть на развороте автономна, независима от изображения, текст сам по себе является завершенным. При этом смысл изображения, несмотря на его богатую информационную насыщенность, без вербальных элементов остается неясным и может быть неоднозначно истолкован. Вербальный комментарий в этом случае выполняет первичную, основную функцию. Таким образом, между вербальной и изобразительной частями устанавливаются отношения взаимозависимости.

Одновременно с этим, если рассматривать отношения между вербальными и иконическими элементами в зависимости от характера передаваемой информации [1, 12], то мы видим, что изображение выражает здесь денотативную информацию, тогда как вербальный комментарий передает скорее коннотативную информацию. То есть изображение здесь доминирует над словом. Текст

определяет лишь общее направление внимания читателя, кратко сообщая о тенденциях того или иного рассматриваемого явления, дает читателю готовые формулировки, клише, которые он будет бессознательно применять, изучая остальную статистическую и визуальную информацию. Таким образом, можно сказать, что иконические элементы привносят в текст значительную дополнительную информацию, т. е. в отношениях вербальных и невербальных элементов налицо аддитивная корреляция [1, 16].

Дополнительные иллюстрации являются декоративными, служащими украшению текста и выполняющими эстетическую функцию. Например, в тексте о распространении нелегального программного обеспечения в качестве иллюстрации использовано изображение пиратского флага [19, 75], в тексте «Поедатель килокалорий» — изображение гамбургера [20, 59], в тексте об университетах мира — коллаж из узнаваемых фасадов нескольких университетов [27, 63].

Можно отметить, что дизайнеры журнала представили значительное количество различных стилей передачи картографической проекции. Карта всегда сопровождается подписью, декодирующей информацию, заключенную в цветовом делении стран мира. Цвет здесь выполняет смысловыделительную, а в некоторых случаях символическую функцию: чем насыщеннее цвет заливки контура той или иной страны, тем более ярко выражается степень развития явления, вынесенного в качестве темы публикации. В случаях, когда речь идет о негативном явлении, например о распространении пиратского программного обеспечения, черный цвет обозначает страны, где ситуация наихудшая. Он же является априорно негативным символом пиратства.

В зависимости от характера передаваемой информации цветовое оформление карты может различаться. Так, например, в тексте «Кому не светит», посвященном прогнозу солнечных затмений, контур материков дан общим белым цветом на темно-сером фоне. А цветом выделены полосы земной поверхности, где можно будет наблюдать данное астрономическое явление. При этом цветовая дифференциация означает годы: чем насыщеннее цвет, тем скорее произойдет затмение [16, 64–65].

Подписи на тематическом развороте выступают в качестве вспомогательного, но функционально емкого компонента текста, помогающего идентифицировать изображение и связать его с основным текстом. Они выполняют прежде всего информативную функцию, а также когерентную, заключающуюся в том, что с помощью подписи осуществляется связность креолизованного текста. По своей информационной функции в отношении к основному тексту подписи можно квалифицировать как подписи-связки. Данная подпись отличается минимальной информативностью, ее назначение ограничивается установлением связи между изображением и основным вербальным текстом. Обычно она содержит сокращения, цифры, буквы и т. д. Данный тип связи широко представлен в научных, научно-технических, инструктирующих текстах.

По способу включения текста в плоскость изображения рассматриваемые креолизованные тексты относятся к интегрированным: в них используются различные варианты наложения или обтекания текстом изобразительных элементов.

Завершая описание рассмотренных примеров креолизованных текстов, отметим, что во всех трех случаях использование стилизованной картографической проекции земного шара или России в качестве средства выражения пространственных отношений позволяет завершить формирование текстообразующих признаков. Локативность связывает элементы креолизованного текста, дает обобщение впечатлений, расширяет узкую информацию, заключенную в вербальных элементах текста, до понимания ситуации по заявленной теме во всем мире или стране.

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студентов фак-та иностр. языков вузов. М., 2003.
2. Афиша // Рус. репортер. 2008. 18–25 сент.
3. Безработный ландшафт // Там же. 16–23 окт.
4. *Большакина Л. М.* Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. М., 1987.
5. *Бугаева М.* Фотография как средство массовой информации // Фотожурналист и время. М., 1975.
6. *Ворошилов В. В.* Журналистика. СПб., 2002.
7. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // Политический дискурс. Екатеринбург, 2006. Вып. 20.
8. Где легче делать деньги // Рус. репортер. 2008. 9–16 окт.
9. География взятки // Там же. 23–30 окт.
10. *Головкин С.* Полвека газетного дизайна // Журналист. 2001. № 8.
11. *Евгенов С.* Вспоминаю далекие годы // Фотожурналист и время.
12. *Ейгер Г. В., Юхт В. Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста : материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1974. Ч. 1.
13. Жилая площадь планеты // Рус. репортер. 2008. 2–9 окт.
14. Зоны риска // Там же. 27 нояб. — 4 дек.
15. *Кассинский В.* Газеты меняются в лице // Известия. 2001. 26 нояб.
16. Кому не светит // Рус. репортер. 2008. 21–28 авг.
17. Мир в заголовках // Там же. 28 авг. — 4 сент.
18. *Михеев А. В.* О некоторых типах взаимодействия изображения и текста // Типы коммуникации и содержательный аспект языка.
19. Пиратские миллиарды // Рус. репортер. 2008. 28 авг. — 4 сент.
20. Поедатели килокалорий // Там же. 2008. 3–10 июля.
21. *Пойманова О. В.* Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
22. Пора по пиву // Рус. репортер. 2008. 4–11 сент.
23. Самый зеленый рейтинг // Там же. 21–28 февр.
24. *Сонин А. Г.* Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопр. языкознания. 2005. № 6.
25. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
26. *Харроуэр Т.* Настольная книга газетного дизайнера. Воронеж, 1999.
27. Чей шпиль выше? // Рус. репортер. 2008. 18–25 сент.

Статья поступила в редакцию 15.01.2011 г.

УДК 070 + 002.56 + 004.77 + 81'42

Е. В. Олешко

ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫЙ ШРИФТ КАК НОСИТЕЛЬ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена вопросам формирования визуальной культуры и газетно-журнальному шрифту как одному из ее компонентов. Автор отмечает тенденцию, связанную с тем, что в процессе текстообразования и смыслообразования в массово-коммуникационных процессах все большую роль начинают играть паралингвистические средства и что по мере развития информационных технологий, разработки новейших методов их внедрения в повседневную журналистскую практику происходит все более ощутимая диверсификация форм отражения реальности.

Ключевые слова: газетно-журнальный шрифт, информационная культура, картина мира, журналистика, Интернет, изобразительные знаки.

Для журналистского сообщества проблема влияния тенденций развития информационной культуры на повседневную практику становится год от года не просто актуальной, но во многих компонентах системообразующей. Современные информационные процессы, на наш взгляд, динамизируют и сам факт качественного изменения содержательных компонентов печатной продукции, что происходит благодаря перманентным технологическим обновлениям форм и способов передачи всего многообразия смыслов различных текстов, авторских эмоций, прямых и косвенных их интенций. Но ведь при этом увеличивается и информационная емкость всех видов массовой коммуникации. Следовательно, необходимо системное научно-методологическое описание подобного рода взаимодействий с реальной и потенциальной аудиторией СМИ различных типов.

Однако в новейших теоретико-журналистских исследованиях данный аспект не получил до сих пор системной проработки и описания. Так, к примеру, в доступной автору научной литературе не удалось обнаружить результатов работ, в которых в качестве объекта выступал бы шрифт как важный компонент современной информационной культуры общества, визуальной культуры и элемент новой модели информационного взаимодействия. А ведь он характеризует сегодня не только собственно книжную и газетно-журнальную ее составляющую, но и все то, что пользователь Интернета также в состоянии воспринимать как трансляцию смыслов.

В. М. Березин дифференцировал современные средства массовой коммуникации на два типа: вербальные (устные и словесные) и визуальные [2, 131–142]. Последние, в свою очередь, разделил на *процессуально-динамические* (т. е. коммуникационные процессы в действии — кино, телевидение, театр) и *статические* (технические — любые невербальные проявления, в которых человеческое выражается опосредованно, через вещное, материализованное).

ОЛЕШКО Евгений Владимирович — ассистент кафедры периодической печати Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: fury_rebel@mail.ru).

© Олешко Е. В., 2011

Хотя, как нам кажется, в новейших исследованиях в русле анализа конвергентных возможностей журналистики нельзя не учитывать и тот факт, что шрифты, представленные в интернет-продукции благодаря современным технологиям, в интерактивном режиме обладают и некоторыми признаками процессуально-динамических средств массовой коммуникации.

Остановимся в связи с этим на семиотической проблематике. А конкретно — попытаемся определить роль знаковых систем в целом и шрифта в частности в формировании картины мира. Нам представляется возможным и плодотворным в рамках социокультурного подхода, рассматривающего общество как единство культурного и социального, изучение влияния данного феномена на социальную адаптацию отдельной личности и различных аудиторных групп СМИ.

Российские исследователи массмедиа исходят из того, что гуманитарные дисциплины нового поколения — коммуникативистика (М. Кастельс), семиология (Р. Барт), когнитология (Дж. Лакофф), социожурналистика (С. Г. Корконосенко), методология моделирования (Р. Дебре, М. Вартофский), а в особенности синтезированные на их основе методы познания, способы интериоризации и осмысления бытия вызвали к жизни методы, нетрадиционные для анализа массово-коммуникационной практики эпохи формирующегося информационного общества [8, 13, 15]. Во многом благодаря им, в частности теории когнитивного диссонанса и семиотического моделирования, обнаружилось множество новых явлений и характеристик, которые не всегда вписываются в иерархию накопленных знаний о структурах, системах, формах и содержательности функционирования журналистики.

Одним из этих феноменов явилась и *картина мира* как «совокупность знаний о реальности, предъявляемой социуму системой журналистики в период становления информационного общества» [14, 6].

Образ реальности, создаваемый системой средств массовой информации в эпоху превалирования информационных технологий, по мнению В. Д. Мансуровой, представляет собой особый тип виртуальной социокультурной реальности. Представая в форме картины мира, она играет ключевую роль в самоопределении современного человечества. К слову, достаточно широко используется данный термин сегодня и в практической журналистике — чаще всего в контексте расширения тематического диапазона СМИ и совершенствования их моделей и форматов [9]. А амбивалентный образ массмедиа, который одновременно отражает и конструирует действительность, активно изучается исследователями современных контр-культур [6, 10, 11, 20]. Медиареальность в их транскрипции выступает в качестве посредника, легитимизирующего существование множественных миров и объединяющего их в единое целое, а средства массовой коммуникации делают потребление более насыщенным.

Следовательно, поскольку в эпоху Интернета человек живет как бы в нескольких культурных пространствах, то рухнули и границы, которые задавали прежние способы массовых коммуникаций. Однако технологическое развитие средств передачи информации, усложнение взаимосвязей массмедиа с различными типами реальностей, областями теоретического и эмпирического познания выявили потребности в определении роли, значения, тенденций развития

конкретных видов коммуницирования с аудиторией. М. В. Загидуллина, анализируя данную тенденцию, отмечает тот факт, что «практически мы наблюдаем следующую картину: технические новшества, характерные для сегодняшних СМИ, обеспечивают возможность микрогрупп и демассификацию СМИ. Но вектор подражания аннулирует эту возможность и заставляет локальные СМИ бороться не за свою уникальность, но за свою “клоновость”, идентичность центральным образцам» [7, 187]. В связи с этим, по мнению исследователя, совершенно особое значение приобретает типология своего рода «фильтров», неизбежно возникающих при сборе, трансформации и даже трансляции информации на ту или иную аудиторную группу. И. В. Рогозина, проведя исследование данной проблематики, предложила даже ввести специальный термин «селект», понимая под ним «вербализованный результат ментально-когнитивной деятельности группы индивидов по сбору, отбору и обработке информации о социальной и природной реальности, поступающей из различных информационных источников, с целью ее дальнейшей медиации» [16, 189].

Все это, как нам кажется, тесно взаимосвязано с новейшими исследованиями философов и культурологов [12], сформулировавших главную проблема XXI столетия — как в глобальном мире реализовать идею непротиворечивого сосуществования не только государств и народов, но и разных культур? Парадигма толерантного подхода к деятельности СМИ позволяет диссертанту выдвинуть гипотезу, что *эффективный межкультурный диалог в современном российском обществе обусловлен как изменениями ментального (содержательного) характера, так и собственно технологическими новациями.*

Приведем только один пример. На смену модели всеобщего приоритета печатного текста — основного на протяжении почти пяти веков способа фиксации представлений о мире — пришли формы аудиовизуальной, гипертекстовой, сетевой, супермобильной систем коммуникации. «Человечество вступило в эпоху господства коммуникативных средств, вводящих его в органичный для восприятия реальности баланс чувств и эмоций. Звук, цвет и даже запах становятся “конфигурантами” воспроизводимой в массовой коммуникации картины реальности. Шрифтовой и иллюстративный материал дополняется несущественными ранее акцидентными средствами — разнообразием и видом гарнитуры, ее цветовыми решениями, существенно повышающими уровень семантического и эстетического восприятия» [14, 8].

Отметим и то обстоятельство, что в процессе текстообразования и смыслообразования все большую роль начинают играть паралингвистические средства. По мере развития информационных технологий, разработки новейших методов их внедрения в повседневную журналистскую практику происходит и все более осязаемая диверсификация форм отражения реальности, усложняется характер коррелирования содержательных и формальных структур воспроизводимых образов и схем. Философское определение Н. С. Рыбаковым факта как «представленности бытия в ином» [17, 24] помогает нам констатировать: современные средства массовой коммуникации, отражающие и формирующие картину мира во все более сложных, знаковых и символьных системах, требуют от аудитории мобилизации не только рациональных способов постижения

действительности. Избыточность информации, наличие в транслируемых при посредстве СМИ ее потоках содержательных единиц манипулятивного характера, а зачастую также случайность и неравномерность востребованности массовой информации, обусловленная субъективностью реципиентов коммуникационного процесса, существенно затрудняют адекватность «перевода» социально значимого содержания тех или иных сообщений.

Все многообразие адаптаций к различным видам и формам массовой информации, присутствующих в моделях поведения, вырабатывается в процессе развития культуры и характеризует коммуникационный опыт отдельных реципиентов и различных аудиторных групп СМИ. Особое значение при этом приобретает изучение проблематики кодирования и декодирования различных знаковых систем, транслируемых массмедиа, их восприятия, интериоризации смыслов и т. п.

Язык как исторически сложившаяся система средств, объективирующая работу мышления и являющаяся своего рода «инструментом» коммуникации в обществе, представляет собой также знаковую систему, передающую информацию. Знаки, из которых строятся сообщения (в том числе, конечно, и массово-коммуникационные), выполняют роль носителей определенных смысловых содержаний (значений). Именно благодаря им оказывается возможным кодирование передаваемой в сообщениях информации и реализация коммуникативных актов.

Основные свойства всякого знака заключаются прежде всего в том, что он должен быть, во-первых, доступен восприятию со стороны адресата (обладать свойством перцептивности), во-вторых — информативен, т. е. нести смысловую информацию об объекте. Классическим является определение Ф. де Соссюра, различавшего в знаке две стороны: означаемое (*signifié*: сигнификат, образ предмета, идея, или в традиционном употреблении — значение) и означающее (*signifiant*: сигнификант, экспонент, выражение) [18]. Поскольку обе эти стороны психичны, то такой знак, естественно, не может быть воспринят. Следовательно, воспринимается не виртуальный языковой знак, а реализующий его речевой знак, к примеру, в нашем случае — это его шрифтовое воплощение. Будучи элементом определенной семиотической системы, любой знак характеризуется теми отношениями, в которые он вступает с другими знаками.

Вместе с тем в трудах современных ученых газетно-журнальный шрифт до сих пор чаще всего рассматривался и рассматривается лишь как вспомогательный элемент текстовой культуры [1, 3–5, 19, 21]. И если на «доцифровом» этапе развития полиграфии в целом и периодической печати в частности это было закономерно, то в сегодняшних условиях, как свидетельствует новейшая практика, газетно-журнальный шрифт становится не просто равноправным компонентом формирования и развития информационной культуры общества, но и своего рода законодателем моды в безбрежном интернет-пространстве.

Вызвано это, во-первых, тем, что подавляющее большинство пользователей привыкли к традиционным шрифтовым гарнитурам и их начертаниям, а изменения в процессе восприятия даже с психологической точки зрения, не говоря об удобочитаемости, эргономичности и т. д., трудно прогнозировать. Во-вто-

рых, создание чего-то нового в данной сфере требует немалых финансовых и организационных затрат. И, наконец, в-третьих, это обусловлено также несовершенством отечественного законодательства об авторском праве, не позволяющего, как показывает практика, возместить затраты разработчикам новых продуктов, даже если их создать и провести в пространство Сети, считающееся почему-то в силу всеобщего пользования бесплатным.

Хотя необходимо отметить, что и интернет-культура (а зачастую и технологические возможности, которые Интернет предоставляет квалифицированным пользователям) накладывает отпечаток на процессы выпуска бумажных и особенно электронных версий газет и журналов. Но это уже отдельная тема, поскольку в связи с фиксацией данной тенденции, мы убеждены, что *активное взаимодействие с прессой и интернет-средой — чаще всего в вербальных проявлениях являющейся аналогом представленного «бумажной» прессы шрифтового комплекса — формирует у этой аудитории определенный тип визуальной культуры, поддающийся не только описанию, но и в определенных случаях и при определенных условиях динамическому развитию*. Поэтому сегодня, на наш взгляд, новую реальность создают в современной журналистике не только вербально, но и с помощью модельных возможностей изобразительного пространства современных массмедиа, непременным элементом которого является шрифт.

Таким образом, можно отметить, что к изучению изобразительных знаков в целом и текстовых шрифтов в частности необходимо подходить не только прагматично, т. е. используя семиотический подход, но и с учетом потребностей современной практики. А она определяет, даже настоятельно диктует следующую тенденцию: соединение накопленных за столетия традиций выпуска печатных СМИ с новейшими технологическими возможностями не только полиграфии, но и Интернета. И если шрифт, используя метафору А. Капра, можно назвать «перевозчиком смысла», то глобальную Сеть сегодня впору обозначить в качестве транслятора новаций или некоего «полигона испытаний» информационных ресурсов общества.

-
1. Баева Н. А. Интертекстуальность как текстовая категория. Кемерово, 2006.
 2. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003.
 3. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.
 4. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 1 (21).
 5. Гриценко В. П. Культура как знаково-семиотическая система : дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2000.
 6. Громова И. Б. Контркультура как адаптивный механизм трансляции социального опыта // Социс. 1991. № 10.
 7. Загидуллина М. В. Локальная информационная картина мира: типология фильтров // Провинциальный мегаполис в современном информационном обществе : материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 2010. С. 187.
 8. Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации : англ.-рус. толковый словарь концепций и терминов. М., 2004.

9. *Касютин В.* Расширение картины мира: Молодые журналисты Кавказа модернизируют модели своих газет // Журналистика и медиарынок. 2010. № 4. С. 18–21.
10. *Кормер В. Ф.* О карнавализации как генезисе «двойного сознания» // Вопр. философии. 1991. № 1.
11. *Кравченко А. И.* Культурология : учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М., 2001.
12. Культурология как наука: «за» и «против» : материалы «круглого стола». Москва, 13 февр. 2008 г. СПб., 2009 (выступления А. А. Гусейнова, В. В. Подороги и др.).
13. *Лозовский Б. Н.* Журналистика: техника безопасности. 2-е изд., испр. и доп. Тюмень, 2004.
14. *Мансурова В. Д.* Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности : дис. ... д-ра филос. наук. Барнаул, 2003.
15. *Олешко В. Ф.* Моделирование в журналистике: теория, практика, опыт. Екатеринбург, 2000.
16. *Рогозина И. В.* Коммуникативные модели СМИ как фрагменты картины мира // Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания : колл. монография. Барнаул, 2003. С. 189.
17. *Рыбаков Н. С.* Факт. Бытие. Познание. Екатеринбург, 1994.
18. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. М., 2001.
19. *Сулимов В. А., Фадеева И. Е.* Коммуникативное пространство современной культуры: знаки и символы // Филос. науки. 2004. № 4.
20. *Харитонов В. В.* Продуктивная и функциональная структура культуры. Екатеринбург, 2001.
21. Язык средств массовой информации. М., 2008.

Статья поступила в редакцию 20.04.2011 г.

УДК 070.133 + 351.751.5 + 94(470.6)

И. В. Смолин

РАЗЛИЧИЕ МЕТОДОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ЧУЖОГО» В ТЕКСТАХ СМИ, ПОСВЯЩЕННЫХ ВООРУЖЕННОМУ КОНФЛИКТУ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Рассматриваются некоторые особенности подачи информации о боевых действиях в современных российских печатных средствах массовой информации. Особое внимание уделено подаче образа «чужого» при помощи языковых средств. Проанализированы примеры из «Российской газеты» и «Комсомольской правды».

Ключевые слова: толерантность, журналистский дискурс, оппозиция «свой» — «чужой», конфликт в Южной Осетии.

Исследование методов репрезентации «своих» и «чужих» в текстах СМИ тесно связано с одной из актуальных проблем современности — толерантностью. Под толерантностью в широком смысле понимается «уважение к непохожести и осознание того, что непохожесть — это залог развития. Толерантность — это готовность к диалогу, к творческому поиску» [18, 7]. Тонко уловил сущ-

СМОЛИН Игорь Владимирович — шеф-редактор газеты «Левобережье Магнитки», Магнитогорск (e-mail: smolin-iv@mail.ru).

© Смолин И. В., 2011

ность этого феномена американский антрополог М. Уолцер: «Терпимость (*толерантность*) делает возможным существование различий; различия же обуславливают необходимость терпимости» [21, 15].

Несмотря на то что некоторая часть российского общества негативно относится к понятию толерантности, расценивая его как элемент политики глобализации, навязываемой России Западной Европой и США, необходимо признать, что только толерантность в современном мире может выступать в качестве долгосрочной основы социальной безопасности [18].

Особенно актуальной эта тема становится во время острых социальных конфликтов, межнациональных столкновений, войн. В такие периоды бывает сложно достигнуть баланса между «единением нации» в стремлении защитить интересы страны, с одной стороны, и соблюдением толерантного отношения к представителям страны-противника — с другой.

Важнейшую роль в установлении или нарушении этого баланса играет пресса. Во многом именно пресса сегодня структурирует любое событие, направляет внимание общества на те или иные его аспекты, предлагает адресату различные оценки, закрепляет в общественном мнении определенные понятия и стереотипы.

В современном мире при увеличившемся темпе жизни и возросшем потоке информации именно стереотипы «закрепляют информацию об однородных явлениях, фактах, предметах, процессах, людях и т. д.; позволяют людям обмениваться информацией, понимать друг друга, участвовать в совместной деятельности, вырабатывать общие взгляды, одинаковую ценностную ориентацию, единое мировоззрение; ускоряют возникновение поведенческой реакции на основе прежде всего эмоционального принятия или непринятия информации. Стереотип способствует созданию и сохранению положительного «Я-образа», защите групповых ценностей, объяснению социальных отношений, сохранению и трансляции культурно-исторического опыта» [16, 227].

При этом, готовя публикации о социальных конфликтах, осуществляя репрезентацию «своих» и «чужих», журналисты вынуждены учитывать как политику издания, так и неоднородность менталитета и системы оценок у своей целевой аудитории. Различия в подходах, которые выбирают для решения этой задачи журналисты качественных и массовых изданий, будут рассмотрены в данной статье (на примере «Российской газеты» и «Комсомольской правды»).

В целом анализ оппозиции «свои» — «чужие» выступает как часть исследования более широкой проблемы — репрезентации Другого в различных дискурсах, в том числе в дискурсе СМИ. Философскому осмыслению проблемы Другого посвящены работы известных философов и социологов, таких как З. Бауман [1], Г. Гадамер [23], П. С. Гуревич [3], М. Кастельс [8], Ж. Лакан [11], О. Н. Павлова [14], Э. Тоффлер [20], Р. Штихве [26] и др. Проблемы толерантности находят свое отражение в работах исследователей журналистики И. М. Дзялошинского [5], Б. Н. Лозовского [12], Ю. В. Казакова [7] и многих других. Среди российских лингвистов, посвятивших свои исследования проблеме толерантности, можно назвать Л. В. Енину [10], Н. А. Купину [9],

Л. М. Майданову [13], О. А. Михайлову [9], И. А. Стернина [17], Э. В. Чепкину [25] и др.

Материалом для данного исследования послужили публикации СМИ, посвященные вооруженному конфликту в Южной Осетии (2008). Были отображены по 20 публикаций, размещенных в период с августа по октябрь 2008 г. в двух общероссийских газетах — качественном, официальном издании «Российская газета» и массовом издании «Комсомольская правда». Выбор именно этих материалов обусловлен двумя факторами. Во-первых, период возникновения и развития острой фазы конфликта сопровождается наибольшей активностью СМИ, освещающих и комментирующих происходящие события. Во-вторых, грузино-осетинский или, точнее, грузино-российский конфликт не был исчерпан с завершением боевых действий в августе 2008 г. В настоящее время российские политологи и аналитики отмечают сохранение напряженности между Россией и Грузией, прогнозируя возможность повторения военного столкновения между странами.

Методика проведенного исследования находится в русле дискурсивного анализа, опирается на понятия дискурса и дискурсивной практики. Дискурс рассматривается как социально упорядоченный механизм порождения речи, организации коммуникации [6].

Под дискурсивной практикой понимается «процесс структурирования текста (как адресантом, так и адресатом) в пределах определенного дискурса» [24, 8]. Такие практики определяют не только правила создания отдельного текста, но и общие способы передачи смыслов в одном или нескольких текстах.

В публикациях, посвященных вооруженному конфликту в Южной Осетии, обе газеты в качестве «чужих» персонажей репрезентуют военнослужащих грузинской армии, президента Грузии Михаила Саакашвили, представителей титульной нации Грузии, а также обобщенные образы стран — Грузии и США. Отдельно можно выделить группу «чужих среди своих», в той или иной мере сочувствующих или помогающих врагу.

Анализ исследованных публикаций показал, что «Российская газета», будучи официальным изданием, проявляет сдержанность в способах выражения негативной оценки в адрес противоположной стороны конфликта, передает интолерантные смыслы в основном на уровне текстового содержания. При этом зачастую объект, на который направлено интолерантное отношение, напрямую не называется, а уводится в подтекст.

...За последние двое суток враждующие стороны явно перешли от тактики мелких стычек с применением стрелкового оружия к полномасштабным боевым действиям. В ход пошли танки, БМП и даже крупнокалиберные орудия.

В отдельных южноосетинских селах уже разрушено до 20 процентов всех построек (Цхинвал ночных атак // Рос. газ. 2008. 8 авг.).

Несмотря на то что стреляют обе «*враждующие стороны*», корреспондент сообщает только о разрушениях в южноосетинских селах. То есть на уровне текстового содержания автор сообщает адресату, что именно грузинская сторона совершает антисоциальные действия — разрушает мирные села.

Пока от обстрелов действительно страдают в основном поселковые постройки и мирные жители. Руководство Южной Осетии сообщило, что есть убитые и раненые в селах Прис, Дменис и Сарабук. В южноосетинских больницах находится порядка двадцати человек с огнестрельными и осколочными ранениями. В Тбилиси же заявляют об обстрелах грузинских сел Эредви, Приси, Авневи, Двани и Нули. О раненых и жертвах в этих населенных пунктах ничего не сообщается (Цхинвал ночных атак // Рос. газ. 2008. 8 авг.).

В публикации дается перечисление обстреливаемых населенных пунктов как в Южной Осетии, так и в Грузии, однако подчеркивается, что грузинская сторона ничего не сообщает о пострадавших. На уровне фоновых знаний читатель понимает: во время обстрела, как правило, должны быть жертвы. Если сведений о них нет, сообщение недостоверно или не полно. Усиливает это впечатление и контраст, построенный на разнице сообщений с двух сторон. Таким образом, из подтекста читателю становится ясно: в результате действий «чужих» страдают «свои» — мирные жители, а ответное обвинение со стороны «чужих», вероятнее всего, несостоятельно.

Даже обвиняя грузинскую сторону в обстрелах, газета не допускает категоричности. Информация дана со ссылкой на очевидцев:

По свидетельству очевидцев, грузинские снайперы в течение последних дней не прекращали обстрел населенных пунктов непризнанной республики (Война без выходов // Рос. газ. 2008. 11 авг.).

В приведенном ниже примере российский дипломат прямое обвинение в адрес грузинской стороны по поводу нарушения обязательств заменяет уклончивой конструкцией:

«Будем надеяться, что грузинская сторона останется верной своим обязательствам, что с ней случается нечасто», — заявил российский дипломат (Там же).

В отличие от «Российской газеты» массовое издание «Комсомольская правда» не уводит негативную оценку «чужих» в подтекст, а сразу конкретизирует ее, избегая неоднозначного толкования текста.

Грузины пытались занять высоты с востока от Цхинвала, но сегодня они активизировались на западных окраинах. <...> Власти Южной Осетии доложили, что в зоне конфликта появились грузинские гаубицы. ...Грузия вполне может получить на свою голову еще один фронт — абхазский (Добровольцы окапываются у Цхинвала // Комс. правда. 2008. 8 авг.).

Дорога забита «грузинской военщиной», перебрасываемой под Цхинвал для решающего боя (Грузинский министр Темури Якобашвили: «Мы победим! А дальше?» // Там же).

Использовано негативно-оценочное слово ВОЕНЩИНА — «Неодобр. Агрессивные военные круги» [19, 102]. Для обозначения «чужих» употребляются этнонимы *грузины*, *грузинский*, что может способствовать приданию событиям элемента межэтнического противостояния. Правда, наименование страны *Грузия* подчеркивает межгосударственный уровень конфликта.

В публикации, посвященной встрече президента России Дмитрия Медведева и премьер-министра Владимира Путина (За Цхинвали // Рос. газ. 2008. 11 авг.), основные обвинения в адрес Грузии также уведены в подтекст:

Порядка 10 миллиардов рублей будет выделено на восстановление сел Южной Осетии и Цхинвали, который из-за бомбежек фактически превратился в руины. <...>

По словам Путина, в Северной Осетии МЧС развернуло госпиталь, который приступил к работе. Второй будет открыт непосредственно в Южной Осетии, но только когда это позволит обстановка.

К моменту публикации уже несколько дней все новостные каналы — печать, телевидение, радио — были насыщены сообщениями о войне в Южной Осетии. Фоновые знания большинства читателей безошибочно подсказывают, что именно грузинские войска виноваты в разрушении сел и городов этой республики и создании той «*обстановки*», которая не позволяет открыть госпиталь и оказать помощь пострадавшим. Но субъект разрушительных действий прямо не назван.

Премьер-министр признался, что встречи с беженцами вызвали у него тяжелое впечатление. «То, что они рассказывали <...> это уже выходит далеко за рамки понимания ведения боевых действий», — рассказал он.

<...> Учитывая, что основное население Южной Осетии — это граждане России, Путин считает, что имеет смысл поручить Военной прокуратуре документировать проявления подобного рода.

Премьер-министр не конкретизирует свой рассказ, однако из контекста понятно, что речь идет о действиях, которые необходимо расследовать прокуратуре, т. е. о преступлениях, о противозаконных, общественно опасных действиях, которые были совершены грузинской стороной. Кстати, использование непрямых номинаций «*То, что они рассказывали*», «*проявления подобного рода*» выполняет двойную функцию. С одной стороны, обеспечивается официальное, безэмоциональное изложение. С другой — читатели могут самостоятельно представить себе происходящее на основе фоновых знаний о военных действиях и разрушениях вообще.

Отметим, что информационная политика и формат массового издания «Комсомольская правда» позволили дать расширенную информацию в публикации, посвященной той же встрече. Сообщению о диалоге президента и премьер-министра предшествовала короткая репортажная зарисовка, в которой описывается ситуация общения Владимира Путина с пострадавшими жителями. В ней приводится множество конкретных деталей, несущих яркую оценочную функцию:

— **Раненых добивают**, — с гневом произнес Путин, — не дают вывезти. **Женщин, детей!** <...> Молодая осетинка в трауре (накануне она потеряла мужа) рассказала, как издеваются напавшие на Южную Осетию над мирными гражданами: «**Согнали, как скот, в большой дом и подожгли**». Путин покачал головой. «**Ребенка зарезали!**» — воскликнула другая женщина. «Что-что? — не поверил Путин. — Даже на слух это трудно воспринимается». Но женщины продолжали рассказывать премьеру о **зверствах** грузинских военных: «Старушка с маленькими детьми бежала, и по ним танк

проехал». Путин напряженно поднял руки и произнес: «Это **геноцид!**» (Дмитрий Медведев: «Виновные понесут наказание» // Комс. правда. 2008. 11 авг.).

Использованы слова, передающие негативную оценку: «ГЕНОЦИД. Истребление отдельных групп населения, целых народов в мирное или военное время по расовым, национальным или религиозным мотивам» [19, 147]; «ЗВЕРСТВО. Бесчеловечный поступок, жестокость» [Там же, 247]. Аналогичную негативно-оценочную окраску имеют слова *издеваться, согнали как скот, подождли, зарезали...*

Отметим, что самые шокирующие детали здесь присутствуют в речи женщин — свидетельниц событий. Газета не публикует факты о зверствах от своего имени или от имени официальных лиц.

Из приведенного сравнения мы видим, что политика качественного издания предполагает взвешенные, сдержанные оценки «чужих», в то время как массовое издание прибегает к более эмоциональным и откровенным оценкам.

Это различие очевидно и при обсуждении общей ситуации взаимоотношений между Грузией и Южной Осетией. С первых дней в своих публикациях массовое издание «Комсомольская правда» повсеместно использует понятие *война*.

Вопрос дня. Что нужно сделать, чтобы прекратить **войну**? (Саакашвили подсунули «сырой» план нападения // Комс. правда. 2008. 11 авг.).

«ВОЙНА. Вооруженная борьба между государствами или народами, между какими-н. группами внутри государства» [19, 105].

В контексте общего массива публикаций «Комсомольской правды», посвященных событиям в Южной Осетии, преобладает смысл, что именно Грузия развязала войну, т. е. именно Грузия является «чужим», носителем антидобродетелей. «Российская газета», в отличие от «Комсомольской правды», напротив, проявляет осторожность в оценках и заменяет слово *война* различными синонимичными конструкциями, перифразами и штампами из официальной риторики: **Безответственная военная активность; Силовые акции; Создавшаяся напряженность** (Цхинвал ночных атак // Рос. газ. 2008. 8 авг.); **Мы будем понуждать Грузию к миру, вплоть до военных методов** (Мы были максимально терпеливы // Там же. 11 авг.); **Встречу с министром обороны Медведев начал с того, что сообщил о завершении значительной части операции по принуждению грузинской стороны к миру** (Укрощение огня // Там же. 12 авг.).

Справедливости ради отметим, что, с точки зрения политической терминологии, события августа 2008 г., имевшие место в Южной Осетии, являются все-таки именно вооруженным конфликтом, а не войной. «Цели войны более масштабны и лучше спланированы, чем цели вооруженного конфликта. Политические цели войны формулируются задолго до ее начала и определяют ее подготовительную фазу: соответствующую реорганизацию армии, экономики, дипломатии, идеологии. Сама война ведет к качественным изменениям всех сторон жизни общества и представляет собой одну из древнейших форм социальной мобилизации» [15]. Вооруженный конфликт отличается от войны

ограниченностью политических целей противников; частными, а не коренными противоречиями в качестве причин; ограничением пределов применения военной силы; ограниченными территориальными масштабами и меньшей продолжительностью противостояния.

В первые дни после начала боевых действий качественное, официальное издание особенно сдержанно с оценками, поэтому слова, в которых негативная оценка входит в понятийное содержание, со страниц газеты звучат только в цитатах из высказываний официальных лиц, но не от имени журналистов.

Президент Южной Осетии Эдуард Кокойты <...> : «Происходит молчаливая **аннексия** территории Южной Осетии». «Идет подготовка к большой **агрессии**», — согласен с президентом секретарь Совета безопасности непризнанной республики Южная Осетия Анатолий Баранкевич (Цхинвал ночных атак // Рос. газ. 2008. 8 авг.).

«АННЕКСИЯ. Насильственное присоединение государства или части его к другому государству» [19, 15]; «АГРЕССИЯ. Незаконное с точки зрения международного права применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства» [Там же, 5].

Мы видим, что поначалу газета приводит цитаты, в которых используется официальная лексика, лишенная какой-либо эмоциональной окраски.

«Мы не можем оставить наших партнеров в НАТО наедине с потоками **дезинформации** из Грузии», — сказал Рогозин (Сдать танки // Рос. газ. 2008. 12 авг.).

«ДЕЗИНФОРМАЦИЯ. Ложная информация» [19, 187].

Но через несколько дней журналисты используют соответствующие данные и оценочные номинации уже от своего имени: *Россия обязана сделать все, чтобы грузинское руководство не смогло повторить **агрессию*** (Укрощение огня // Рос. газ. 2008. 12 авг.); *Грузинская **агрессия** против Абхазии могла обернуться природной катастрофой*. <...> *Особый **цинизм** этому плану придает такой факт...* (Обрушение «Скалы» // Там же. 29 авг.).

«ЦИНИЗМ. Пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, наглость, бесстыдство» [19, 1080].

Для характеристики «чужих» «Российская газета» начинает использовать слова с ярко выраженной негативной оценкой:

Я не припомню другого случая такого **вероломного** нападения на позиции миротворцев, как это произошло в Южной Осетии (Свой род не подвел // Рос. газ. 2008. 20 авг.).

«ВЕРЛОМНЫЙ. Коварный, действующий путем обмана, измены» [19, 81].

В первые же часы **коварной атаки** среди миротворцев появились погибшие (Рос. газ. 2008. 20 авг.);

«КОВАРСТВО. Злонамеренность, прикрытая показным доброжелательством» [19, 344]; «АТАКА. 1. Стремительное наступательное движение войск [Там же, 23].

В последнем случае автор использовал слово *коварный* в качестве синонима слова *вероломный*, так как в первом значении прилагательное *коварный* не сочетается со значением существительного *атака*.

Заметны различия между двумя изданиями в употреблении выражений с семантикой болезни, патологии, при помощи которой «чужие» исключаются из числа нормальных людей.

В «Российской газете» эту семантику можно обнаружить лишь в составе цитаты известного французского историка и политолога Эммануэля Тодда:

Конечно, нападение Грузии на Южную Осетию — **сумасшествие**: только **безумец** может решить, что такая маленькая страна, как Грузия, может противостоять России в военном плане (Россия сыграла на Кавказе партию в шахматы // Рос. газ. 2008. 28 авг.).

«Комсомольская правда» использует смыслы болезни и в текстах, и — преимущественно — в составе заголовочного комплекса, т. е. в тех элементах публикаций, которые привлекают внимание аудитории в первую очередь. Так, газета помещает заявление Михаила Саакашвили под рубрикой «Истерика» (Запад хочет «оседлать» конфликт // Комс. правда. 2008. 11 авг.).

«ИСТЕРИКА. Приступ истерии, а также вообще громкие рыдания с криками, воплями» [19, 309]; «ИСТЕРИЯ. Психическое заболевание, выражающееся в судорожных припадках, в слезах, смехе, криках» [Там же].

В качестве характеристики для грузинских военнослужащих «Комсомольская правда» берет выдержки из сообщений одного из блогов в США. В нем американский военнослужащий дает нелицеприятную оценку грузинам. Для цитирования взят фрагмент, в котором активно используется разговорная отрицательно-оценочная лексика, намек на обценную лексику.

Они **крадут** все, до чего только могут добраться. <...> На базе в Кувейте их постоянно ловили на **воровстве** в других подразделениях. <...> Пока они не прекратят всю эту свою **х...**, никаких разговоров об их приеме в НАТО и быть не может... Офицеры — **дрянь**. Похоже, их больше интересует то, что можно выпросить или **спереть** у американцев... (Запад хочет «оседлать» конфликт // Комс. правда. 2008. 11 авг.)

«ТАЩИТЬ. Разг. 8. То же, что красть» [19, 972]; «ПЕРЕТЬ. прост. 5. То же, что красть» [Там же, 635]; «ДРЯНЬ. Разг. 2. О ком-чем-н. скверном, плохом, ничтожном» [Там же, 218].

Однако необходимо отметить, что данный текст адаптирован для русского читателя, значит, ответственность за выбор большинства оценочных слов лежит и на русском переводчике.

Распространенный метод, используемый «Российской газетой», — характеристика «чужих», поданная в контексте противопоставления положительному образу «своих». В первом случае «свои» — мужественные, сильные, достойные. «Свои» — герои. «Чужие» даны как обобщенный образ врага героев, т. е. анти-герои. Они не такие, как мы. Так, главный герой одной из публикаций (Свой род не подвел // Рос. газ. 2008. 20 авг.) — офицер Александр Бугрий. В трудном бою, после тяжелого ранения командира он возглавил батальон миротворцев и выполнил поставленную задачу. За этот подвиг он представлен к награде.

В другом случае «свои» — типичные мирные жители, простая осетинская семья, в которой много детей (Три дня из жизни Лолиты Кабисовой // Рос. газ. 2008. 20 авг.). Эти люди строили дом, занимались сельским хозяйством. Когда началась война, муж и двое старших сыновей уходят защищать республику. Остальные — жена и восемь детей — оказываются беззащитными перед лицом агрессора.

«До ночи прятались в подвале и мечтали только об одном — добраться до России, — продолжает Лолита. — Родных у нас там не было, но мы знали, что там — наше спасение. Вечером отпустили на волю кур, чтобы врагам не достались, и двинули в путь» (Там же).

«Чужие» в данной публикации — грузинские солдаты, которые показаны как агрессоры, угрожающие жизни абсолютно мирных людей.

Персонажи этих публикаций, как правило, упоминаются в третьем лице. Их прямая речь на газетной полосе представляет собой литературно обработанный, вычищенный в эмоциональном плане текст.

В публикациях «Комсомольской правды», посвященных войне в Южной Осетии, напротив, превалирует прямая речь в свидетельствах частных лиц, ставших вольными или невольными участниками описываемых событий. Зачастую газета в качестве заголовка или подзаголовка использует одну из фраз рассказчика. Как правило, эта фраза содержит в себе прямое указание на врага, «чужого»:

«**Грузинские** танки лупили по нашей медицинской колонне» (Комс. правда. 2008. 11 авг.); «Поднялся **грузин** с гранатометом и выстрелил прямо в голову нашему солдату...» (Там же); «Дожили! **Грузины** с русскими воюют...» (Там же).

Ретрансляция почти не обработанной разговорной речи позволяет журналистам не подбирать синонимы для обозначения «своих» и «чужих». Многочисленные повторы в таких публикациях прочно закрепляют в сознании читателя оппозицию: «мы — они», «наши — грузины».

Грузины начинали подтягиваться и пускать в ход гранаты. **Наши** достойно отбивались. **Мы** с Сашей и еще несколькими офицерами решили пробиваться в конец колонны.

Пошли через придорожные кусты. А в них ведь ничего не видно. Через 10–12 метров **мы** наткнулись на четырех **грузин** в натовском камуфляже. **Они** ничего не успели сделать... **Мы** снова побежали по кустам, пригибаясь («Поднялся грузин с гранатометом и выстрелил прямо в голову нашему солдату...» // Там же).

Снова обратим внимание на постоянное использование этнонимов *грузин*, *грузины*. Газета не стремится отделить действия политического руководства Грузии и военнослужащих от позиции всего грузинского населения, этнических грузин.

Оба издания в своих публикациях прибегают к приему построения наивной моральной оппозиции «хорошие свои — плохие чужие»:

Командир батальона <...> до последнего **пытался принудить** грузинскую сторону к соблюдению перемирия и недопущению нарушения установленных границ, но в ответ на наш пункт обрушился залповый огонь из всех видов вооружения (Свой род не подвел // Рос. газ. 2008. 20 авг.).

«ПРИНУДИТЬ. Заставить сделать что-н.» [19, 736].

В данном случае не совсем понятно, что кроется за официальными штампами, каким конкретно способом офицер пытался принудить грузинскую сторону к миру и соблюдению границ. Тем не менее значения глаголов, характеризующих действия нашего офицера, относительно мирные по сравнению с обозначениями действий «чужих».

С военной точки зрения этот конфликт показал, что боевая техника маленькой Грузии оказалась более совершенной, и если бы не **трусость** грузинских военных, то нам пришлось бы туго. Современную технику грузины бросали прямо на поле боя. Наши же танки брали другим — **мужеством** их экипажа, простых российских парней (Бой втемную // Рос. газ. 2008. 27 авг.).

«ТРУСОСТЬ. Постоянная боязнь чего-н. опасного, неприятного, стремление избежать этого» [19, 1004]; «МУЖЕСТВО. Храбрость, присутствие духа в опасности» [Там же, 465].

Автор строит предельно простое противопоставление: грузинские военные — трусливые, наши — храбрые. На том же противопоставлении строит моральную оппозицию и газета «Комсомольская правда»:

Грузинские пленные в один голос плаксиво признавались: «Мы не хотели воевать, нас послали на войну под страхом трибунала». У российских солдат и офицеров были совсем иные настроения: они шли в бой с твердым убеждением, что делают праведное дело, спасая своих коллег-миротворцев и население Южной Осетии (Победителей не судят // Комс. правда. 2008. 27 авг.).

В контексте описываемого конфликта в группу «чужих» попадают и США, на сближение с которыми ориентировано руководство Грузии. Для характеристики США «Российская газета» строит более сложную оппозицию, используя сравнение действий двух стран — России и США — с действиями игроков в шахматы и карты. Эммануэль Тодд, известный французский историк и политолог, говорит корреспонденту газеты:

Поведение России в конфликте на Кавказе мне представляется совершенно логичным. Это поведение **хорошего игрока в шахматы**, который столкнулся с **игроком в покер** — США. Дело в том, что во многом внешняя политика США часто основывается на **блефе** (Россия сыграла на Кавказе партию в шахматы // Рос. газ. 2008. 28 авг.).

«БЛЕФ. Обман, рассчитанный на создание ложного (обычно благоприятного) впечатления; действие, вводящее в заблуждение» [19, 49].

Подтекст очевиден: Россия проводит более интеллектуальную, разумную и честную политику, в то время как политика США строится на обмане.

Прием построения оппозиции, основанный на сравнении со спортивными состязаниями, использует и массовое издание. «Комсомольская правда» сравнивает Россию и США со спортсменами-боксерами:

Тет-а-тет США и Россия уже обмениваются ударами — идет эдакий политический бокс с хуками, апперкотами, ударами ниже пояса. Россию вызывает на ринг соперник мощный и опытный — как говорят в боксе, «двурукий боксер», обладающий сильным

ударом с двух рук, к тому же **жестокий и не брезгующий запрещенными приемами** (В бой Америка пойдет и получит апшеркот? // Комс. правда. 2008. 21 авг.).

Далее автор, используя специфическую спортивную лексику, рассказывает о политическом соперничестве двух стран. В ходе повествования он последовательно доказывает несостоятельность действий США.

В своих заголовках для характеристики «чужих» обе газеты используют различные приемы языковой игры.

Много шума из-за Саакашвили (Рос. газ. 2008. 2 сент.).

«МНОГО ШУМУ ИЗ НИЧЕГО — 1. о больших волнениях по незначительному поводу, 2. о шумных ничемных разговорах» [22, 591].

В данном случае автор намеренно разрушает известный фразеологизм с целью достижения большей выразительности. Заменяя наречие *ничего* фамилией президента Грузии, журналист намекает на ничтожность, несостоятельность последнего.

В бой Америка пойдет и получит апшеркот? (Комс. правда. 2008. 21 авг.). «Комсомольская правда» дает игровой рифмованный заголовок, построенный в «частушечном» стиле. Несмотря на то что завершается заголовок знаком вопроса и материал, размещенный под ним, носит аналитический характер, сам по себе заголовок воспринимается читателем как утверждение легкой и быстрой победы над серьезным противником, «чужим».

Проведенное исследование показало, что «Российская газета», будучи качественным изданием, для характеристики «чужих» осторожно использует негативно-оценочные языковые средства, предпочитая им негативные характеристики на уровне содержания. Исключения составляют те случаи, когда газета приводит прямую речь официальных лиц. Наиболее ярко это выражено в отчете о встрече с политологами Президента РФ Дмитрия Медведева (Утраченные иллюзии // Рос. газ. 2008. 16 сент.). Цитируются слова главы государства:

Я думал, что, может быть, это все-таки очередная **провокация**, «**пробивка**» такая, как принято говорить на одном из российских сленгов.

«**ПРОВОКАЦИЯ**. Агрессивные действия с целью вызвать военный конфликт» [19, 748].

Президент использует слово, в котором отрицательная оценка входит в понятийное содержание, и тут же добавляет синоним из сленга, придавая своей речи большую выразительность. Эту же цель преследует использование президентом разговорной, сниженной и грубой лексики:

...я никаких решений не принимал, надеясь, что у этих **придурков** хватит все-таки ума остановиться в какой-то момент.

«**ПРИДУРОК**. Прост. Придурковатый человек» [19, 730]; «**ПРИДУРКОВАТЫЙ**. Разг. Глуповатый, бестолковый» [19, 730].

Характеристика «главного» «чужого», президента Грузии, в устах Дмитрия Медведева является наиболее экспрессивной из всех, что разместила на своих страницах газета в исследуемый период. Говоря о Саакашвили, Медведев ис-

пользует семантику болезни, патологии, он приписывает грузинскому президенту употребление наркотиков:

Абсолютно непредсказуемый человек, отягощенный массой патологий, к сожалению, находящийся в несбалансированном состоянии психическом, вы меня, конечно, извините, но употребляющий наркотические средства.

Далее Медведев вновь использует разговорные и грубые слова:

Через некоторое время приехала наша близкая партнерша Кондолиза Райс, после этого **мальчика** как подменили.

Здесь президент, называя взрослого мужчину мальчиком, намекает на его несерьезность, неопытность, легкомысленность в делах.

Мы поняли, что по-другому защитить осетин и абхазов не удастся, что если один раз **напился крови**, то уже не остановится, если не **дать как следует в рыло**.

«РЫЛО. Прост. Бран. То же, что лицо» [19, 846].

Также президент использует здесь фразу, построенную по аналогии с фразеологизмами:

«ПИТЬ чью-н. КРОВЬ — перен. мучить, угнетать» [Там же, 381]; «КУПАТЬСЯ В КРОВИ — совершать казни, массовые убийства, быть виновником кровопролития» [22, 242].

Характеризуя Михаила Саакашвили, «Комсомольская правда» прибегает к иронии, фамильярности, грубым словам и жаргонизмам.

Саакашвили на все это реагирует **воинственно**.

— Призываю Россию отозвать всех своих граждан, которые занимают официальные посты в Южной Осетии, — заявил он вчера в Гори, куда **пожаловал** проведать раненых, пострадавших от осетинских пуль (Добровольцы окапываются у Цхинвала // Комс. правда. 2008. 8 авг.).

«ВОИНСТВЕННЫЙ. Свойственный воину, решительный, готовый к столкновению (также ирон.)» [19, 105]; «ПОЖАЛОВАТЬ (устар.). 1. Сов. к жаловать» [Там же, 678]; «ЖАЛОВАТЬ (устар.) Посещать кого-н.» [Там же, 229].

Америка <...> сделала все, чтобы убедить западный мир, будто это «злой русский медведь» пошел громить «маленькую независимую и гордую» Грузию, а агрессорами были мы, **а не воинственный генацвале** Саакашвили (В бой Америка пойдет и получит апперкот? // Комс. правда. 2008. 21 авг.).

Варваризм **ГЕНАЦВА́ЛЕ** — этикетное грузинское обращение — здесь звучит иронически.

Газета пренебрежительно и фамильярно называет Саакашвили по имени:

Мишу слил его же генштаб (Саакашвили не послушал своих генералов // Там же. 11 сент.)

При этом используется жаргонизм *слил*, сходный по смыслу с другим жаргонизмом *сдал*.

«СДАТЬ. 9. кого, что. Изменнически выдать, предать, продать (прост.)» [19, 867].

Одной из особенностей российского журналистского дискурса о войне в Осетии является использование параллелей со Второй мировой войной. Журналисты опираются при этом на мощные стереотипы и фоновые знания, сформированные у читателей за последние шесть десятилетий. Несмотря на то что в мире не прекращаются попытки каким-либо образом переоценить ту войну, в России события 40-х гг. XX в. большинством населения оцениваются однозначно.

Саакашвили использует приемы **Гитлера** <...>

Есть и еще один пример использования грязных политических технологий во благо всей цивилизации. И имя этому примеру — Адольф Шикльгрубер.

Запад тоже очень долго терпел и прощал Гитлеру его шалости вроде ввода войск в демилитаризованный Саар или претензий на Судеты. Терпел, потому что Гитлер казался Западу средством от ужасающей угрозы с Востока. Потому что Гитлер был руководителем, пришедшим к власти в результате выборов. <...>

Конечно, **Саакашвили — не Гитлер**. Мелок. **Но очень старается**. Он использует ту же риторику и те же приемы (Великий провокатор // Комс. правда. 2008. 14 авг.).

Автор последовательно уподобляет Саакашвили Гитлеру. В сознании читателя такая параллель вызывает однозначные ассоциации и резко отрицательную оценку грузинского президента.

А если бы этот **сумасшедший грузинский фюрер** бомбил установками «Град» не Цхинвал, а, скажем, Ростов-на-Дону, мы тоже должны были бы спокойно курить в стороне? Ведь мировое же сообщество «может обидеться!» («Союз правых сил» выступил против России // Там же. 28 авг.).

«**ФЮРЕР**. В фашистских организациях: вождь» [19, 1059].

Несмотря на то что слово *фюрер* в буквальном смысле не имеет исключительного персонального отношения к руководителю Германии в период Второй мировой войны, в сознании читателей прочно укоренилось его соседство с именем Адольфа Гитлера.

Параллели со Второй мировой войной используются и в характеристике «чужих» через образ «своих».

Это не 45-й год, но русских жители вновь признанного государства встречали словно освободителей (Мы с вами — сейчас и навсегда! // Комс. правда. 2008. 30 авг.).

«Дед часто рассказывал, что ему до сих пор война снится, — говорит Саша. — Я теперь понимаю, что это такое. Перед глазами стоит Сережа Шевелев, другие наши ребята. Не могу поверить, что их уже нет. Виновные должны ответить за их смерть, за то, что лишили жизни тысячи мирных граждан» (Свой род не подвел // Рос. газ. 2008. 20 авг.).

Как известно, российские войска вышли за рубежи республики и вели боевые действия на грузинской территории, что также вызвало вопросы у некоторых экспертов. В 1945 году советские войска, а также американцы, англичане и французы вошли в Берлин, но остановившись на освобождении своих территорий. Тогда хотели наказать агрессора, то же произошло и месяц назад, подчеркнул премьер (Политический ликбез от премьера // Там же. 19 сент.).

Из подтекста понятно, что современные российские солдаты и российская армия в целом здесь уподобляются воинам Великой Отечественной войны, следовательно, «чужие», грузинские военные — фашистским оккупантам.

Его «Брестская крепость» под Цхинвалом (Комс. правда. 2008. 11 окт.)

В заголовке использовано устойчивое словосочетание, однозначно связываемое с массовым подвигом советских военнослужащих в первые дни Великой Отечественной войны.

Президент Южной Осетии, узнав, что Россия признала независимость республики, выпил на центральной площади Цхинвала чашу вина. Целых три литра! И без всякой закуски.

Это знак всему мировому сообществу, что осетины не против присоединиться к России. Ведь **наши-то после первой не закусывают!** (Люди, которые нас удивили // Там же. 4 сент.)

Автор иронизирует, используя элемент фоновых знаний большинства читателей — один из эпизодов известного рассказа М. Шолохова «Судьба человека», который вызывает однозначную гордость за главного героя. Тем не менее это добрая ирония по отношению к «своему» персонажу, празднующему победу над «чужими».

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что у качественного издания «Российская газета» и массового издания «Комсомольская правда» существуют значительные различия в выборе средств и методов характеристики «чужих» в публикациях, посвященных войне в Южной Осетии.

Во-первых, в большинстве текстов «Российская газета» предпочитает использовать содержательные средства для отрицательной характеристики «чужих» персонажей. Негативно-оценочные языковые средства употребляются, как правило, в публикуемых высказываниях официальных лиц. «Комсомольская правда» в равной степени использует как языковые, так и содержательные средства для негативной характеристики «чужих».

Во-вторых, в публикациях «Российской газеты» превалирует имплицитная оценка событий и их участников. «Комсомольская правда», как правило, дает эксплицитную оценку «чужим».

В-третьих, прямая речь в «Российской газете» представляет собой выверенные, сдержанные, за редким исключением, цитаты из речи официальных лиц или литературно правленный текст от имени рядовых участников событий. В публикациях «Комсомольской правды» прямая речь занимает большие массивы текста. Это так называемый «язык улицы» — разговорная речь, подвергшаяся минимальной правке. В этих диалогах и монологах газета передает эмоциональную оценку событий.

Вместе с тем у исследуемых изданий существуют и общие черты в подходах к характеристике «чужих». Прежде всего, «чужой» представлен как враг, агрессор — в соответствии с контекстом описываемой ситуации.

2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998.
3. *Гуревич П. С.* Проблема Другого в философской антропологии М. М. Бахтина // М. М. Бахтин как философ. М., 1992.
4. Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. URL: http://www.shkolaprav.ryazan.ru/declaracia_tolerantnosti.htm
5. *Дзялошинский И. М.* Культура, журналистика, толерантность (о роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурализма) // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия. Екатеринбург, 2002. С. 15–38.
6. Дискурсивные практики СМИ и проблемы информационной безопасности. Коллективная монография / отв. ред. Э. В. Чепкина. Екатеринбург, 2009.
7. *Казаков Ю. В.* На пути к профессионально-правильному. Российский медиаэтнос как территория поиска : сб. док. и материалов. М., 2001.
8. *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 292–308.
9. *Кутина Н. А., Михайлова О. А.* Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. 2002. № 5. С. 22–27.
10. *Кутина Н. А., Енина, Л. В.* Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997. С. 26–38.
11. *Лакан Ж.* Психоз и Другой // Метафизические исследования. Вып. 14 : Статус Иного. СПб., 2000. С. 201–217.
12. *Лозовский Б. Н.* «Четвертая власть» и общество: на тернистом пути к согласию. Екатеринбург, 2001.
13. *Майданова Л. М., Соломатов С. И.* Слово и ключевые смыслы в современных медиатекстах. Екатеринбург, 2004.
14. *Павлова О. Н.* Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М. 2001.
15. Понятия «война» и «вооруженный конфликт» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.freecopy.ru/print.php?id=157675>
16. *Скорнякова С. С.* Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 2004. С. 225–231.
17. *Стернин И. А.* Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации : колл. монография. Екатеринбург, 2004. С. 130–149.
18. Толерантность как основа социальной безопасности / под ред. Н. П. Медведева. Москва ; Ставрополь, 2002.
19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.
20. *Тоффлер Э.* Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 276–288.
21. *Уолцер М.* О терпимости. М., 2000.
22. *Федосов И. В., Лапицкий А. Н.* Фразеологический словарь русского языка. М., 2003.
23. Человек и язык // От Я к Другому : сб. пер. по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997. С. 130–141.
24. *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.
25. *Чепкина Э. В.* Этнические характеристики персонажей как показатель степени толерантности автора публикаций // Диагностика толерантности в средствах массовой информации / под ред. В. К. Мальковой. М., 2002.
26. *Штихве Р.* Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 41–53.

Статья поступила в редакцию 15.01.2011 г.

УДК 654 + 396 + 316.346.2–055.2

А. А. Хлызова

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ СССР)

Статья посвящена системному анализу компонентов формирования и развития женских образов, представленных на Центральном телевидении в СССР. Автор доказывает, что на протяжении десятилетий они использовались как мощное пропагандистское средство и несли важную идеологическую нагрузку. Проникая в сознание советских людей и наполняясь материалом их опыта, данные образы определяли процессы социализации и ресоциализации в советском обществе. Их внедрение в общественное сознание было настолько значительным, что даже до сих пор в тех или иных ситуациях они продолжают оказывать влияние на идентичность российских женщин, особенно старшего поколения.

Ключевые слова: женские образы, социальные критерии, визуальные критерии, доминанты телевизионной системы, общественное сознание.

Советская эпоха оставила в истории телевидения множество имен дикторов, ведущих, журналистов, чья профессиональная деятельность до сих пор не только вызывает уважение, но и является образцом для работы современных ведущих российского телевидения. Кроме того, образы, созданные ведущими Центрального телевидения СССР, выступают основой в системе образов современных телевизионных ведущих, трансформировавшись в зависимости от политических, экономических, социальных, культурных изменений и требований зрителей, многие из которых и сейчас сравнивают современных телеведущих с их предшественниками из Страны Советов. Также советский телеэкран предлагал множество образов реальных женщин, деятельность которых являлась примером для женщин-телезрительниц.

Следовательно, изучение образов советских дикторов и телевизионных персон представляется актуальным. При этом особое внимание необходимо обратить на систему женских образов, так как на протяжении всего правления советской власти они использовались как мощное пропагандистское средство и несли важную идеологическую нагрузку по причине существенных изменений женских характеристик и социальных ролей, обусловленных стремлением к построению «нового общества» и «нового человека». Трансформированные женские образы, отшлифованные советской идеологией, являлись инструментом влияния на общество, создавая новые поведенческие и эмоциональные модели для реальных советских женщин.

Итак, репрезентация женских образов на телеэкране СССР была двусторонней: с одной стороны, это были образы женщин, приглашенных на Центральное

ХЛЫЗОВА Александра Александровна – преподаватель кафедры средств массовой информации Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (e-mail: klyzova_a.a@mail.ru).

телевидение в качестве гостей программ, интервьюируемых, ньюсмейкеров — это женщины-активистки, трактористки, доярки, скинувшие паранджу узбечки, излучающие счастье от перемен в образе жизни, за которыми стоит социалистическое государство, а с другой стороны — образы женщин-дикторов, журналистов, авторов телевизионных передач. В этом случае образ понимается как обобщенная характеристика личности, обусловленная историческим периодом времени, принадлежностью к определенной социальной группе, типичными условиями жизни. Образы дикторов и героев телепрограмм сыграли ключевую роль в распространении государственной идеологии в отношении женщин, так как личностный, доверительно-интимный характер телевизионного общения создает особые условия восприятия информации телезрителями — они сознательно или бессознательно отождествляют, персонифицируют и идентифицируют сообщение с передающим его человеком.

Стоит отметить, что к выбору телевизионных лиц героев и ведущих телепрограмм в советской телевизионной практике подходили очень ответственно: особое значение придавалось способности диктора или приглашенной на телевидение персоне вызвать полное доверие и уважение у аудитории. Например, по воспоминаниям дикторов советского времени, телевизионные ведущие Центрального телевидения не только отличались творческой индивидуальностью и умением профессионально создавать условия телевизионного общения («эффект присутствия», «эффект диалогичности» и «эффект доверительности») [9], но были способны влюбить в себя зрителя: «В 50-е годы люди воспринимали диктора, как хозяина дома, приглашающего телезрителей в гости. Весь вечер диктор проводит с телезрителями. Каждая из нас, дикторов, была монополистом телевизионного вечера. К нам привыкали, нас знали, нас ждали и потому могли полюбить. Теперь ждут программу “Время”, телеобозревателя, политобозревателя. Но никто уже не спросит: “Сегодня Ниночка или Валечка?” Этот вопрос остался приметой телевидения 50-х», — пишет одна из популярных дикторов советского телевидения Валентина Леонтьева [6, 29]. Таким образом, влияние советских дикторов на аудиторию было велико; более того, можно предположить, что женщины-дикторы были особенно популярны, так как представляли перед обществом в новой социальной роли, ранее не свойственной женщинам, — они работали в публичной сфере наравне с мужчинами, следовательно, являлись примерами для подражания для реальных советских женщин, от которых государство требовало активности в профессиональной и общественной сферах.

В анализе образа женщины на Центральном телевидении СССР используются следующие критерии:

1. Социальные критерии:

- особенности конкретного исторического периода;
- мультикультурализм;
- толерантность;
- государственная политика в отношении «женского вопроса»;
- идеология;
- особенности гендерной системы СССР, а именно существование неха-

рактрных для других обществ гендерных контрактов и понимание категорий «феминность» / «маскулинность»;

— социальные настроения и потребности.

2. Визуальные критерии:

— дискурс женственности и красоты;

— культурность;

— телесность;

— сексуальность;

— возраст;

— способы репрезентации женских образов в массовой культуре.

3. Доминанты телевизионной системы:

— диалогичность;

— редакционная политика, в том числе контроль телевидения государством;

— тематика телепрограмм;

— жанр телепрограмм;

— функциональные требования;

— реальность образа, его приближенность к повседневной жизни.

Итак, если говорить об особенностях конкретного исторического периода и государственной политике в отношении женщин, то стоит выделить четыре периода: 1920–1940-е гг., 1940–1950-е гг., 1950–1970-е гг. и 1970–1990-е гг. В 1920–1940-е гг., когда была сильна эмансипационная составляющая советской политики в отношении женщин, доминантным визуальным образом была активная женщина. Несмотря на то что в это время телевидение было более развлекательным, нежели информационным и пропагандистским (это объясняется экспериментальным характером телевизионного вещания и малочисленностью аудитории телезрителей), и основу телевизионных программ составляли отрывки из театральных спектаклей, балет, оперетта, концерты, в кадре уже появлялись руководители партии, общественные и культурные деятели, передовики производства, ученые. Например, 31 октября 1938 г. в эфир вышла передача, посвященная 20-летию ВЛКСМ, где, помимо мужчин, выступили депутат Верховного Совета РСФСР Кропачева, аспирантка Химико-технологического института им. Ленсовета Берниковская, показавшая химические опыты, летчица Жербутович, которая даже привезла в студию модели планеров, поэтесса Рывина, прочитавшая свои стихи [10]. Стоит отметить, что образ женщины-активистки в 20–40-е гг. репрезентировался в образах реальных советских женщин, так как раннее телевидение СССР еще не являлось средством массовой информации и на телеэкране еще не было профессиональных журналистов, дикторов, авторов передач. Поэтому влияние государственной идеологии распространялось только на приглашенных персон, которые должны были стать не собирательными, а реальными примерами для подражания. Аналогичная ситуация характерна для 1940–1950-х гг., при этом к образу женщины-активистки добавляются образы женщины-матери, женщины-героя, женщины-труженицы, что обусловлено требованиями военного времени — женщины должны были активно помогать государству «ковать победу». Следовательно, возникает необходимость в визуальных образах сильной духом женщины, готовой

пожертвовать своим счастьем ради общественного. Реальные советские женщины, рассказывающие о своем участии в военных действиях и своих подвигах с телеэкранов, которые работали нерегулярно в связи с войной, были призваны не только поддержать женщин, ожидающих своих мужей и сыновей с войны, но и быть для них примером — настоящая советская женщина должна быть бесстрашной и терпеливой перед лицом войны [5].

В 1950-х гг. к репрезентации образов советской женщины в приглашенных персонах, гостях телепрограмм и интервьюируемых добавилась репрезентация дикторов и журналистов. В марте 1951 г. Совет министров СССР принял постановление об организации ежедневных телепередач в Москве и о создании Центральной студии телевидения. Именно в это время началась идеологическая шлифовка образов женщины Страны Советов, их основой являлась концепция «идеологически правильного образа» диктора и ведущего, для которого набор возможных ролей был серьезно ограничен политкорректными требованиями. Но несмотря на жесткую цензуру и контроль, дикторам советского телевидения все же удавалось внести свои коррективы в образы, формируемые в соответствии с идеологией.

Учитывая, что в 1950–1970-е гг. приоритетными задачами советской государственной политики являлись производственная и демографическая составляющая, массовым становится изображение женщины-труженицы, женщины-руководителя, женщины-матери, женщины как партнера мужчины и женщины в семье. Например, образ женщины-руководителя олицетворяла первый директор Центральной студии телевидения Валентина Шароева. Несмотря на то что Валентина Николаевна редко появлялась в кадре, о ее деятельности знал практически весь Советский Союз — она активно помогала в творческом поиске, поддерживала самые дерзкие начинания, обнаруживая высокую принципиальность, недюжинную энергию и деловитость. Ее вклад в формирование советского телевидения (особенно телекино) как средства массовой информации неоценим: по инициативе Валентины Шароевой в кадре появились первые репортеры, ведущие, авторы телевизионных передач. Такой образ женщины-руководителя — инициативной, творческой, работоспособной, требовательной к себе и другим — являлся идеалом для реальных женщин, занимающих или стремящихся к руководящим должностям.

Образ первого диктора Центрального телевидения Нины Кондратовой можно охарактеризовать как образ женщины-труженицы. По воспоминаниям Е. Рябчикова, это была «милая и скромная женщина, отдающая всю себя телевидению» [7, 14]. Именно такой должна была быть советская женщина-труженица, посвящающая свою жизнь достижению высоких результатов в производстве.

К концу 50-х гг. сложилась классическая модель ведения новостных выпусков: на телеэкранах появились диктор-мужчина и диктор-женщина, при этом женщине отводилась роль партнера мужчины. Сделать такой вывод позволяет анализ тематики новостей, которые объявляли дикторы: как правило, мужчины информировали телезрителей о партийно-политических и международных новостях, событиях в науке, промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и архитектуре, а женщины представляли новости культуры, жизни моло-

дежи и комсомола, вопросы бытового и социального характера, а также легкие шуточные новости о невероятных событиях и уникальных людях. Таким образом, мужчины знакомили аудиторию с более важными и ответственными темами, нежели женщины. Такая модель ведения информационной программы утвердилась в первой самостоятельной новостной телепередаче Центрального телевидения «Телевизионные новости» и до сих пор реализуется на российском ТВ.

В 60-е гг. утвердился и особый, характерный лишь для советского общества тип гендерного контракта — «контракт работающей матери», который подразумевает обязательность «общественно полезного» труда в советском обществе и «обязательность» выполнения миссии материнства как женского природного предназначения [4, 85]. В соответствии с данным гендерным контрактом в телевизионных программах Центрального телевидения женщины изображались как активные участницы процесса государственной, трудовой и общественной деятельности. Именно такими активистками были ведущие одной из ярчайших новостных программ советского периода «Эстафета новостей» Алла Мелик-Пашаева и Ирана Казакова. Как ведущие информационно-аналитической программы, они работали с политиками, общественными деятелями, партийным руководством, космонавтами, выдающимися учеными, известными артистами, музыкантами, писателями, не только мастерски представляя своих героев, но и демонстрируя советским женщинам возможности профессиональной самореализации и активную жизненную позицию.

Что касается репрезентации советской женщины в роли матери, то она характерна для всех программ Центрального телевидения, где фигурировали реальные советские женщины, при этом акцентировалась особая забота государства и партии о жизни семьи. Но если говорить о репрезентации образа женщины-матери в дикторах Центрального телевидения, то его профессионально воплощала диктор информационной программы «Время» Нонна Бодрова. Красивый низкий голос и взгляд, наполненный материнской теплотой, помогали ей смягчить даже самые страшные новости. И советский телезритель максимально доверял ведущей, чувствуя себя как за каменной стеной. Ангелина Вовк говорила о Нонне Бодровой: «Многие дикторы были привязаны к тексту, а Нонна Викторовна, несмотря на жесткую цензуру, умела этот текст обыграть, так представить, никто не понимал, говорит она то, что ей написали, или все-таки ей разрешили симпровизировать» [3].

В 1970-е гг. на Центральном телевидении наряду с репрезентациями женщины-активистки, труженицы, матери и другими начинают встречаться совершенно не характерные для предшествующих периодов репрезентации женщины: женщина-хозяйка, женщина-красотка (модница), простая русская женщина, что объясняется реализацией государством так называемой «идеологии домашнего очага». Например, в развлекательных программах советского телевидения, таких как «А ну-ка, девушки!» и «Кабачок “13 стульев”» репрезентировался типично «буржуазный» образ женщины — модная, симпатичная, интересующаяся лишь своей личной (но ни в коем случае не общественной) жизнью женщина, подчеркнута зависимая от мужчины [2, 44]. В некоторых материалах

о сельской жизни, например в сюжетах новостной телепрограммы «Время» или в специализированной авторской телепередаче «Сельский час», идеализируется «традиционный образ русской крестьянки, также безразличной к общественной жизни, но живущей в согласии с природой» [2, 45].

Некоторые дикторы Центрального телевидения трансформировали свой образ в соответствии с индивидуальными предпочтениями, но с позволения руководства. Анна Шатилова в начале 70-х гг. стала репрезентировать образ модницы — на телеэкране она появлялась в белой блузе и ярком красном пиджаке, хотя традиционно яркие оттенки в новостных программах были непозволительны; она делала макияж и прическу так, как считала нужным, причем зачастую самостоятельно. За такие вольности ее часто вызывали на «ковер», но Анна Николаевна стояла на своем и отвечала: «Мы — идеологическая организация, значит, идти надо вперед и быть прожектором, в том числе и в моде!» [8].

Упомянув внешность советских женщин, следует учесть особенности советского дискурса женственности и красоты. Красота в советском обществе представляла собой систему правил и норм, которые приходилось принимать женщинам независимо от их национальности, традиций, личного мнения. Так, советский дискурс красоты требовал от женщин соблюдения правил гигиены и городской моды: стильная прическа, неяркие цвета и строгие фасоны, удобная одежда, в том числе отказ от вуалей, платков, шарфов, длинных юбок, обилия оборок, но при этом выбор зачастую неудобной обуви на каблучках для подчеркивания красоты женского тела [11, 95]. Данным требованиям в полной мере должны были соответствовать все советские женщины, появлявшиеся на телеэкране. Многие из этих требований не совпадали с традициями красоты и женственности этнических меньшинств, живущих на территории СССР, что противоречило требованиям мультикультурализма.

Если же женщина демонстрировала индивидуальность, как в случае с Анной Шатиловой, то зачастую это обуславливалось ее социальным статусом, а именно доступностью для нее вещей, которые были дефицитными для большинства советских женщин. При этом важно подчеркнуть, что репрезентация советской женщины на Центральном телевидении СССР носила коллективный и обезличенный характер, и даже в случае показа женщины как индивидуальности не акцентировалось внимание на ее личности, а подчеркивалось ее положение в обществе, принадлежность к женским массам и советскому обществу в целом.

Итак, образ советской женщины, демонстрируемый Центральным телевидением СССР, обладал противоречивыми характеристиками: «активность в общественно-политической жизни — несамостоятельность и зависимость от мужчины-партнера», «установка на успехи в работе — установка на материнство и воспитание детей», «стремление выделиться из толпы — стремление быть как коллектив, как все» и др. Противоречивость образа советской женщины свидетельствовала о невозможности воплощения его в реальной жизни, хотя, учитывая, что «телевидение как новый вид отражения и создания реальности породило совершенно особый вид образа — образ телевизионный, максимально при-

ближенный к непосредственному жизненному восприятию» [1, 19], большинство реальных советских женщин не только доверяли телевизионным ведущим и персонам, но и ориентировались на них, стремились подражать им. Так, проникая в сознание советских людей и наполняясь материалом их опыта, женские образы, сконструированные государственной идеологией в целях формирования нужного обществу человека, определяли процессы социализации и ресоциализации в советском обществе. Внедрение этих образов в общественное сознание было настолько значительным, что они даже до сих пор в тех или иных ситуациях продолжают оказывать влияние на идентичность российских женщин, особенно старшего поколения.

1. *Адамьянц Т. З.* Социальные коммуникации. М., 2009.
2. *Азгикина Н. И.* «Железная леди» или Баба Яга? «Женская тема» в современной российской прессе // Валдай-96 : материалы Первой Рос. лет. школы по женск. и гендер. исслед. М., 1997. С. 43–46.
3. *Вовк А.* Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=10635
4. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Валдай-96. С. 84–89.
5. *Кузнецов Г. В.* Золотые годы отечественного телевидения [Электронный ресурс]. URL: http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=4623&page=3
6. *Леонтьева В. М.* Объяснение в любви: Записки диктора. М., 1996.
7. *Рябчиков Е.* Всевидящий эфир // Шаболовка, 53: Страницы истории телевидения. М., 1988.
8. ТВ — время перемен? Книга признаний и откровений [Электронный ресурс]. URL: http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=11053 (дата обращения: 18.10.2010).
9. *Шепель В. М.* Имиджелогия. Как нравится людям [Электронный ресурс]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/shepel_imedjelogija/08.aspx (дата обращения: 01.04.2010).
10. *Юровский А. Я.* От первых опытов — к регулярному телевидению. 1905–1957 [Электронный ресурс]. URL: <http://dedovkgu.narod.ru/bib/histv.htm> (дата обращения: 15.12.2010).
11. *Gradskova Y.* From «Backwardness» to «Modern Culture»? «Beauty» and «Femininity» during the Soviet Cultural Modernization (1930–1960s) // Orientalism to Postcoloniality. Södertörns högskola, 2008.

Статья поступила в редакцию 20.04.2011 г.

УДК 070 + 323.172(57)

В. В. Шевцов

ОБРАЗ СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ ОФИЦИАЛЬНОЙ И ЧАСТНОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ*

Рассматривается процесс самоидентификации сибирской провинции на страницах официальных «Томских губернских ведомостей» и частных изданий в 1860–1880-х гг.

Ключевые слова: сибирское областничество, «Томские губернские ведомости», общественное движение в Сибири, сибирская печать.

Периодическая печать в Сибири возникла довольно поздно и была связана с распространением правительственного проекта 1837 г. по изданию губернских ведомостей на зауральских территориях. Несмотря на ограничения, установленные программой издания, в неофициальных частях тобольских, иркутских, енисейских и томских ведомостей, начавших выходить с 1857 г., можно проследить процесс самоидентификация сибирской провинции в культурном, этническом, экономическом и иных смыслах.

Рассмотрим тему конструирования «особости», самобытности Сибири и ее населения на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1864–1865 гг., когда в ее редакции начинали свою работу идеологи сибирского областничества Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев. Эта тема раскрывалась посредством следующих сюжетов:

Первый из них — это отсталость Сибири по отношению к Европейской России и Западу, включая и Америку: «Забитое общество, угнетенный народ»; «Составлялись ли у нас колонизационные общества для заселения страны подобно американским торговым колониям и бразильским обществом капиталистов?»; «...мы не самостоятельный экономический народ, а эксплуатируемые массы»; «Сибирь до сих пор имела мало нравственных средств для своего развития»; «Жизнь нашей страны, вовсе не носит отпечатка той блестящей цивилизации, который вырабатывают передовые народы и которой рукоплещет мир»; «Правительство начало смотреть на Сибирь, как на страну, из которой оно будет извлекать богатый доход в казну»; «Многие, видя в Сибири ссыльную колонию, малонаселенную, бедную, невозделанную, решились бросить роковой приговор в ее неспособности к полному развитию гражданской жизни и экономическому процветанию. В Европе Сибирь всегда была на таком счету...».

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Проект 2010–1.5.–506–009–015 «Региональная идентичность как фактор и условие сохранения и поддержания социальной стабильности в сибирском социуме: исторические и современные аспекты».

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета (e-mail: totleben@yandex.ru).

© Шевцов В. В., 2011

Второй — это негативные характеристики прошлого и настоящего Сибири и описание будущих перспектив ее развития: «Vive la mort и да водрузится будущее!»; «История Сибири только открывает нам печальную картину нашей прошлой жизни»; «Наша страна... лежит в запустении как мертвый труп»; «Наши сокровища покуда для нас мертвый капитал»; «В будущем наши надежды, в будущем осуществление заветных идеалов наших»; «Повсеместный грабеж народа, пытки в застенках, бесчеловечные казни, зверские убийства и истязания...»; «...сибирское образованное, молодое поколение создаст лучшую жизнь Сибири»; «Край малонаселенный, притесненный и бедный, каким его застал Сперанский»; «Умственный уровень Сибири на низшей степени...»; «Сибири суждена роль создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса Северного полушария».

Любопытно, что в презентации самосознания регионов Европейской России преобладали позитивные высказывания об историческом прошлом, его героизация, описание деятельности великих исторических личностей в связи с местной историей, определение значимости региона в связи с его участием в жизни Российской империи [3, 114–128; 4, 19; 9, 20].

Третий важный сюжет газетных публикаций, на основе которого проходило конструирование сибирской идентичности, — это особые черты в характере сибиряков и в ранней сибирской истории: «завоеватели»; «открыватели новых стран»; «отважные промышленники»; «дух авантюризма»; «стремление к улучшению своего быта и создание жизни на новых началах»; «беглые и недовольные, искавшие приюта и независимости в наших тайгах и урманах»; «Сибиряк, действительно, молчалив, но его воспитала в этом его история»; «Народ кинулся толпами в новую землю, как убежище от разных притеснений в царствование Иоанна Грозного, впоследствии от невыносимых немецких реформ Петра»; «...в Сибирь пришла самая энергичная и предприимчивая часть русских людей...»; «свободная казачья община и русские промышленные авантюрист»; «Покажите мне другой народ в истории мира, который бы в полтора столетия прошел пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на нем?».

И, наконец, завершающим аккордом в процессе конструирования региональной идентичности местной печатью может считаться объединение различных категорий населения Сибири, ее различных регионов в категорию «мы»: «особенный тип, тип сибиряка»; «сибирская цивилизация»; «страна»; «наше дальнейшее развитие»; «наш прогресс»; «наши ремесленные произведения»; «наши мастерские»; «наше население»; «наши меха»; «наше золото»; «мы сибиряки, жители ссыльнокааторжной колонии»; «наш молодой край»; «коллективный ум всей Сибири»; «Мы участники жестокой войны, которую мы ведем с сухим климатом Сибири...»; «Пусть все сибирское общество соединится, чтобы воспитать детей своей родины!».

Исходя из приведенных фрагментов, можно сделать вывод, что в целом областничество на страницах «Томских губернских ведомостей» представляло собой разработку вполне легальной и хорошо известной темы прогресса. Применительно к месту рождения участников «петербургского кружка» эта тема, всегда актуальная для русской интеллигенции, не имела недостатка в материале.

Прогрессивное развитие описывалось во взаимосвязанных категориях «отсутствие» — «возможность» — «пробуждение» как прошлое — настоящее — будущее Сибири. Основная «указующая» и руководящая роль в движении «народа Сибири» по этому пути отводилась еще не созданной областнической печати, способной формулировать свои, отличные от столичных изданий, задачи и оценки, оказывать влияние на политику центральных и местных властей [10, 7]. Своеобразной идеей-символом, служением которой областники полагали приблизить светлое будущее Сибири, была идея сибирского университета.

Хотя Потанин признавался, что «стал участвовать в Томских ведомостях и успел сделать их сепаратистским органом» [5, 178], областнические идеи в том ярко выраженном политическом смысле, в каком они развивались в частной переписке и заявлялись на следствии, в газете представлены не были. Еще находясь в Петербурге и вступая в полемику с Н. С. Щукиным по поводу издания сибирского периодического органа, Потанин делал упор на то, чтобы в нем основным направлением была идея об автономии провинции: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же» [6, 59]. На допросе Потанин показывал, что «Сибирь должна отделиться от России... Такова, по моему мнению, судьба всех земледельческих колоний... по аналогии с историей Северной Америки и испанских американских колоний». Ядринцев, видимо, испуганный масштабами следствия по отношению к масштабу содеянного, раскаивался в увлечении идеей сепаратизма и отвечал, что «на дело создания Республики» он смотрел как «на дело еще далекого будущего» [5, 185–187]. Не был развернут на страницах губернских ведомостей и один из самых острых вопросов областнической программы — инородческий (за исключением некоторых мелких публикаций в разделе «Мелкие известия» и статьи «Этнологические особенности сибирского населения»).

Тему прогрессивного развития Сибири областники разрабатывали в критическом полемическом ключе, но без какой-либо оппозиционности к центральному и местному правительству. Утверждалась необходимость перенесения на территорию Сибири тех форм общественной, культурной и экономической жизни, которые уже существовали или получали дальнейшее развитие в столицах и центральных губерниях в пореформенное время — новый гимназический устав, университетское образование, ослабление цензурного режима печати, улучшение здравоохранения, развитие современной промышленности. Образцом такого развития для Сибири выступала Западная Европа и в выборе такого ориентира для русского интеллигента также не было ничего нового. Тем более что прогрессом сибиряки были обделены дважды — и по отношению к западным странам и по отношению к «внутренней» России. Но в отличие от своих коллег-модернистов из европейской части страны, областники на основе параллелей и особенностей в характере колонизации, экономического положения, положения коренного населения Сибири открыто или подспудно намекали на североамериканский путь развития, что и составило основу обвинения по делу о «сибирском сепаратизме».

С середины 70-х гг. XIX в. официальные губернские ведомости утратили свой монопольный характер — частная пресса, первые органы которой в Восточной Сибири были недолговечны, стала активно развиваться, приобретая общесибирское и даже общероссийское звучание, сосредотачивая в себе лучшие литературные и журналистские силы края. С 1873 г. в Иркутске стала издаваться газета «Сибирь», с 1875 г. она издается под редакцией В. И. Вагина и М. В. Загоскина (выходила до 1887 г.). В 1881 г. П. И. Макушиным и А. В. Адриановым в сотрудничестве с ссыльными народниками была организована «Сибирская газета» (существовала до 1888 г.). В 1882 г. Н. М. Ядринцев основал в Петербурге первую бесцензурную газету «Восточное обозрение» (в 1888 г. перенесена в Иркутск), которая стала наиболее авторитетным изданием, представлявшим интересы сибирской провинции.

Не вдаваясь в вопрос об идейно-политической окраске этих изданий, в которых тесно переплетались либеральные, социалистические и областнические взгляды, подчеркнем только их общий оппозиционный, «обличительный» характер по отношению к существующим социальным порядкам и местной администрации. Частная пресса в Сибири, как и в России, приобретала характер параллельного официальной власти центра общественной силы, представляющей и направляющей народные интересы в соответствии со своими мировоззренческими установками и политическими задачами, и оказывала непосредственное влияние на самоидентификационные процессы в регионе.

В связи с подготовкой и празднованием 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России (1882), процесс формирования образа Сибири на страницах дореволюционной периодической печати вновь актуализировался. Первое направление, исходящее от правительственных и консервативных кругов, транслировалось через официальные и проправительственные газеты, второе было представлено либеральной столичной и местной областнической журналистикой. В рамках правительственного консервативного дискурса руководящая роль в высказываниях принадлежала представителям верховной власти. В телеграмме Александра III, адресованной не сибирскому обществу, а восточносибирскому генерал-губернатору, кратко, внушительно и весьма неопределенно сообщалось следующее: «Отдаленный край близок Моему сердцу, развитие его богатств, правильное устройство управления — предметы Моих постоянных забот. Надеюсь со временем Сибирь будет в состоянии воспользоваться нераздельно с Россией одинаковыми правительственными и общественными учреждениями» [7, № 50, 1040]. Аналогичный текст был отправлен генерал-губернатору в Омск, что подчеркивало характер юбилея как мероприятия, прежде всего касающегося центральной и подчиняющейся ей местной власти. Характерно, что дата присоединения Сибири к России, которая по понятным причинам не могла быть точно определена, была привязана ко дню тезоименитства наследника престола, будущего Николая II, — 6 декабря 1882 г. Таким образом, династический и общероссийский праздник становился для Сибири главенствующим, а трехсотлетний юбилей присоединения — второстепенным.

Сибирские власти поддерживали и развивали сходные идеи. Так, томский губернатор В. И. Мерцалов в своей речи предлагал вовсе забыть все темное

прошлое Сибири и начать отсчет ее будущего исторического времени с нового листа: «Много — и хорошего, и худого, пережила эта далекая страна в течение трех веков своего исторического существования; но все это было и былшем поросло! Нам, живущим теперь в Сибири, гораздо интереснее ближайшее будущее, чем далекое прошлое...» (обращает на себя внимание ассоциирование губернатора с местным сибирским обществом, к которому он принадлежал лишь по причине исполнения губернаторских обязанностей). Переселенческое движение, развитие промышленности и торговли, надежды на преобразования судопроизводства и системы самоуправления, наконец, открытие правительством университета и финансирование его постройки позволяли губернатору торжественно заключить, что «все хорошее на Руси всегда и во все времена исходило и исходит из одного источника — Верховной Власти. Если нужды нашей страны удовлетворяются, то этим прежде всего мы обязаны Великим Вождям России».

В этих восторженных (по служебной необходимости) словах явно видны представления о государстве как библейском пастыре, с одной стороны, и просвещенном европейце — с другой. Все надежды связывались с деяниями правительства, которое «зорко следит за нашими нуждами и исполнено готовности удовлетворить действительные потребности населения». Образ России для Сибири выступал в виде отца, старшего брата, обладающего сакральной силой: «Мы с доверием можем обращать взоры в недалекое будущее и благословлять момент, когда Сибирь примкнула к могучему русскому колоссу» [7, № 49, 1010–1012]. В соответствии с традициями описания официальных торжеств громкое единодушное «ура» и многократное исполнение народного гимна было ответом на речь В. И. Мерцалова. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин, который в форме доклада на высочайшее имя представил проект преобразований сибирской системы управления, от лица всех жителей края заявил, что «в борьбе с суровостью природы, неизмеримыми пространствами и всякого рода лишениями, сибирское население воспитало в себе твердую волю, несокрушимую энергию в труде, и на рубеже четвертого века своей жизни является готовым воспринять те великие реформы, которые дарованы России державною волею царя-реформатора» [8, № 1, 3]. Примеры подобных высказываний можно множить — правительственная версия образа Сибири как края, который в недалеком будущем будет обласкан милостями и заботами правительства, находила поддержку в многочисленных верноподданнических телеграммах с мест — от губернаторов и городских дум до сельских обществ. В действительности же министр внутренних дел Д. А. Толстой уведомил Томскую городскую думу о неуместности подачи императору ходатайства о распространении на Сибирь реформ, дарованных России Александром II [Там же, № 7, 138].

Редактор неофициальной части «Томских губернских ведомостей» Е. В. Корш подчеркивал, что переход «от старого порядка вещей к новым формам русской государственной жизни» должно осуществлять центральное правительство, чтобы окончательно «слить Сибирь с Россией» в административном, политическом и гражданском смыслах [7, № 48, 984]. В формулировке и практической реализации основных направлений этого слияния, касающихся переселенческих, судебных вопросов и вопроса о ссылке, первенство отдавалось не

сибирскому обществу и местной печати, а министерству юстиции, совещанию «сведующих людей», земским собраниям и губернаторам европейских губерний, т. е. тем государственным учреждениям, в руках которых находились материальные средства и властные рычаги. Корш, оказавшийся в Сибири как уголовный ссыльный, также говорил от имени сибиряков: «внутренние силы нашей окраины», «природные богатства нашей страны», «нужды нашей страны сознаны, постепенно удовлетворяются» [7, № 48, 982–984].

На страницах столичных газеты («Новое время», «Голос», «Московский телеграф») царские телеграммы патетически расценивались как «нечто небывалое в трехсотлетней истории Сибири», как «целая программа реформ». Обсуждалось даже введение временного чрезвычайного управления для Сибири в лице представителя правящей династии. Недостатки и неурядицы в сибирском управлении и судопроизводстве определялись как имеющие частный характер. В сообщениях от научных обществ основная роль в организации колонизации, строительстве оборонительных линий, исследовании природных богатств отводилась государству. При этом для определения Сибири в пространстве вводились новые топонимы — зауральские колонии, восточная окраина, Азиатская Россия. Так, в речи вице-председателя Русского географического общества П. П. Семенова подчеркивалось, что в «течение трехсотлетнего обладания Сибирью, в отношении к заселению ее и водворению в ней культуры и гражданственности, Россия сделала все, что могла». Провидческим можно считать и высказывание Семенова, что Сибирь не может иметь самостоятельного значения, а является лишь «рукавом», соединяющим Европу с 500-миллионным населением Китая [8, № 1, 11].

На страницах «Восточного обозрения» (С.-Петербург), «Сибири» (Иркутск), «Сибирской газеты» (Томск) был представлен другой вариант дальнейшего развития Сибири. Текущая ситуация описывалась преимущественно как неблагоприятная: произвол и злоупотребления администрации, «поголовное невежество», «кругом господствует безгласность и обман» (при этом Сибирь как «новая неразвита страна» могла непосредственно, минуя Россию, сравниваться с Европой и Америкой). В преодолении этой ситуации ведущее место отводилось не администрации, сделавшейся «прогрессивной» по причине лишь сохранения своих привилегий, а местной интеллигенции, которая описывалась в таких терминах, как «друзья народа», «лучшие силы», «оплот против дурных инстинктов», «честные общественные элементы», «достойные руководители» и т. д. Именно они должны способствовать перенесению на Сибирь общерусских преобразований и учреждений, прежде всего гласного суда и земского самоуправления. При этом из-за низкой грамотности городских и сельских обывателей население должно было наделяться правом избирать своими представителями священников, учителей, врачей, которые выскажут «думы и затаенные желания» Сибири, т. е. фактически местное самоуправление должно было оказаться под контролем сибирской интеллигенции. Силами, противостоящими «пробуждению Сибири», являлись представители нарождающейся буржуазии — «хищники, стремящиеся доесть всю Сибирь», «царство кулаков и мироедов», «наезжие спекулянты», описываемые как торжествующие гонители.

Таким образом, в поиске идеальных форм управления для Сибири на местном материале разыгрывалась уже известная в русской публицистике оппозиция интеллигенция — буржуазия. Схематичное представление об общественном благе в сочетании с антибуржуазной риторикой обнаруживает идеи наивного общинного социализма («У Сибири в ее народном и общинном складе есть сокровища, которая она должна хранить не менее, чем сложившиеся общества хранят свои святыни»; «Земледельческая Сибирь есть образец культуры и залог гражданской жизни») и страх перед дальнейшим капиталистическим развитием («Промышленная Сибирь носит характер древнего хищнического хозяйства, в котором господствующую роль играют прииски, мироеды, пауки, спекулянты, здесь вместо промышленных производств процветают склады и кабаки») [1, № 26, 37, 38, 39–40; 2, № 1]. Знакомый дискурс русской литературы, которая, как писал И. А. Бунин в «Окаянных днях», этим запоздалым раскаянием русской интеллигенции «сто лет позорила буквально все классы, то есть “попа”, “обывателя”, мещанина, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного крестьянина, — словом вся и всех, за исключением какого-то “народа”, — “безлошадного”, конечно, — “молодежи” и босяков».

Общими мифологемами в двух образах будущего Сибири можно считать понятия «реформы», «образование» и «молодое сибирское поколение». В действительности все они претерпели серьезные трансформации. Сибирский университет, о котором столько было сказано в местной печати, был открыт в составе только двух факультетов (медицинского, а затем юридического) и выпускники его по-прежнему покидали Сибирь, отправляясь в Европейскую Россию или на свою родину в Туркестанский край. В условиях революции 1917 г., когда появилась реальная возможность участия сибирской интеллигенции в автономном существовании Сибири, выяснилась (как и в случае с Центральной Россией) полная неспособность областных лидеров перейти к действительному управлению: перед угрозой большевистской диктатуры они вынуждены были поддержать А. В. Колчака. Социальная мифология, которой полвека питалось сибирское образованное общество, развеялась, как пыльца, ветром перемен, так и не укоренившись на сибирской почве. Новый образ восточной окраины — «советская Сибирь», «Сибирь социалистическая» в соответствии с произошедшими идеологическими изменениями не нуждался в прежних «разработчиках» и конструировался в том числе на основе дискредитации автономистских устремлений и особенности развития сибирского региона. Победа большевиков в Гражданской войне привела к окончательному утверждению советских изданий в качестве нового официального правительственного проекта. Развиваясь на основах марксистско-ленинской идеологии, советская печать в системе государственного управления воспроизводила и абсолютизировала наиболее жесткие формы коммуникации власть — общество, характерные для предшествовавшего, дореволюционного периода (монополизация печатного слова, жесткая цензура, монологичность, организационное и содержательное огосударствление прессы, ликвидация оппозиционных изданий).

1. Восточное обозрение (СПб.). 1882.
2. Там же. 1883.
3. *Голубев А. В.* Роль местной прессы в становлении региональной идентичности в Олонецкой губернии в середине XIX в. (по материалам «Олонецких губернских ведомостей») // *Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX – начале XX в.* Петрозаводск, 2008.
4. *Гуторова Н. А.* Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.): зарождение, развитие, типология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
5. Дело об отделении Сибири от России / публ. А. Т. Топчия, Р. А. Топчия ; сост. Н. В. Серебренников. Томск, 2002.
6. Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 13.
7. Томские губернские ведомости. 1882.
8. Там же. 1883.
9. *Шурупова Е. Е.* «Губернские ведомости» и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции (на материалах Архангельской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005.
10. *Ядринцев Н. М.* Сибирь перед судом русской литературы // *Томск. губ. ведомости.* 1865. № 9.

Статья поступила в редакцию 15.12.2010 г.

УДК 655(470.5) + 070

А. В. Штолер

РАЗВИТИЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ В 60–80-е гг. XX в.

Раскрываются изменения организационных и экономических основ функционирования издательской системы Урала в результате реформы книгоиздания 1963 г., принципы и приоритеты формирования репертуара местных укрупненных издательств.

Ключевые слова: уральское книгоиздание, Свердловская область, Пермский край, Челябинская область, Средне-Уральское книжное издательство, Пермское книжное издательство, Южно-Уральское книжное издательство

В послевоенное время (до 80-х гг. XX в.) были осуществлены три реорганизации книжного дела, направленные на повышение эффективности его функционирования [5, 3]. Они были вызваны необходимостью преобразования системы управления книжного дела, пострадавшего в период войны, затовариванием книжной продукцией, выпущенной без учета спроса и ограниченных возможностей потенциальных потребителей, противоречиями между экономической и организационной структурами издательского дела, между строгой регламентированностью одной ее части (деятельности издательств) и децентрализованностью, хаотичностью другой (деятельность издающих организаций).

ШТОЛЕР Андрей Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Челябинской государственной академии культуры и искусств (e-mail: shtoler.andrei@yandex.ru).

© Штолер А. В., 2011

В постановлении «Об очередных задачах идеологической работы партии» июньского пленума ЦК КПСС 1963 г. была поставлена задача «реорганизовать сеть центральных и местных издательств, имея ввиду ликвидацию ведомственности и местничества в издании книг, создание крупных специализированных издательств» [16, 17]. Целью заявленной реорганизации издательского дела было создание строго иерархической системы. Централизация системы управления книжным делом посредством создания Государственного комитета Совета министров СССР по печати, а затем соответствующих республиканских госкомитетов (или главных управлений)¹ давала возможность проведения единой отраслевой технической политики, координации выпуска книжной продукции, деятельности издательств, издающих организаций. Региональные структуры, ответственные за деятельность местных издательских, полиграфических, книготорговых предприятий, органов цензуры, были представлены управлениями по печати местных Советов [9, 66].

Первыми действиями Госкомпечати РСФСР по реализации заявленных задач стала реорганизация системы местных издательств [10, 312]. Издательская система формировалась на основе существовавшего экономико-административного районирования: межобластные издательства создавались в областях, где находились Советы народного хозяйства; небольшие местные издательства ликвидировались. В итоге реформы книгоиздания 1963 г. изменилась структура сети местных издательств: на 55 областей РСФСР вместо 54 местных издательств остались всего 17 однотипных укрупненных и 9 областных издательств [11, 42].

Реформа местного книгоиздания, помимо организационно-административных, преследовала и экономические задачи: повышение его рентабельности, рационализация использования материальных и полиграфических ресурсов. Местные издательства, являясь универсальными (по тематике и типам публикуемых изданий), были ориентированы на выпуск массовых изданий по широкому спектру политических, экономических и культурных вопросов. В условиях унификации региональной политики, необходимости пропагандистского обеспечения решений центральных и местных партийных органов подобная тематическая «заданность» предопределяла «параллелизм и дублирование» издательского репертуара.

Ограниченность авторского корпуса, литературного предложения, кадровых и материальных ресурсов, полиграфической базы, с одной стороны, при одновременной необходимости постоянного роста количественных показателей книгоиздания — с другой, приводили к увеличению числа выпускаемых названий за счет сокращения их объема и тиража, игнорированию в тематическом планировании реального покупательского спроса и читательских потребностей. Минимизация тиражей книжной продукции местных издательств объективно была обусловлена территориями обслуживания, в пределах которых она

¹ В Российской Федерации Государственный комитет Совета министров РСФСР по печати был образован в конце 1963 г.

распространялась. Убыточность местного книгоиздания покрывалась за счет государственных дотаций [10, 312].

В результате реформы был обозначен новый приоритет в деятельности местных издательств — выпуск литературы массового спроса большими тиражами, ликвидация убыточных изданий. Это привело, как отмечают специалисты, к изменениям и в структуре потока местных изданий: сократился выпуск малотиражной научной, справочной, учебной, производственной литературы [7, 94].

Кроме того, в ходе реорганизации системы местных издательств не принимались во внимание ни культурные (в том числе и книжные) традиции края, ни национальный состав населения, ни перспективы его развития. Так, в Сибири число издательств сокращается с 15 до 10, вследствие чего на треть уменьшается число выпускаемых книг [11, 14].

Предвидя подобные последствия, специалисты возражали против планов реорганизации издательской системы. Главный редактор Пермского областного издательства Б. Н. Назаровский указывал, что «...создание межобластных издательств и отделений Союза писателей ослабит партийное руководство ими, затруднит выявление молодых литературных сил, превратит писателей, авторов книг многих областей в разрозненных одиночек, а ограничение видов изданий, “доверяемых” тому или иному издательству, пагубно скажется на их экономике» [1, 158].

В результате реформы на Урале ликвидируются 2 издательства: областное в Оренбурге и Коми-Пермяцкое в Кудымкаре (преобразовано в отделение Пермского книжного издательства). К 1965 г. образуется 3 укрупненных книжных издательства: Пермское, Средне-Уральское (Свердловск) и Южно-Уральское (Челябинск). Средне-Уральское издательство обслуживало Свердловскую и Тюменскую области [8]; Южно-Уральское — Челябинскую, Оренбургскую и Курганскую области [19].

С момента проведения реформы книгоиздания выпуск печатной продукции на Урале² резко сокращается и в последующее время уже не достигает дореформенного уровня. Так, если в 1963 г. было выпущено 1349 изданий, то в 1966 г. — 946, в 1970 — 1048, в 1975 — 841, в 1980 — 776, в 1985 г. — 1078.

Наряду с тенденцией к уменьшению выпуска книг и брошюр происходит сокращение объема деятельности укрупненных издательств. В 1966 г. данные структуры выпустили 437 книг и брошюр, что составило 37,1 % от всех выпущенных в регионе изданий, а в 1970 г. — 313 изданий, составивших 29,9 %, в 1985 г. — 253 (23,5 %). При этом сокращение числа изданий местных издательств осуществлялось целенаправленно. А. А. Болотов и Е. И. Коган, анализируя тематические планы Южно-Уральского издательства 1965–1977 гг., отмечают уменьшение числа планируемых изданий за этот период в 2 раза — с 149 в 1965 г. до 75 в 1977 г. [6, 12].

Снижение числа книг, выпускаемых уральскими издательствами, сопровождается увеличением их тиража. Так, средний тираж уральских книг вырос

² За исключением территорий Удмуртии и Башкирии.

к 1966 г. по сравнению с 1961 г. почти в 2 раза (17,4 и 9,6 тыс. экз. соответственно). В 1985 г. данный показатель составил 46 тыс. экз. При этом удельный вес местных издательств в общем тираже книжной продукции Урала увеличился с 65,4 % в 1961 г. до 91,5 % в 1966 г., к 1980 г. составив 95,8 %.

Характеристика деятельности укрупненных издательств предполагает оценку тематико-типологических структур выпуска печатной продукции. Необходимо учитывать, что содержательные и формальные рамки выпуска литературы местными издательствами до конца 90-х гг. XX в. были унифицированы. Как отмечает А. А. Золотов — директор Южно-Уральского издательства, основными задачами издательства являются «выпуск массово-политической литературы, обобщающей опыт работы местных партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, предприятий промышленности, транспорта и строек, колхозов и совхозов с учетом конкретных особенностей экономического района; издание произведений художественной и детской литературы, преимущественно писателей и поэтов, проживающих в крае; переиздание произведений классиков русской и зарубежной литературы и выдающихся произведений советских писателей; выпуск научно-популярной, краеведческой литературы, изобразительной продукции и заказных изданий» [19, 3–4].

Одним из направлений деятельности местных издательств являлся выпуск книжных изданий по заказу, представленных в основном научной, производственной и учебной литературой. Доля заказных изданий в общем потоке книжной продукции уральских издательств в 1971–1975 гг. колебалась от 17,8 % (Средне-Уральское) до 39 % (Южно-Уральское).

Данная ситуация объяснялась ограничением возможностей ведомственного книгоиздания. Нормативные документы Госкомиздата СССР [12, 15] задавали жесткие рамки как видового состава выпускаемых изданий, их тиражей, так и числа учреждений и организаций, обладающих правом издательской деятельности. Кроме того, развитие издательской деятельности учреждений и организаций Урала сдерживало практически полное отсутствие материальных, полиграфических ресурсов, квалифицированных кадров.

Данные обстоятельства определяли рост выпуска в укрупненных книжных издательствах заказных изданий. Во второй половине 60-х — первой половине 70-х гг. они издавали порядка 20–30 названий ежегодно. Преимущественно это были научные, учебные издания, практические руководства по самым различным отраслям знаний и специальностям: сельское хозяйство, промышленность, строительство, транспорт, экономика, техника, медицина, педагогика, история. В издании данной продукции местные издательства активно взаимодействовали с ведущими научными учреждениями, высшими учебными заведениями, промышленными предприятиями, общественными организациями Урала.

Расширение в 1975–1980 гг. ведомственного книгоиздания региона приводит к снижению доли заказных изданий в общем репертуаре уральских издательств примерно до 12 % (10–15 названий в год), с уменьшением в последующее пятилетие до 8,6 %. При этом наблюдается постоянный рост числа изданий различных организаций и учреждений в общем выпуске книжной продукции Урала. Так, по данным государственного библиографического указателя

«Ежегодник книги», в 1984 г. 23 учреждения Урала (12 научных институтов, 11 вузов) выпустили 245 изданий (2 названия — учебные издания, все остальные — научные).

Анализ выпуска литературы уральскими издательствами по основным тематическим разделам свидетельствует, что доминирующее положение в издательском репертуаре занимали издания общественно-политической тематики. В первую очередь, это многочисленные книги и брошюры актуальной тематики, освещающие решение в регионе задач, декларированных КПСС, местными партийными и советскими органами, вопросы партийного руководства на Урале и т. д. Помимо этого местные издательства продолжали тематические направления, сложившиеся в уральском книгоиздании еще в 20-х гг.: Ленин и Урал (кроме традиционных сборников типа «Ленин и... край» необходимо выделить и оригинальное издание Пермского книжного издательства — «Пермская лениниана»); история партийных, комсомольских организаций региона, Октябрьской революции, Гражданской, Великой Отечественной войн и др.

Данные издания, посвященные местной тематике, в своем подавляющем большинстве имели краеведческий характер. Оценивая динамику выпуска общественно-политической литературы, необходимо отметить, что в 1971–1975 гг. она составляет более четверти всех выпущенных издательствами изданий. По целевому назначению подавляющее большинство изданий данного тематического раздела являлись массово-политическими. В общем репертуаре уральских издательств на их долю приходилось 17–20 % названий выпускаемых книг и брошюр. При этом большинство подобных изданий не являлись оригинальными по проблематике, раскрывали во многом частные («местные») моменты истории партийных, комсомольских организаций, Великой Отечественной войны, отдельных территорий, региона в целом, имели описательный характер.

В 1981–1985 гг. доля изданий общественно-политической тематики сокращается до 15 %, что продиктовано целенаправленным стремлением издательств к сокращению числа выпускаемых брошюр, к созданию более объемных и глубоких по содержанию изданий, представленных, как правило, тематическими коллективными сборниками.

Издание естественно-научной, технической и сельскохозяйственной литературы варьировалось в каждом издательстве в зависимости от экономического профиля района. Сельскохозяйственная тематика преобладала в издательском репертуаре Пермского, техническая литература по проблемам промышленного производства — Южно-Уральского издательств. Относительно паритетное соотношение — в Средне-Уральском. При этом данные тематические разделы были представлены в основном производственными изданиями. Выпуск производственно-практической литературы традиционно имел три направления: популяризация знаний (серии «В помощь экономическому образованию трудящихся», «Союз науки и труда» Средне-Уральского издательства); в помощь освоению профессии (серии «Молодому рабочему», «Молодому труженику села» Южно-Уральского издательства); пропаганда и обмен передовым опытом (серии «Трибуна передового опыта», «Реконструкция — путь эффективный»

Средне-Уральского издательства; «Обмен передовым опытом», «Говорят передовики промышленности и строек» Южно-Уральского).

Так, в серии «Обмен передовым опытом» Южно-Уральского издательства было опубликовано более 70 книг (самая объемная — 108 страниц) [20]. Издания этой серии были адресованы специалистам и предназначались, с одной стороны, для обобщения и пропаганды опыта ведущих предприятий, с другой — для распространения и внедрения новых промышленных и сельскохозяйственных технологий.

Производственно-практическая литература, выпускавшаяся уральскими издательствами, так же как и массово-политические издания, зачастую не отличалась оригинальностью тематики, касалась частных вопросов, не могла претендовать на научно обоснованное обобщение передового отраслевого опыта, была посвящена применению общепринятых методов в конкретных местных условиях.

Естественно-научная литература, опубликованная местными издательствами, была преимущественно научно-популярного характера и, как правило, имела краеведческую тематику. О взаимосвязи изданий краеведческой и научно-популярной литературы может свидетельствовать тот факт, что соответствующие редакции в уральских издательствах были объединены в единые. Выпуск краеведческой литературы — традиционное направление деятельности местных издательств. Популярный характер, описательное повествование, небольшие объемы и тиражи, серийность — отличительные черты изданий краеведческой тематики. При этом большинство изданий и серий становились лишь переосмыслением опыта соседних территорий. Так, Южно-Уральское издательство выпускает серии «Города Челябинской области», «Бастионы тяжелой индустрии», «Биография уральской индустрии», «Герои не умирают», Средне-Уральское — «Города нашего края», «Замечательные люди Урала», «Ленинская гвардия Урала», Пермское — «Города Пермской области», «Замечательные люди Прикамья» и др.

Попыткой преодоления недостатков издания краеведческой литературы стала публикация продолжающихся сборников. Южно-Уральское издательство с 1976 по 1990 г. публикует сборник «Рифей». Издание включало материалы по древнейшей и новой истории, истории XX в., истории искусства, культуры, науки и промышленности Урала, уральской топонимике, фольклору, этнографии, о народных промыслах, памятниках истории и природы, выдающихся уроженцах и деятелях края, его современных проблемах, развитии уральского краеведения [3].

Нетрудно заметить, что особенностью деятельности местных издательств является прикладная, практическая направленность их изданий, нацеленных на решение актуальных, конкретных производственных, политических задач. Одной из характерных черт в работе уральских издательств было стремление выпускать общественно-политическую, краеведческую, производственную литературу в сериях. Так, Южно-Уральское издательство в 1971–1980 гг. издавало более 8 серий, Средне-Уральское — свыше 20. Научной литературы издавалось на Урале немного, и в основном — в Свердловске. Кроме того, незначительное

число учебных изданий для общеобразовательных школ, как правило, краеведческого характера, выпускали Пермское и Средне-Уральское издательства. Для производственно-технической, сельскохозяйственной литературы ограничение содержательных рамок изданий границами, спецификой региона диктовалось стремлением избежать дублирования, повысить тиражи, увеличить рентабельность книгоиздания.

Наиболее значительный удельный вес в книжной продукции уральских издательств приходился на издания художественной и детской литературы. Так, если в 1971–1975 гг. их доля по числу изданий составляла в Южно-Уральском издательстве более 27 %, в Средне-Уральском — свыше 37 %, то в 1976–1980 гг. она увеличилась до 40 %. Удельный вес общего тиража этих изданий поднялся за этот период с 75 до 86 % совокупного тиража печатной продукции издательств. При этом большой объем тиража художественной и детской литературы достигался за счет небольшого числа переизданий (около 30 % названий изданий художественной литературы) классических произведений русской, советской и зарубежной литературы. Они выходили тиражами от 100 до 200 тыс. экз. и обеспечивали, таким образом, более 90 % тиража художественной и детской литературы. Именно данная часть книжной продукции местных издательств в условиях неудовлетворенности спроса и тотального книжного дефицита, особенно на периферии, обеспечивала их рентабельность. На нее затрачивались основные материальные и полиграфические ресурсы, что в конечном итоге и приводило, с одной стороны, к сокращению объема выпуска книг и брошюр уральскими издательствами, с другой — к постепенному вымыванию в продукции издательств малотиражной научной, учебной, производственной литературы.

Более 70 % названий в выпуске художественной и детской литературы составляли произведения местных авторов. В конечном итоге уральские издательства превратились в своеобразные творческие лаборатории, во многом влияющие на литературный процесс в регионе и отражающие его в своих изданиях. Каждое из уральских издательств создавало свой авторский коллектив, способствовало становлению творчества уральских писателей. Так, со Средне-Уральским издательством связано творчество А. Бондина, П. Бажова, Л. Сейфуллиной, Б. Ручьева, Н. Попова, А. Салынского, В. Астафьева, В. Очеретина и многих других [17, 2–4]. Пермское книжное издательство публиковало произведения А. Спешилова, Б. Михайлова, К. Рождественской, Б. Ширшова, Л. Правдина, Л. Давыдычева, А. Домнина, И. Байгулова, В. Болотова и др. [13, 8]. Творчество М. Львова, Л. Татьяничевой, Л. Преображенской, А. Гольдберга, Я. Вохменцева, Н. Глебова, В. Кузнецова, М. Гроссмана, М. Аношкина, В. Машковцева, Н. Кондратковской, В. Сорокина, М. Люгарина, Л. Куликова, А. Куницына, Н. Годины, Р. Валеева, С. Власовой и многих других связано с Южно-Уральским издательством.

Число литературно-художественных изданий местных авторов достигало в среднем около 20 названий в год при среднем тираже 15 тыс. экз. При этом зачастую выпуск произведений местных литераторов был заведомо убыточен. Так, в 1968 г. Южно-Уральское издательство вынуждено было уценить более

чем на 40 тыс. руб. нераспроданные экземпляры книг местных писателей, выпущенных издательством и скопившихся на оптовой базе Челябинского областного книготорга. Данное обстоятельство было связано с ошибками в тематическом планировании и определении тиражей выпускаемых изданий.

В немалой степени сложившаяся ситуация была следствием зависимости издательств от местных партийных и советских органов, областных отделений Союза писателей РСФСР. Свидетельство данной зависимости — возражения редакции художественной литературы Южно-Уральского издательства против издания рукописей произведений авторитетных литераторов: ответственного секретаря областного отделения Союза писателей М. Гроссмана, заведующего сектором печати отдела пропаганды и агитации обкома Б. Мещерякова, начальника областного управления печати И. Булатова. Возможно, эта история так и осталась бы внутренним «рабочим моментом» издательской практики, если бы не внимание центральной прессы [4].

Дорогу в большую литературу для молодых писателей Урала открывали серии «Библиотечка короткой повести и рассказа», «Первая книга поэта» и «Первая книга прозаика» Южно-Уральского издательства, «Новинки прозы» Средне-Уральского, литературные альманахи «Каменный пояс», «Рабочее Прикамье», сборник уральских писателей-фантастов «Поиск». Так, Южно-Уральское издательство в 1974–1989 гг. ежегодно издавало альманах «Каменный пояс» писательских организаций Курганской, Оренбургской и Челябинской областей. Как отмечала критик, для этого издания была характерна широта материалов при соблюдении их тематической, жанровой, территориальной общности [18]. На его страницах были опубликованы произведения более 300 южноуральских писателей, поэтов, ученых и журналистов [2].

Именно на примере выпуска данной литературы особенно очевидна социокультурная значимость местных издательств, возможности их воздействия на культурное развитие региона.

Характеризуя в целом картину деятельности уральских издательств, важно отметить, что, несмотря на унифицированность, определенную заданность тематической, видовой структуры выпуска печатной продукции местными издательствами, их деятельность на Урале имела свои специфические черты, определяющие их отличие, своеобразие. Дело в данном случае не только в социокультурных условиях развития экономического района, предопределяющих содержательное наполнение печатной продукции, но и в реализации творческого потенциала уральских издательств, воплощенного в их книгах. Так, Пермское книжное издательство явилось одним из первых в стране создателей книжной миниатюры. На базе Пермской типографии № 2 и типографии издательства «Звезда» им было выпущено более 120 миниатюрных книг [13, 16]. Деятельность Средне-Уральского книжного издательства по изданию художественной литературы была высоко оценена специалистами: знаковым событием для книжного дела Урала стала подготовка и издание 12-томного собрания сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка [14, 99].

1. *Аверина Н. Ф.* История пермской книги. Пермь, 1989.
2. *Астафьева Л. В., Штолер А. В.* Каменный пояс // Челябинск : энцикл. Челябинск, 2001.
3. *Астафьева Л. В., Штолер А. В., Мусеев А. П.* Рифей // Челябинск : энцикл.
4. *Вайнонен Н.* Пускаясь на компромиссы... // Сов. культура. 1964. 13 июня.
5. *Гречишин А. А.* Книжное дело как система. М., 1990. (Изд. дело : обзор. информ. ; вып. 4).
6. *Золотов А. А., Коган Е. И.* Ретроспективный анализ разделов темпланов (из опыта работы ЮУКИ) // Изд. дело : науч.-техн. реф. сб. М., 1979. Вып. 2.
7. *Казаринова Л. Ф.* Книжное дело Сибири и Дальнего Востока. 1963–1990 гг. // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока. 1985–1990 гг. Новосибирск, 1992.
8. Книги Средне-Уральского книжного издательства. 1971–1980. Свердловск, 1981.
9. *Назаров А. И.* Основные этапы развития книгоиздательства в СССР // 400 лет русского книгопечатания 1564–1964. Т. 2 : Книгоиздательство в СССР. 1917–1964. М., 1964.
10. *Орлов В. А.* Российская Федерация // 400 лет русского книгопечатания 1564–1964. Т. 2 : Книгоиздательство в СССР. 1917–1964.
11. Перестройка издательской системы в СССР. М., 1991. Ч. 1 (Изд. дело: обзор. информ. ; вып. 3).
12. Перечень головных организаций министерств, комитетов, ведомств, издающих печатную продукцию, минуя издательства. М., 1983.
13. Пермская книга. 1939–1989. Пермь, 1989.
14. Полвека советского книгоиздания в Свердловске // Календарь-справочник Свердловской области. 1970. Свердловск, 1969.
15. Положение о порядке издания министерствами, комитетами, ведомствами и организациями печатной продукции : утв. приказом Госкомиздата СССР от 26 нояб. 1976 г. № 450 // Сб. нормативных актов Госкомиздата СССР. Ч. 1: Издательская деятельность, кн. 1. М., 1977.
16. Справочник партийного работника. М., 1964. Вып. 5.
17. Уральская книга. 1920–1990: 70 лет Сред.-Урал. кн. изд-ву. Свердловск, 1990.
18. *Эйдинова Э.* На пути к альманаху // Урал. 1976. № 12.
19. Южно-Уральское книжное издательство в девятой и десятой пятилетках. Челябинск, 1981.
20. Южно-Уральское книжное издательство. 1935–2000 : каталог кн. Челябинск, 2000. CD-ROM.

Статья поступила в редакцию 01.04.2011 г.

ПЕДАГОГИКА. ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 81'1 + 81'373 + 37.013.75

Н. А. Дерябина

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Рассматривается ценность языка и речи для социальной манифестации личности в контексте развития языковой личности в образовании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: язык, речь, ценность языка, языковая личность, речевая деструктивность среды, языковой иммунитет.

Язык и речь являются основополагающими понятиями «жизненного мира» человека. Благодаря понятию «жизненный мир» (Lebenswelt), которое впервые встречается у Э. Гуссерля и активно разрабатывается Ю. Хабермасом, мы можем говорить о едином духовном гештальте, создаваемом людьми и для людей. Язык как «субъект культуры», с одной стороны, медиатор, хранитель и транслятор культурной традиции, с другой — показатель идентичности личности, выступает в качестве объединяющего начала между поколениями, соединяя индивидуумы, этнические группы, народы в пространстве коммуникативного дискурса.

У Э. Левинаса «за коммуникацией мыслей, взаимностью диалога скрывается глубинная сущность языка» [6, 129]. Продолжая мысль этого автора, мы подчеркиваем, что «язык является переходом от индивидуального к общему» [Там же, 109], значит, при изучении концепта «язык» непременно совершается переход от субъективных оценочных категорий к пониманию того, что язык является инструментом и следствием социального взаимодействия.

Так проблема развития языковой личности четко обозначается на двух уровнях — личностном и социальном. В педагогике и образовании важно акцентировать именно это двустороннее взаимодействие человека и среды: окружаю-

ДЕРЯБИНА Наталия Алексеевна — преподаватель кафедры иностранных языков Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: tasha_chaser@yahoo.com).

© Дерябина Н. А., 2011

щее пространство и личность связаны между собой посредством языка и речи. В процессе неизбежной социальной интеграции личности создается «повседневный окружающий жизненный мир, в котором все мы обладаем Dasein как сознательные существа» [11, 202]. У Ю. Хабермаса понятие «жизненный мир» приобретает социальные коннотации [Там же, 41]. Он пишет о том, что при высказывании субъекта реализуются три вида контекста — повседневный, социальный, личностный. Значит, язык связан с процессом коммуникации, воспроизводит культуру, участвует в социальной интеграции и задает параметры социализации [Там же, 41–42].

Остановимся на понятии «коммуникация» (лат. *communicatio* — сообщение, разговор; *communicare* — связывать, сообщать, передавать, делать общим), содержание которого изначально нацелено на информационный акт, связанный с действием и взаимодействием. Большой эвристический потенциал коммуникации как феномена всеобщей взаимозависимости людей раскрывается через язык. И мы обращаемся к этому феномену, полагая, что развитие студента как языковой личности, протекающее в современном образовательном пространстве, осложняется утратой традиционной ценности языка и культуры речи, что, в свою очередь, приводит к значительному снижению уровня культуры образованного человека и общества в целом. Язык как сложная семиотическая система, выступая средством коммуникации, связи между поколениями, символом культурного наследия, нравственным ориентиром, непосредственно и опосредованно влияет на развитие личности и общества в целом, отражая его сущностную динамику. Язык через совокупность выполняемых функций обеспечивает целостность всех подструктур человеческой психики. Исследуя развитие языковой личности студентов вуза, мы рассматриваем следующие шесть функций языка как базовые: *экспрессивная* (отражение эмоционального отношения к высказыванию), *апеллятивная* (функция обращенности сообщения на адресата), *когнитивная* (функция передачи информации), *метаязыковая* (функция формирования «кода» высказывания), *фатическая* (контактоустанавливающая функция, которая отвечает за поддержание контакта и успешность диалога), *фасцинативная* (отражение субъективных переживаний в речи).

В образовательном пространстве вуза студенты и преподаватели получают возможность разностороннего личностного и социального развития через реализацию функций языка. Индивид, попадая в среду, благоприятную или неблагоприятную для развития «Я-концепции» (*self-concept* в англоязычных источниках) или самости — «центрального архетипа личности» [14, 150], овладевает представлениями о себе и своей социальной и персональной идентичности. И если формирование, развитие и изменение Я-концепции обусловлено факторами внутреннего и внешнего порядка, то языку как знаковой системе принадлежит ведущая роль. А. А. Реан пишет о том, что обладание языком приводит к возникновению новых возможностей, а именно к формированию творческого мышления и личного ментального пространства [9, 98]. Тогда человек оказывается способным не только воспринимать реальность (что соответствует метаязыковой и когнитивной функции языка), отображать ее (экспрессивная функция), но и манифестировать себя в окружающем пространстве

(фатическая, фасцинативная и апеллятивная функции). Это ориентирует наше исследование процесса развития языковой личности студентов вуза, компетентной в области языка и речи. Остановимся подробнее на ключевом понятии.

Согласно С. Г. Воркачеву, понятие «языковая личность», возникшее в последние десятилетия в антропологической лингвистике, уже заняло в ней центральное место [2]. Более того, дало имя новой научной дисциплине — «лингвистической персоналогии» (В. П. Нерознак). Однако уточним, что термин «языковая личность» начинает активно использоваться в зарубежной психологии в конце 80-х гг. XX в., когда при изучении концептов «мотивация» (motivation) и «формирование личности» (identity development) американские исследователи (Джил Ноэм, Джеймс Марсия, Джон Снэри, Лорен Ли и др.) связывали язык и языковые компетенции индивида с уровнем его духовного развития.

Что касается отечественной антропоцентрической лингвистики, понятие языковой личности как «личности, способной совершать речевые поступки» [1, 59] было введено еще раньше, в 1930 г., В. В. Виноградовым, когда он исследовал интеракцию художественного образа и образа автора. Термин «языковая личность» понимался им в литературоведческом аспекте, и он не дал четкого определения этому понятию, однако подчеркнул: «Языковое творчество личности — следствие выхода его со всех конкретных кругов, которые сужаются, тех коллективных субъектов, формы которых оно в себе носит, творчески их усваивая» [Там же, 60]. Со второй половины 80-х гг. эту проблему на материале русского языка, в частности языка художественных произведений, разрабатывает Ю. Н. Караулов.

Проводя анализ научной литературы, мы встретили различные интерпретации понятия «языковая личность»: «речевая личность» (Г. И. Богин), «коммуникативная личность» (С. А. Сухих, В. В. Зеленская) и др. Также понятие «языковая личность» разрабатывается О. Каменской, Т. А. Толмачевой, В. П. Конечкой, которые сходятся в главном — это личность, существующая в определенной социокультурной среде. Конкретизируем позицию В. П. Конечкой, принимая во внимание, насколько она продуктивна в педагогике и образовании. Для В. П. Конечкой в социологии коммуникации важным является вопрос, в какой степени понятие языковой личности коррелирует с понятием личности как члена социальных структур различных типов. И поскольку языковая личность участвует во всех типах коммуникации, постольку при ее описании необходимо учитывать не только индивидуальные характеристики, но и нормы речевой деятельности той или иной социальной группы. В связи с этим встает вопрос о соотношении «индивидуальной языковой личности» и «коллективной языковой личности», т. е. индивидуальных речевых характеристик и норм социальной среды.

В современных зарубежных исследованиях по педагогике и психологии Д. Майерс, Д. Мацумото, А. Менегетти, А. Вулфолк и другие используют термин «self-concept» («самость», «Я-конструкт», «Я-концепция»). Язык и речь авторы выделяют в качестве посредника между культурой и социальной средой.

Приведенные нами определения языковой личности принадлежат различным областям познания — языкознанию, литературоведению, социологии, и

это свидетельствует о междисциплинарной сущности данного понятия, которое изучается в контексте межкультурной коммуникации. Мы же, подчеркивая необходимость исследования этого понятия в педагогике и образовании, определяем его следующим образом: *языковая личность — субъект общения и деятельности, способный существовать в социокультурном пространстве дискурса, участвовать в его формировании и изменении, а также контролировать поступающую извне информацию*. Развитие языковой личности индивида мы связываем со способностью человека рефлексировать собственное речевое поведение как ответственное (или безответственное), поскольку слово — это *поступок* (М. М. Бахтин). Языковая личность и ее речевая культура в основном формируются в образовательном пространстве школы и вуза. Поэтому считаем важным подчеркнуть психолого-педагогический аспект проблемы, поскольку именно в речи человек «проговаривается» (М. Хайдеггер), т. е. выражает свое отношение к окружающему миру и к себе. В речи проявляются его интеллектуальная культура и духовно-нравственные ориентиры. И здесь уместно сказать о стремительном нарастании источников деструктивности речевой среды. Непосредственно это касается и образовательного пространства вуза, которое отражает нарастание речевых девиаций в виде *инвективы* (позднелат. *investiva* (*oratio*) — бранная речь, от лат. *invehor* — бросаю, нападаю), сквернословия, ненормативной лексики, в том числе сленга, табуированной лексики, все шире используемых в системе социальной коммуникации. Сквернословие как эмоционально насыщенный психологический и социокультурный феномен причиняет психологический вред личности, так как имеет в своей основе обесценивание отношений между людьми, проявляющееся в обесценивании языка. Это позволяет современным исследователям говорить о смене парадигмы общества и личности, которая «позволяет более активно проявляться индивидуальности во всех аспектах, в том числе и в языковом», — пишет В. Г. Костомаров в книге «Языковой вкус эпохи» [5, 49]. Он отмечает, что «литературный стандарт становится менее стандартным» [Там же, 5] и «в языке, как и во всем, изменилась норма дозволенности» [Там же, 69].

В педагогике и образовании мы исходим из понимания ценности как «абстрактного идеала», задающего имплицитную рефлексия отношения личности к окружающему миру (Э. Дюркгейм, В. П. Бранский, Э. Гидденс и др.), и связываем его с непосредственно переживаемым людьми отношением к культуре, отражением индивидуальных потребностей личности в духовно-нравственной манифестации и саморефлексии [10, 6].

Поскольку ценности составляют основу социализации и воспитания личности и современное образование имеет гуманистическую направленность, постольку мы можем говорить о языке как аксиологической категории, обуславливающей педагогический потенциал образовательного процесса в целом и в изучении родного и иностранного языков в частности.

В условиях глобализации и поликультурности возрастает роль коммуникации как возможности манифестации личности в масштабе мирового сообщества, поэтому объективно существующая ценность языка как средства общения не вызывает сомнений. Она стимулирует рост мотивации к изучению языков,

прежде всего иностранных, и тогда встает вопрос о субъектно существующей ценности у обучаемых. Значит, если аксиологическая функция образования связана с актуализацией личных потребностей обучаемых, то мы должны исследовать аксиологический потенциал образовательного пространства вуза и языкового образования в нем. Исходя из определения понятия «потенциал» (лат. *potentia* — скрытая возможность, мощь) как нереализованной способности к улучшению, развитию или достижению желаемых результатов, отнесем к ценности языка приобретение личностью языковых компетенций, что если и реализуется в образовательном пространстве вуза, то частично и пока не столь целенаправленно. И тогда встает истинно педагогическая проблема *антропологической соразмерности* современного образовательного пространства, в котором ценность языка вступает в явное противоречие с все более доминирующей экранной культурой, наступающей на книжную, теснящую ее. И если учесть, что в СМИ (на радио и телевидении, в печатных изданиях, в Интернете) широко распространены речевые девиации в виде инвективы, табуированной лексики, что они встречаются в речи даже образованных людей (к которым мы относим преподавателей и студентов), то можно говорить о проблеме нарастания источников деструктивности среды в целом и речевой — в частности.

Остановимся на одном из ключевых понятий актуализированной нами проблемы — *речевой деструктивности*. Согласно словарному определению, деструкция (лат. *destruction* — разрушение) — это нарушение нормальной структуры, которое может происходить под внешним или внутренним воздействием и может быть направлено вовне, на внешние объекты, или внутрь, на самого себя [8, 208]. Этот термин мы встречаем в работах психологов А. Адлера (понимавшего под деструктивностью «агрессивное влечение»), В. Штекеля (писавшего о «проявления ненависти и наличии внутренней тенденции к смерти»), К.-Г. Юнга (утверждавшего, что либидо содержит в себе силы, направленные как на созидание, так и на разрушение).

Проводя анализ сущности деструктивности, мы обнаружили, что речь идет о критерии антропологической соразмерности (несоразмерности). Поэтому *речевая деструктивность среды* определяется нами как наличие антропологически несоразмерных речевых конструкторов, обусловленных несоответствием экзистенциальных потребностей человека в самоактуализации и самовыражении, затрудняющих развитие языковой личности в целом. Основную же причину обесценивания языка, снижения ценности уровня культуры речи, как мы уже говорили, связываем с обесцениванием человеческих отношений, т. е. относим к экзистенциально- антропологической проблеме. Подчеркнем, что в нашем исследовании речь идет о целенаправленно организованном процессе развития языковой личности в образовательном пространстве вуза. Отмечая явные достоинства современного образования (соответствие количества учебных заведений и специальностей потребностям обучаемых, возможность выбора предметов в образовательной парадигме, доступность разнообразных информационных ресурсов и т. д.), современная педагогика должна определиться и в отношении нарастания источников деструктивности речевой среды, затрудняющих «путь

к языку» (М. Хайдеггер) в процессе самоактуализации в общекультурном и социальном пространстве, принятия языка как аксиологической категории, раскрывающей интеллектуальный, культурный и духовно-нравственный потенциал личности. В условиях динамичных социокультурных трансформаций педагогическая проблема развития языковой личности связана с развитием способности успешно существовать в социокультурном пространстве дискурса, контролировать свое речевое поведение и тем самым противостоять речевой деструктивности среды. Это требует создания адекватной педагогической модели развития языковой личности, предполагающей реализацию педагогического потенциала образовательного пространства вуза при соответствующих педагогических условиях. При этом полагаем, что важно развивать в человеке способность нести ответственность за свое речевое поведение. Для этого необходимо осознавать значимость языка в формировании и изменении «жизненного мира» личности. Так встает педагогическая проблема развития в образовании *языкового иммунитета*, который мы определяем как *способность индивида противостоять речевой деструктивности среды, сохраняя свою идентичность и духовно-нравственную целостность*.

Стремясь донести до студентов вуза эту проблему, мы в качестве дидактического средства на занятиях иностранным языком используем тексты о языке, мышлении, речи в оригинале, на родном, и на иностранном языках. Например, мы использовали фрагменты из произведений Э. Тоффлера, Д. Кристала, Э. Сепира, Р. Адлера, Д. Кэмерон на языке оригинала (английский), которые студенты переводили на русский язык. Безусловно, это трудоемкий процесс, и не все студенты сразу понимают его смысл и назначение, поэтому с недоверием относятся к таким заданиям. К тому же они требуют определенного уровня владения языком — не только английским, но и русским. Однако в ходе обучения мы отмечаем нарастание уровня мотивации студентов к овладению новыми языковыми компетенциями, выраженное в стремлении сделать более адекватный перевод, правильно интерпретировать основные понятия, используемые автором. Вследствие осмысленной работы с текстом студенты смогли не только верно истолковать авторскую модальность, но и отразить в переводе свою субъективную оценку описываемых явлений.

С русского на английский обучаемые переводили тексты таких отечественных авторов, как Н. А. Бердяев, М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, Ф. М. Достоевский, А. Н. Потебня. Для более точного подбора эквивалентных конструкций на английском языке студентам необходимо было вначале самим прийти к пониманию основной интенции автора и прочувствовать каждое используемое слово в тексте. Таким образом, овладевая методом герменевтического анализа, студенты приходят к пониманию сущности концептов «язык», «речь», «культура речи», что помогает рефлексии их речевого поведения.

По нашей оценке, некоторые студенты блестяще справились с таким заданием, как перевод заголовка статьи Р. Адлера «Culture and self-concept»: например, первокурсники-социологи предложили перевести его как «Актуализация личности в культурном пространстве». Второкурсники-математики остановились на таком переводе фразы Э. Тоффлера («Шок будущего»): «Язык,

как, впрочем, и современное искусство, теряет свойство стабильности» (англ. «Language, like art, is increasingly becoming a fad proposition»).

При переводе с русского языка на английский мы столкнулись с тем, что студенты часто бессознательно начинают развивать мысль автора. Так было при переводе утверждения А. Н. Потебни о том, что «язык является необходимым условием мысли» («Мысль и язык»): студент-историк 2-го курса использовал прилагательное 'immanent' (англ. имманентный) — «language is an immanent compulsory reason for a thinking process».

При интерпретации отрывка из произведения «Мышление и речь» Л. С. Выготского («Слово напоминает о своем значении так точно, как пальто знакомого человека напоминает об этом человеке или внешний вид дома напоминает о живущих в нем») студенты философского факультета удачно создали прагматическую адаптацию исходного текста: «The word resembles its meaning exactly the way clothes remind us of some person we know or the way the house exterior resembles its inhabitants».

Наш опыт показывает, что при изучении первоисточников философской, психологической, культурологической, филологической направленности о языке и речи студенты начинают задумываться о своем отношении к языку как универсальному средству коммуникации. Язык осознается как определенная знаковая система (произвольные и условные знаки); социальная речевая деятельность; индивидуальный речевой акт, реализующий языковую способность и языковые знания (Ф. де Соссюр). В результате у студентов изменяются ценностные представления, они учатся противостоять воздействию речевой деструктивности среды.

1. *Виноградов В. В.* О художественной прозе. М. ; Л., 1930.
2. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–72.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейский наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987 С. 36–40.
5. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
6. *Левинас Э.* Избранное: Тотальность и бесконечное. М. ; СПб., 2000.
7. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2002.
8. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1999.
9. *Реан А., Бордовская Н., Розум С.* Психология и педагогика. СПб., 2000.
10. *Сластенин В. А., Чижикова Г. И.* Введение в педагогическую аксиологию. М., 2003. С. 5–7.
11. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.
12. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб., 2006.
13. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
14. *Юнг К.* Аналитическая психология // История зарубежной психология : тексты / под ред. П. Гальперина, А. Ждан. М., 1986.

Статья поступила в редакцию 28.04.2011 г.

УДК 316.61 + 374.3

Т. Б. Загоруля

РАЗВИТИЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Рассматривается необходимость и возможность развития синергетической культуры личности в образовательном пространстве вуза.

Ключевые слова: личность, витагенный опыт, социализация, идентичность, самоактуализация, педагогическая синергетика, синергетическая культура.

В современных нестабильных условиях жизни, когда в качестве доминанты выступают информационно-коммуникационные и нанотехнологии, происходит интеграция научных знаний, становится все более актуальным вопрос о развитии синергетической культуры личности в образовательном пространстве вуза. Это новое понятие является и педагогическим, поскольку педагогика интегрирует знания из разных областей. Для его определения необходимо выяснить значения понятий «синергетика», «культура» и «личность». *Синергетика* (от греч. *sinergia* — сотрудничество, содействие, соучастие) — междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучаются общие закономерности процессов перехода от хаоса к порядку и обратно в открытых нелинейных (природных, социальных и когнитивных) системах — физической, химической, биологической, экологической, социальной, в том числе педагогической [3, 204].

Поскольку предметом нашего исследования является становление и развитие личности в образовательном пространстве вуза, которое может быть охарактеризовано в ключевых понятиях синергетики — хаос и порядок (или беспорядок — порядок), мы будем рассматривать педагогический процесс с точки зрения создания необходимых и достаточных условий, способствующих переходу от хаоса к порядку на основе самоорганизации. К числу этих условий относится такая организация образовательной среды вуза, в которой успешно протекают процессы самоорганизации личности — субъектов образовательного пространства вуза — студента и преподавателя. Что касается самоорганизации, то в отличие от целенаправленной организации, исходящей от внешних факторов, влияющей на личность всех субъектов образовательного процесса, самоорганизация зависит от самой личности обучаемого и обучающего, т. е. студента и преподавателя, достигнутого ими уровня развития культуры в этом процессе. Поэтому мы говорим о синергетической культуре личности и ее развитии в образовательном пространстве вуза. Для определения этого ключевого понятия как педагогического мы обратимся к понятию «культура».

ЗАГОРУЛЯ Татьяна Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Уральского технического института связи и информатики ГОУ ВПО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (филиал), Екатеринбург (e-mail: tatbor.07@mail.ru).

© Загоруля Т. Б., 2011

Культура (от лат. — возделывание, воспитание, образование, развитие) — исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [2, 669]. Такому определению данного понятия мы будем следовать в поисках сущности и содержания понятия «синергетическая культура личности».

Подчеркнем, приведенное определение культуры ориентирует наш поиск на понимание взаимосвязи и взаимозависимости культуры общества и культуры личности в определенном хронотопе (М. М. Бахтин). Поскольку наш поиск направлен на выявление сущности и содержания синергетической культуры студентов и преподавателей, живущих и взаимодействующих в динамично меняющихся условиях XXI в., когда нестабильность личности и общества усиливается, то и образовательный процесс в вузе мы воспринимаем как неравновесную систему, в которой приоритетной является личность. Мы должны будем принять во внимание и саму динамику личности, и динамику ее синергетической культуры. Это уже расценивается современным научным сообществом как парадигма образования нового века. Значит, со всей остротой встает вопрос о необходимости освоения новой образовательной парадигмы как личностно-ориентированной (личностно-центрированной, уточняем мы вслед за К. Роджерсом), гуманистической по своему духу и назначению. В этом контексте становится актуальным вопрос о профессиональной педагогической компетентности и овладении соответствующими компетенциями, среди которых важнейшей является *культуровосприимчивость личности*.

Далее остановимся на понятии «личность». Кратко оно определяется как «человеческий индивид в аспекте его социальных качеств, формирующихся в процессе исторических, конкретных видов деятельности и общественных отношений» [7, 289]. Несмотря на то что природную основу личности образуют ее биологические особенности, все же ее сущностным основанием, определяющими факторами развития являются социально значимые качества. Это взгляды, способности, потребности, интересы, моральные убеждения. Философ А. Ф. Лосев определяет личность как «единственность и неповторимость, которая является не только носителем сознания, мышления, чувствования и т. д., но и вообще субъектом, который сам же себя соотносит с собою и сам же себя соотносит со всем окружающим» [4, 277]. Для педагогической теории и практики мы считаем это определение личности сущностным и инструментальным. Контент-анализ этой небольшой цитаты убеждает нас в наличии механизма самоорганизации личности в аспекте ее культуровосприимчивости, добавим, и в гендерном аспекте.

Философские определения личности дают методологические основания для ее исследования в педагогике и андрагогике, в частности, при освещении взаимосвязи развития личности, образования и воспитания. Так как свойство быть личностью связано не только с физическим бытием человека, но и с его общественными качествами, то сущность личности составляет ее социальное качество. Понятие «личность» характеризует общественную сущность человека и

означает совокупность его социальных свойств и качеств, которые вырабатываются в течение жизни. Можно сказать, что личность — это задание на всю жизнь. Велика в этом роль системы образования, которое может и должно развивать задатки человека, чтобы на их основе формировать полноценные качества и способности к различным видам деятельности и общению. Вузовское образование призвано развивать заложенные в детстве волевые, деловые, характерологические, коммуникативные свойства личности через «само» — самоорганизацию, самоконтроль, самоопределение, самоактуализацию, самооценку. Это реально в современном образовательном процессе вуза, который призван, считаем мы, прежде всего, ориентировать в нравственных ценностях, в поиске смысла жизни путем развития рефлексии — выявления отношения к себе, окружающим людям, обществу в целом. Значит, речь идет о формировании синергетического мировидения и миропонимания, что, на наш взгляд, совпадает с концепцией третьего поколения федеральных государственных образовательных стандартов.

Исходя из понимания личности как социальной характеристики человека, мы сосредоточимся на реализации совокупности целей, ценностных ориентаций и установок, которые определяют разную степень соответствия его реального поведения возможностям культуры, свойственным российскому обществу в настоящее время. Если каждое общество создавало условия для развития личности со своим набором качеств, то современное демократизирующееся, гуманизирующееся российское общество открывает невиданные ранее перспективы успешного развития личности в образовательном пространстве вуза, ее синергетической культуры. Поэтому под *синергетической культурой личности* мы понимаем исторически определенный уровень развития личности, ее потенциальных сил и способностей, сознательно реализуемых в организации жизни, деятельности и общения на основе совокупности осознаваемых целей, ценностных ориентаций, поведения, способствующих самоорганизации и самоактуализации в социуме и мире в целом.

Личностное развитие «ассоциативно напоминает сравнение нервной системы с воронкой (Шеррингтон), обращенной широким открытым отверстием к миру и узким отверстием к действию. Мир вливается в человека через широкое отверстие воронки тысячу зовов, влечений, раздражений, ничтожная часть их осуществляется и как бы вытекает наружу через узкое отверстие. Оставшаяся, неосуществленная жизнь (мир возможностей) и составляет контур формы личности», — пишет А. В. Толстых [6, 126–127]. Жизненный опыт личности представляет собой реальное пространство ее развития.

Уточним, что в задачу нашего исследования проблемы развития синергетической культуры личности (с учетом различных возрастных и гендерных особенностей обучаемых — студенты, аспиранты и преподаватели) входило рассмотрение ее возрастных особенностей в разные периоды: студенты вуза, 16–20-летние; аспиранты, 21–26-летние. Поскольку в нашем исследовании речь идет о студентах и преподавателях вуза, которые в соответствии с возрастной периодизацией относятся к категории «взрослые люди» (т. е. после 18 лет), постольку мы будем рассматривать взаимосвязь и взаимозависимость педагогики

и андрагогики, и преподавателей не столько педагогов, сколько андрагогов, а их компетентность — как андрагогическую. Не имея возможности в рамках данной статьи подробно остановиться на характеристике, с одной стороны, огромных возможностей для полноценного физического, психического, социального развития личности, а с другой стороны — на увеличивающихся в современных условиях факторах деструктивности личности, даже ее деградации, скажем, что их совокупность ставит проблему — как преодолеть хаос и прийти к порядку. Значит, речь идет о синергетической культуре.

К возрастному периоду юности можно отнести студентов и аспирантов, молодых преподавателей. Это важнейший в физическом и психосоциальном развитии личности человека период. Уже взрослые люди, юноши и девушки активно включаются в жизнь общества, социализируются, формируют свою идентичность и с разным успехом осваивают различные социальные роли. При этом главной для большинства остается учебная деятельность, если речь идет об очной форме обучения, и трудовая — если о заочной форме. Задача каждого преподавателя состоит в том, чтобы способствовать развитию синергетической культуры личности через свободное самоопределение, саморазвитие, самореализацию.

Изучая научную литературу, мы не встретили специальных работ, но идеи развития синергетической культуры личности имплицитно обнаруживаются у некоторых авторов, в частности, по нашей оценке, более всего в концепции Э. Эриксона. Индивид, обретая свою идентичность, фактически отказывается от многообразия возможных путей своего развития и самоопределения во имя единственного пути, который он реализует. Э. Эриксон ввел понятие идентичности, обозначающее освоенный и принимаемый личностью образ себя во всем богатстве отношений к окружающему миру. Это чувство адекватности и стабильности владения личностью собственным «я», независимо от изменений «я» и изменения ситуации. Это способность личности к преодолению «хаоса» и достижению «порядка» на основе решения задач, возникающих на каждом этапе возрастного и социального развития. Поскольку идентичность — это показатель зрелой (взрослой) личности, постольку, полагаем мы, ее развитие в контексте социализации личности является целью и смыслом образовательного процесса вуза.

Становление идентичности Эриксон описывает как развивающуюся конфигурацию, которая постепенно складывается еще в детстве путем последовательных «я»-синтезов. Это конфигурация, в которой интегрируется конституционная предрасположенность, особенности либидных потребностей, предпочитаемые способности, важные идентификации, действенные защитные механизмы, успешные сублимации и осуществляющиеся роли. Э. Эриксон выделил 8 стадий развития идентичности, на каждой из которых человек делает осознанный или неосознанный выбор между двумя фазами решения возрастных и ситуативных схем развития. Характер выбора сказывается на всей последующей жизни в плане ее успешности или неуспешности.

Предметом нашего исследования является 5-я стадия (11–20 лет) — ключевая, по определению психологов, для приобретения чувства идентичности. В это время подросток еще колеблется между положительным полюсом идентифи-

кации «я» и отрицательным полюсом путаницы ролей, он уже не ребенок, но еще не взрослый. И перед подростком стоит задача объединения всего, что он знает о себе самом как сыне/дочери, студенте, спортсмене, друге и т. д. Все это ему предстоит объединить в единое целое, осмыслить, связать с прошлым и спроецировать на будущее. При удачном протекании кризиса подросткового возраста у юношей и девушек формируется чувство идентичности, при неблагоприятном — *диффузная идентичность*, сопряженная с мучительными сомнениями относительно себя, своего места в группе, в обществе, с неясностью жизненной перспективы. Э. Эриксон ввел еще одно важное для психологии, педагогики и социологии понятие — «психический мораторий», обозначающее кризисный период между юностью и взрослостью, в течение которого происходят многомерные сложные процессы обретения взрослой идентичности и нового отношения к миру. Не стоит подчеркивать актуальность этих идей психолога для педагогики и андрагогики — они очевидны и нацеливают на разработку методологии, теории и соответствующей практики. Мы видим их созвучность проблеме синергетической культуры личности, в них находим методологическое обоснование и возможность разработки инструментария исследования студентов.

Остановимся на результатах пилотного исследования, проведенного нами среди 16–20-летних студентов колледжа и Уральского технического института связи и информатики (УрТИСИ) ГОУ ВПО «СибГУТИ» (филиал) (81 чел., из них — 39 девушек и 42 юноши). Студентам предлагалось написать эссе «8 способов самоактуализации» на основе идей А. Маслоу [5, 284]. Идея самоактуализации личности Маслоу, по нашей оценке, близка идее идентичности личности Эриксона и синергетической концепции, направленной на реализацию потенциальных сущностных сил человека. Она может осуществляться стихийно, и тогда многократно увеличивается опасность стагнации и даже деградации личности любого пола и возраста. Целенаправленный же образовательный процесс способствует преодолению «хаоса» на основе достигаемого «порядка». У Маслоу это, на наш взгляд, достигается путем восхождения личности от витальных потребностей к самоактуализации в созидательном, духовном, нравственном. Данный путь всегда был трудным и противоречивым, но особенно это проявляется в настоящее время, когда в жизни, культуре и образовании наряду с факторами, содействующими синергии физического, психического и социального развития, стремительно нарастают факторы ее разрушения, деформации. Поэтому, проводя свое исследование, мы придаем большое значение исходному этапу и связанным с ним результатам диагностики уровня актуального развития синергетической культуры студентов как субъектов образовательного процесса в вузе.

Результаты опроса показали, что развитие самоактуализирующейся личности студентов происходит сравнительно успешно. 78 % респондентов отметили, что им в жизни приходилось выбирать много раз, и они сделали выбор в пользу личностного роста; 2 % — еще не сделали подобного выбора; 2 % — затруднились ответить; 1 % — считают, что им в выборе «Бог помог».

О развитии рефлексии, на наш взгляд, свидетельствуют и ответы студентов на вопрос, спрашивают ли они с себя за свои поступки, за свой выбор.

Оказалось, что 59 % респондентов осуществляют самоанализ; 10 % — делают это иногда; 12 % — не задумываются об этом.

Кроме студентов 16–20 лет, нас интересовала и другая возрастная группа обучаемых — 21–25 лет. По Э. Эриксону, это 6-я стадия, которая знаменует переход к решению уже собственно взрослых задач на базе сформировавшейся психосоциальной идентичности. Молодые люди вступают в дружеские отношения, в брак, появляется или нет генеративная ответственность девушек и юношей. Решается глобальный вопрос о принципиальном выборе между установлением дружеских и семейных связей, перспективой воспитания нового поколения или изоляцией, что связано со спутанной идентичностью и другими проблемами в личностном развитии.

Нами были получены результаты пилотного исследования среди 21–26-летних аспирантов УрТИСИ ГОУ ВПО «СибГУТИ» (филиал) (14 чел., из них — 3 девушки и 11 юношей). Они также написали эссе «8 способов самоактуализации». Все отметили, что им приходилось выбирать много раз, и они сделали выбор в пользу личностного роста. 79 % респондентов спрашивают с себя за свои поступки, за свой выбор; не делают этого 14 %; спрашивают иногда — 7 %. 2 % респондентов ответили на вопрос — вопросом: «Зачем себя терзать? Не нужно задумываться над тем, как ты поступил». Это подтверждает актуальность проблемы развития рефлексивного аспекта синергетической культуры личности. Мы полагаем, что развитие идентичности, самоактуализации является содержанием синергетической культуры личности.

Психолог А. Маслоу описал человека как «желающее существо», которое редко достигает состояния полного, завершенного удовлетворения: люди почти всегда чего-то желают. И сделал предположение, что «средний человек удовлетворяет свои потребности примерно в следующей степени: 85 % — физиологические, 70 % — безопасность и защита, 50 % — любовь и принадлежность, 40 % — самоуважение и 10 % — самоактуализация» [8, 489]. Вершиной пирамиды потребностей Маслоу является потребность самоактуализации — это желание личности стать тем, кем он может стать. Если личность достигает этого уровня, то реализует свои таланты, дарования, в целом свой личностный потенциал. Понимая педагогическую задачу — содействовать стремлению личности к самосовершенствованию, раннему осознанию себя в разные периоды жизни, преподаватели вуза должны помочь этому на основе педагогики и андрагогики, их взаимосвязи и взаимодополнении.

Возвращаясь к результатам данного эссе, отметим, что из 16–20-летних студентов 39 % часто задумываются о своем предназначении; 13 % — делают это иногда и 13 % — никогда не задумываются. На другой вопрос: «Сделал ли ты открытие себя в буквальном смысле слова, обнаружил ли то, что мешает в этом?» 36 % респондентов ответили «да»; 20 % — «нет»; о частичном «открытии себя» заявили 5 %; затруднились с ответом 2 % респондентов.

Сравнивая эти данные с результатами другой возрастной категории, другим статусом обучаемых, мы обнаружили, что из 21–26-летних аспирантов только 36 % задумываются о своем предназначении; 36 % — делают это иногда и 21 % — не задумываются об этом; затруднились ответить 7 % респондентов. Некоторы-

ми респондентами (14 %) эти вопросы отнесены к «лишним»: «нет смысла над этим задумываться», а если и «задумываюсь, то лишь в минуты апатии и депрессии». Мы полагаем, что постановка столь значимых вопросов в образовательном пространстве вуза, семьи и общества актуализирует проблему социального инфантилизма студентов, аспирантов.

Сделав открытие себя в буквальном смысле слова, обнаружили и то, что мешает этому, 43 % респондентов; не открыли себя — 21 %; частично открыли — 21 %; затруднились ответить — 14 %. Оказалось, что «открытию себя» мешают: «лень», «застенчивость», «черты характера»; «нужен больший жизненный опыт», чтобы задавать себе такие вопросы.

Придавая особое значение в развитии синергетической культуры личности межличностным отношениям (семья, друзья), мы стремились актуализировать витагенный опыт студентов (А. С. Белкин) [1, 17]. Данная категория педагогической антропологии раскрывается автором и его последователями (Н. О. Вербицкая, Н. Г. Свинина) как опыт самопознания, самопонимания, самопроектирования (т. е. в понятиях синергетики), главное предназначение которого — обеспечить «второе рождение» человека, а именно личности. Здесь важны такие факторы, как семья, родительское тепло, взаимное уважение и любовь в семье, доверие друг к другу; частота и интенсивность общения с родителями; семейная дисциплина и семейный статус; допустимая степень самостоятельности, позитивно влияющие на становление синергетической культуры личности; их отсутствие осложняет данный процесс.

Придавая большое значение семье как фактору становления и развития синергетической культуры личности, мы исследовали научную литературу и установили, по крайней мере, три типа отношений в семье, непосредственно и опосредованно влияющих на развитие синергетической культуры личности. Охарактеризуем их.

Первый тип отношений — *сердечные, душевные*, которые способствуют росту уважения к родителям, восхищения ими и стремления стать похожими на них. Дети, подростки, чувствующие по отношению к себе терпимость, заботу, любовь и доверие старших, имеют возможность научиться также относиться к другим. Исследованиями установлено, что родители, предпочитающие воспитывать своих детей с помощью разумных вербальных доводов и советов, оказывают на них более положительное влияние, чем те, кто строго контролирует детей (Э. Берн, В. П. Кащенко, В. П. Петленко, А. В. Петровский, К. Роджерс, В. А. Сухомлинский).

Используя методы, направленные на развитие самооценки, самоуправления, на понимание и внутреннее принятие определенных ценностей и норм, родители добиваются того, что подросток склонен слушать и принимать их. Такой подросток лучше адаптируется к изменениям, обнаруживая самостоятельность в суждениях и поступках, т. е. обладает, на наш взгляд, качествами синергетической культуры.

Второй тип — *отношения нетерпимости и враждебности*. Родители идентифицируют себя с «агрессором», проявляют интолерантность, используют карательные меры и часто не достигают целей, которые ставят. В их числе и

воспитание дисциплины, значит, самоорганизации. Что касается таких качеств личности, как стыд, совесть, умение сотрудничать с окружающими на основе толерантности, то в подобных условиях это осложнено. Например, жесткие наказания, особенно на фоне усиливающихся негативных отношений, ведут к тому, что ребенок, подросток становятся черствыми, категоричными, равнодушными. Они недисциплинированы, требовательны к другим, но не к себе. Таким детям и подросткам сложнее адаптироваться к изменениям, проявлять творческие способности, общаться с людьми.

Третий тип семейных отношений, который характеризуется *непоследовательностью требований*, предъявляемых родителями, создает в семье нестабильную, нервную обстановку и часто приводит к отчуждению, враждебности. Снисходительность, попустительство со стороны родителей и других членов семьи также ведут к трудностям в социализации и идентификации личности, ее самоактуализации, в приобретении опыта обоснованного выбора и умения контролировать себя, отвечать за свои поступки. При отсутствии внешнего регулирования, оказываясь в стихии выбора добра и зла, попав в ситуацию отверженных сверстниками, не имея внутреннего морального стержня, многие подростки испытывают одиночество, дискомфорт, возможно, агрессивны.

Исходя из проведенного нами анализа, мы считаем, что необходима целенаправленная активная ориентация учебного процесса в вузе на нравственное воспитание личности, развитие таких качеств, как справедливость, совесть, честность, милосердие, а также умение контролировать себя, оценивать и анализировать свои поступки, самостоятельно принимать решения. В этом мы видим главный смысл образования и его результат — развитие личности на основе ее синергетической культуры.

Поэтому, ставя задачу выяснить сущность витагенного опыта студентов, мы стремились понять роль, которую играют родители в развитии их синергетической культуры. Для этого провели анкетный опрос 16–20-летних студентов колледжа и УрГИСИ ГОУ ВПО «СибГУТИ» (филиал) (94 чел., из них — 42 девушки и 52 юноши). Остановимся на анализе результатов проведенного опроса. Ответы студентов отразили представления современных молодых людей о достойных родителях. Это «понимающие и доверяющие» — 33 %; «у меня лучшие родители» — 24 %; требовательные и принципиальные — 19 %; «заботливые и внимательные» — 18 %; «родителей не выбирают» — 6 %.

Ответы на вопрос анкеты: «В какой сфере вашей жизни имеет место наибольшая согласованность с матерью, отцом, со сверстниками?» распределились следующим образом:

- 1) вопросы образования согласуют с матерью 62 % респондентов; с отцом — 36 %;
- 2) выбор друзей согласуют с матерью 14 % респондентов; с отцом — 5 %;
- 3) предпочтения в одежде обсуждают с матерью 37 % респондентов; с отцом — 6 %;
- 4) в вопросах секса советуются с матерью 14 % респондентов; с отцом — 3 %.

Полученные нами процентные показатели, во-первых, свидетельствуют о наличии доверительных отношений студентов с их родителями, причем боль-

ше с матерями, чем с отцами, во-вторых, ориентируют образовательный процесс вуза на развитие синергетической культуры личности, в частности, рефлексии собственного жизненного опыта или его дальнейшего успешного развития, а также преодоления негативных последствий для личности.

Что касается другой референтной группы (сверстники), то здесь были получены следующие результаты по названным выше показателям исследования и в той же ранговой последовательности:

- 1) вопросы образования — 24 % респондентов;
- 2) выбор друзей — 45 % респондентов;
- 3) предпочтения в одежде — 51 % респондентов;
- 4) в вопросах секса — 56 % респондентов.

Общий вывод состоит в том, что студенты колледжа и института испытывают потребность в доверительных отношениях с родителями (больше с матерями, чем с отцами), со сверстниками (в большей степени, чем с родителями) и удовлетворяют их в общении с теми и другими. Это касается вопросов образования, выбора друзей, предпочтения в одежде, секса. Данные опроса подтверждают возможность образовательного учреждения развивать синергетическую культуру личности студентов.

Чтобы выяснить влияние жизненного опыта студентов на их мироощущение, мы предложили назвать страхи, которые они испытывают в жизни. Приведем результаты анализа, ранжируя их от наибольшего к меньшему:

- 1) страх потерять близких людей (смерть родителей) — 70 %;
- 2) страх заболеть (СПИД, рак) — 20 %;
- 3) страх стать инвалидом — 20 %;
- 4) страх при поступлении в вуз (колледж) — 19 %;
- 5) страх на 1-м курсе (новые преподаватели, новые однокурсники) — 7 %.

Анализируя полученные результаты, мы опосредованно выявили, что адаптация молодых людей в новых условиях (поступление в вуз (колледж), для некоторых — переезд в другой город) требует повышенного внимания со стороны родителей и преподавателей, в частности, целенаправленной организации образовательного пространства вуза.

Конечно, страх потерять близких людей велик, он может блокировать синергетический потенциал личности. И в эссе 16–20-летних студентов «8 способов самоактуализации» в числе самого яркого переживания 10 % респондентов назвали потерю близких людей. Среди других ответов были: любовь — 5 %; поступление в вуз — 6 %; поступление в колледж — 5 %; сдача ЕГЭ — 5 %; воспоминания из детства — 2 %. На вопрос «Умеешь ли ты прислушиваться к себе, слушать внутренние сигналы?» утвердительный ответ дали 67 %; иногда прислушиваются к себе 16 %; отрицательный ответ дали 2 %; затруднились ответить 1 %. Отмечая большой разброс в ответах о самых «ярких переживаниях» и небольшой процент, связанный с любимым воспоминанием детства, мы обнаруживаем проблему эмоционального развития студентов, которое является составной частью синергетической культуры личности.

Результаты опроса 21–26-летних аспирантов показали, что в числе самых ярких переживаний названо «достижение поставленной цели» — 21 %

респондентов; «изменились жизненные устои» — 14 %; «любовь» — 14 %. Умеют прислушиваться к себе, слушать внутренние сигналы 79 % респондентов; делают это иногда — 21 %. Сравнение результатов по возрастному принципу позволяет говорить о необходимости развивать качества синергетической культуры личности.

Как показал наш опрос, стремление человека к самосовершенствованию, самоопределению, самоорганизации складывается из мотивационного и эмоционального компонентов. Мотивации и эмоции характеризуют различные аспекты одного и того же процесса. Мотивация стимулирует определенные виды поведения и деятельности, главным образом те, которые позволяют добиваться определенных целей, т. е. связана с волей человека. Эмоции относят к субъективным переживаниям, вызванным процессом и результатом достижения цели. Эмоциональный компонент стремления к самосовершенствованию, самоопределению и самоорганизации, по-нашему мнению, заключается в удовлетворенности результатами собственной деятельности. Примечательно, что 21 % аспирантов отметили именно достижение поставленных целей как самое яркое переживание, которое они испытали.

Поскольку социальный оптимизм мы относим к одному из критериев и одной из предпосылок развития синергетической культуры личности, постольку стремились выяснить, насколько оптимистичны взгляды студентов в целом. Для этого предложили ответить на глобальный вопрос: «Улучшится или ухудшится, с вашей точки зрения, положение дел на планете в ближайшее 10-летие?» Получены такие результаты: ухудшится — 46 %, улучшится — 36 %. Что касается личной жизни, то 84 % верят, что их жизнь улучшится, 10 % — не знают и 2 % — ухудшится.

Сравнение далекого «глобального» и близкого «личностного» говорит о том, что респонденты больше ориентируются на личностные достижения. Пессимизм в отношении будущего планеты сочетается с оптимизмом в отношении личной жизни. Поскольку наше время в значительной степени наполнено конфликтами, враждой, террором, интолерантностью, противостоянием на всех уровнях, постольку развитие синергетической культуры личности, полагаем мы, позволит моделировать собственный путь развития в контексте развития мира средствами самоорганизации.

Остановимся на теоретико-методологическом основании развития синергетической культуры личности в образовательном пространстве. Прежде всего, оно осуществимо в открытом обществе, каким является современное российское общество. С позиций синергетики личность в открытом обществе рассматривается как открытая возможность, реализующая множество вариантов развития. Развитие в педагогической синергетике понимается как самоактуализация имеющихся потенциальных возможностей процесса и способностей личности. Методология синергетики исходит из признания внутреннего механизма самоорганизации, поэтому востребована современной образовательной парадигмой. Как показывает наше исследование, развитие синергетической культуры личности в вузе необходимо и возможно, поскольку самоорганизация свойственна образовательному пространству, присуща ему в силу его неравновесности, не-

стабильности. Его развитие происходит через преодоление противоречий, несоответствий («порядок через флуктуации» — И. Пригожин), и если не навязывать чуждое, даже враждебное личности, то на путях со-действия она будет эффективнее самоактуализироваться, идентифицироваться, станет способной самостоятельно осуществлять выбор между «хаосом» и «порядком», лучше преодолевать точки бифуркации, прогнозировать будущее, значит, быть более успешной и продуктивной в образовании и в жизни в целом.

1. Белкин А. С., Свицина Н. Г. Витagenный опыт и витagenный принцип — категории педагогической антропологии // Пед. образование. 2007. № 1. С. 15–25.
2. Большой энциклопедический словарь. М. ; СПб., 1993.
3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М., 2010.
4. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1989.
5. Маслоу А. Психология бытия. Москва ; Киев, 1997.
6. Толстых А. В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб., 2000.
7. Философский словарь. М., 2001.
8. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.

Статья поступила в редакцию 06.04.2011 г.

УДК 371.214.1(57)

П. В. Павленко

ГЕНЕЗИС НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XIX — НАЧАЛО XXI в.)

Рассматриваются этапы генезиса непрерывного педагогического образования через критерии количественных и качественных изменений в системе подготовки педагогов и их соответствия образовательной парадигме.

К л ю ч е в ы е с л о в а: генезис, педагогическое образование, непрерывное педагогическое образование, система среднего образования Западной Сибири.

Анализ исторического развития наиболее важных педагогических проблем актуален с позиции преимущества для современной теории и практики воспитания и обучения, осуществляемой в значительно изменившихся социальных, культурных, политических, экономических и идеологических условиях.

Открытость российского общества, обусловленная его демократизацией и гуманизацией, непосредственно отражается на развитии всей системы образования,

ПАВЛЕНКО Павел Васильевич — учитель истории лицея им. Г. Ф. Атякшева, Югорск (e-mail: PashaPavlenko@yandex.ru).

© Павленко П. В., 2011

так же открытого и в своих ориентациях на международные стандарты. Это многократно усиливает значимость опережающей функции образования на всех его уровнях, в том числе в средней школе. Общее среднее образование, развиваясь как компонент системы непрерывного образования, призвано удовлетворять соответствующие потребности и запросы личности и общества. Поэтому достижение высокого качества обучения и воспитания обеспечивается, прежде всего, активно реализуемой способностью преподавателей к непрерывному личностному и профессиональному росту на протяжении всей жизни. В настоящее время это стало осознаться региональной системой непрерывного профессионально-педагогического образования, что находит отражение в нарастающей заинтересованности исследователей к данной проблематике.

Предметом нашего исследования является генезис непрерывного педагогического образования в Западной Сибири с момента зарождения в XIX в. до современного состояния на начало XXI в. Согласно нашей гипотезе, генезис образования пронизывает идея подготовки педагогов для средней школы как подготовки «на всю жизнь». Это качественная характеристика всех этапов системы образования, имеющая и количественные показатели (количество средних учебных заведений, количество учащихся и педагогов, менеджеров в системе образования, количество изучаемых в школе дисциплин, используемых учебных программ и учебников), что обуславливало значимые изменения в системе подготовки педагогов. Однако современный этап развития регионального педагогического образования существенно отличается тем, что оно строится по формуле не «на всю жизнь», а «через всю жизнь».

Заметим, что феномен непрерывного педагогического образования, известный и ранее, теперь рассматривается в контексте освоения новой образовательной парадигмы, гуманистически ориентированной, реализуемой в модели личностно-развивающего образования. Поэтому также не новое для педагогики понятие «гуманистическая педагогическая система» раскрывается на иной методологической основе и обогащается новым содержанием и технологиями. Это обусловлено сменой типа цивилизации — на смену индустриальной пришла постиндустриальная (Э. Тоффлер). Ее еще называют информационной или, точнее, информационно-коммуникационной, что существенным образом меняет ситуацию обучения и воспитания не только подрастающих поколений, но и взрослых, в числе которых и педагоги. Профессиональное педагогическое образование ориентировано на взрослых, значит, следует говорить о необходимости реализации андрагогической модели [1]. Изменение типа цивилизации связано с широким распространением информации, наличием возможности (как у учителя, так и у ученика) самостоятельно ее добывать из разнообразных печатных и электронных источников, более того, и самостоятельно, творчески использовать. В данной ситуации речь идет о непрерывном образовании «через всю жизнь». Значит, подготовка педагога на уровне современной образовательной парадигмы должна включать целостную, многоэтапную и многопрофильную социализацию личности учителя через избранную профессию. Непрерывное педагогическое образование «через всю жизнь» призвано обеспечивать полноценную самореализацию личности в профессии и жизни. В этом новизна,

теоретическая и практическая значимость нашего исследования генезиса непрерывного педагогического образования в контексте развития системы среднего образования в Западной Сибири (XIX — начало XXI в.). Согласно нашей гипотезе, оно строилось на иных теоретико-методологических основаниях и протекало в основном в репродуктивных технологиях, ограничивающих креативное развитие личности учителя. Но все же творчески работающие учителя были всегда, в том числе и в нашем регионе, что обусловлено больше ситуацией «вопреки», чем «благодаря». Это подтверждено результатами нашего исследования.

Разностороннее развитие учителя, его интеллектуальное и духовное становление всегда было непременной составляющей полноценной профессиональной подготовки. Проблему периодизации развития образования Западной Сибири в разное время затрагивали Н. С. Юрцовский, А. Н. Копылов, В. Л. Соскин, Ю. П. Прибыльский, В. Н. Гончаров. Остановимся на выделенных нами этапах генезиса непрерывного педагогического образования в контексте развития системы среднего образования в Западной Сибири в XIX — начале XXI в.

1-й период. *Становление системы среднего образования в Западной Сибири (1802–1850-е гг.).* Проведенный нами анализ источников за этот период убеждает в процессе становления системы среднего образования в нашем регионе. Однако это не означает, что ему не предшествовала история распространения образования в Западной Сибири. Мы же утверждаем, что становление системы среднего образования происходит именно в первой половине XIX в., что было связано с государственным подходом к решению данной проблемы. В этом убеждает анализ многих фактов. Так, 8 сентября 1802 г. в России были учреждены 8 министерств, в их числе Министерство народного просвещения. На основании «Устава учебных заведений, подведомых университетам» (1804), который утверждал принцип преемственности, в стране была создана стройная система образования. Были приняты решения об открытии *приходских, уездных, губернских училищ* или *гимназий* и *университетов*. Преподавателями гимназий должны были стать выпускники педагогических институтов. Подобный институт в Сибири был открыт только в 1902 г., поэтому до начала XX в. подготовка педагогов проходила вне Сибири, в тех городах, где были университеты. Первая средняя школа Западной Сибири — Тобольская гимназия — была преобразована в таковую только 12 марта 1810 г. из Главного народного училища. В 1807 г. из столичного педагогического института в Тобольск направляются студенты первого выпуска — Иван Менделеев и Семен Горстовский, первый из них учителем философии, изящных наук и политической экономики, второй — естественной истории, коммерческих наук и технологии [2, 46–48]. Отец великого химика вскоре был назначен директором Тобольской гимназии, он обучал П. П. Ершова, который впоследствии также стал педагогом этой гимназии.

Решение об открытии в 1818 г. Томской гимназии было претворено в жизнь только в 1838 г. Средним профессиональным учебным заведением являлась Тобольская духовная семинария. Никаких других преобразований в этой сфере до середины XIX в. не проводилось. Незначительное увеличение числа школ

в Западной Сибири было обусловлено низкими образовательными потребностями региона. Для работы в государственных учреждениях хватало навыков письма и счета.

Знания педагогов были главным источником познания для учащихся, их педагогам хватало на всю последующую профессиональную деятельность. При этом часть учителей гимназий оканчивали лишь семинарию или гимназию. О качестве педагогической деятельности можно судить по воспоминаниям обучающихся, например, гимназиста 1840-х гг. Н. М. Ядринцева: «Учителя Томской гимназии садили учеников на окно караулить инспектора, а сами уходили пить водку и завтракать в сторожку» [13, 2]. Но были и исключения: так, инспектор Тобольской гимназии молодой преподаватель М. И. Доброхотов «в глазах учеников был выше даже самого знаменитого Ершова... Михаил Иванович... сумел более, нежели Ершов, сделать свой предмет (историю) интересным» [2, 87].

2-й период. *Возникновение новых типов средних учебных заведений, а также общественно-педагогического движения (1860–1890-е гг.).* В это пореформенное время передовые преподаватели средних учебных заведений, не ограничиваясь педагогической деятельностью, принимают участие в общественной жизни Западной Сибири. С их помощью в начале 1860-х гг. открываются воскресные школы и первые публичные библиотеки. Сибирские педагоги, такие как К. Ельницкий, педагог Омской женской гимназии, Ф. В. Рудаков, директор Тобольской гимназии, проводят первые открытые педагогические советы, учительские съезды, которые, однако, не сразу находят поддержку в среде столичных педагогов [4, 5, 6].

Оживление педагогического движения в предреформенное время и особенно в пореформенные годы привело к возникновению и развитию женского образования в Западной Сибири. В ряде уездных и губернских городов Сибири в 1859–1863 гг. создаются кружки чиновников, духовенства и купцов, которые при благожелательном отношении высшей губернской администрации приступают к учреждению женских училищ. По ходатайствам городских дум и благодаря выделению значительных средств с их стороны возникают реальные училища в Томске (1877) и Тюмени (1879).

Подготовкой собственных педагогических кадров в Западной Сибири с 1872 г. стало заниматься среднее профессиональное заведение — Омская учительская семинария. Специально-педагогический характер имели также 8-е классы женских гимназий и дополнительные классы женских епархиальных училищ.

К концу XIX в. общественно-педагогическое движение существенно расширило сферу своего влияния, укрепляя свои институты (педагогические общества, комитеты и общества грамотности, педагогические съезды и съезды по народному образованию, педагогическую журналистику и т. д.), обогащая формы и направления воздействия на школьное дело и педагогическую мысль.

3-й период. *Значительный рост среднего образования и дальнейшее развитие системы среднего педагогического образования (1900–1920-е гг.).*

Значительный рост среднего и специального образования в Западной Сибири начался после постройки Транссиба. Развитие капиталистических отно-

шений требовало образованных специалистов, что, в свою очередь, привело к значительному росту числа учителей. В начале XX в. открываются учительские семинарии в Семипалатинске (1903), Павловске (1906), Тобольске (1914), Барнауле (1915), Акмолинске (1916) и Бийске (1917). Первая женская учительская семинария появилась в Ялutorовске (1910). Данный тип учебных заведений был рассчитан на подготовку педагогов для начальных и неполных средних школ. Учительские институты, открытые в Томске (1902), Омске (1912) и Тобольске (1916), также были средними профессиональными учебными заведениями. Закон от 17 июня 1917 г. предполагал постепенный процесс преобразования учительских институтов в высшие учебные заведения.

Таким образом, до начала XX в. подготовка педагогических кадров средних учебных заведений, как правило, осуществлялась в вузах Европейской России. Некоторое количество преподавателей давал открытый в 1888 г. первый в Сибири Томский университет. В Томске же в 1900 г. открывается Технологический институт, а в 1910 г. — высшие женские курсы при университете. Перед поступлением на работу в гимназии и реальные училища их выпускники проходили курсовую педагогическую подготовку. В регионе продолжали пользоваться спросом в качестве педагогов выпускники духовных семинарий и других типов средних школ, сдавшие испытания и получившие право на педагогическую деятельность.

События революции 1917 г., Гражданской войны и последующих за ней массовых крестьянских волнений негативно сказались на системе образования и подготовки учителей. Многие учебные заведения были закрыты. Процесс советизации образования развернулся в Западной Сибири почти на год позднее, после освобождения от колчаковцев. Фактически заново начинает создаваться система педагогических учебных заведений, включающая различного рода педагогические курсы, педагогические техникумы, институты народного образования и педагогические институты, нацеленные на подготовку учителей по отдельным учебным предметам для старших классов средней школы [7, 447]. Но, по мнению М. П. Широковой, «опыт, накопленный в дореволюционный период учительскими институтами, семинариями, курсами, активно использовался впоследствии новыми учебными заведениями педагогического профиля» [11, 8].

Несмотря на радикальное изменение мировоззрения и идеологии, полностью отказаться от дореволюционных достижений в этой области новая система образования не смогла. Она брала за основу уже сложившиеся институты, меняя названия и содержание учебных программ. Например, в июне 1920 г. Сибнаробраз утвердил положение о преобразовании Омского учительского института и учительской семинарии в единое высшее педагогическое учебное заведение — институт народного образования [8].

Коренная перестройка отечественной школы в советском духе в 1920-е гг. и курс на ликвидацию безграмотности требовали срочно подготовить сотни специалистов. Осенью 1920 г. во всех западносибирских школах I и II ступеней (соответственно начальных и средних) имелось 7244 учителя, недоставало, по подсчетам Сибоно, 17 тыс. педагогов [12, 85]. С 1921 г. во многих уездах на

базе бывших учительских семинарий стали открываться педагогические техникумы с 4-летним сроком обучения (в Барнауле, Бийске, Тобольске и других городах). С 1922 г. Омский политехникум начинает готовить учителей и агрономов. В Каинске Новониколаевской губернии действовала двухгодичная педагогическая школа. Несмотря на экономические трудности, именно в это время в Западной Сибири наблюдается всплеск педагогического движения, ядром которого служило краеведение. Советское правительство, озабоченное другими важными вопросами, в 1920-е гг. еще не пресекало те или иные педагогические искания, начатые в начале XX в. В 1923–1937 гг. Сиббюро при непосредственной помощи со стороны Сиббюро ЦК РКП(б) издает «Сибирский педагогический журнал» (позже называвшийся «Просвещение Сибири», «Просвещение Западной Сибири»).

Однако, несмотря на видимые успехи, в 1920-е гг. школам катастрофически не хватало педагогов с университетским образованием.

4-й период. *Переход к обязательному среднему образованию и появление высшего педагогического образования (1930–1950-е гг.).*

Курс на «построение социализма в одной, отдельно взятой стране» заложил основы советского образования, реализующего авторитарную педагогическую парадигму. Образование непосредственно связывалось с началом промышленного освоения юга Западной Сибири, выполнением планов второй пятилетки, что вылилось в унификацию советской школы начала 1930-х гг., реализацию всеобщего семилетнего образования. Столь сложные задачи потребовали решения кадрового вопроса. За один учебный год (1930/31) были открыты 12 новых средних педагогических учебных заведений, также открывались вечерние отделения при педагогических техникумах. Ориентированные на обучение специалистов для начальных школ эти учебные заведения постепенно (к 1950–1960-м гг.) повышали свой статус.

Собственно преподавателей для средней школы впервые в Западной Сибири начал готовить в октябре 1930 г. педагогический факультет Томского университета, через год ставший самостоятельным педагогическим институтом. В 1932 г. пединститут открывается в Омске, в 1939 г. — в Тюмени. Ускоренную подготовку преподавателей 5–7-х классов вели созданные в 1933–1939 гг. двухгодичные учительские институты, открытые в Барнауле, Бийске, Омске, Томске, Тюмени. Открываются вечерние и заочные отделения. В помощь учителям-заочникам создаются десятки консультационных пунктов при педучилищах, средних и неполных средних школах. Но даже эти меры не решали вопрос обеспечения средних школ необходимыми кадрами.

В сентябре 1938 г. открывается широкая сеть десятимесячных курсов учителей. В конце 1930-х гг. в регионе начинают работать институты повышения квалификации учителей и руководящих работников народного образования.

Во время Великой Отечественной войны процесс завершения строительства системы среднего образования несколько притормозился, но не был остановлен, в частности, продолжается введение 7-летнего обучения всех детей школьного возраста. По возможности решались вопросы подготовки кадров. Однако ускоренная подготовка и переподготовка кадров достигались уменьше-

нием количества учебных часов и снижением уровня требований к выпускникам.

Тем не менее в начале 1950-х гг., когда в стране встал вопрос о введении 8-летнего всеобуча, Западная Сибирь уже обладала сетью учительских институтов, на базе которых в 1953 г. были открыты педагогические институты в Бийске, Горно-Алтайске, Тобольске, Кургане, Кемерово. Значительно увеличивается численность студентов в педагогических вузах, средние школы села по обеспеченности квалифицированными кадрами приближаются к городским показателям. Одним из главных центров подготовки научно-педагогических кадров для региона стал Новосибирский государственный университет (1959).

5-й период. *Расширение и укрепление сложившейся системы среднего и педагогического образования в условиях неразвитости общественно-педагогического движения (1960–1980-е гг.).*

Значимым событием для данного этапа является решение Правительства (1957) о создании Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске, а также отраслевых академий, в том числе педагогической, и принятие в декабре 1958 г. Верховным Советом СССР Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в СССР». В педагогических институтах Омской, Томской и Тюменской областей создаются новые факультеты, начинается подготовка учителей по 10 новым специальностям, значительно увеличивается прием студентов на первые курсы [3, 230].

Набирающая силу школьная реформа, стремительное развитие науки и техники заставляли партийные, государственные органы, а также органы народного образования искать пути решения кадровых проблем. Выход из данного положения они видели в повышении квалификации работающих педагогов. Были предложены разнообразные формы переподготовки и повышения квалификации учителей: курсы различной продолжительности, годичные курсы с отрывом от работы, семинары и практикумы, посещение курсов лекций в местных вузах, конференции по обмену опытом и др. Особая задача в переподготовке учителей возлагалась на университеты, при которых создавались университеты научных знаний для учителей, и на институты усовершенствования учителей (ИУУ).

Для решения кадровых вопросов в Сибири совершенствуется практика целевого поступления, предполагающая последующую работу выпускников в местных школах. Повышению образовательного уровня учителей способствовала также расширяющаяся сеть вечернего и заочного педагогического образования. Только за 1959–1964 гг. 150 тыс. учителей (24 % от общего числа, не имеющих соответствующей педагогической подготовки) повысили свое образование в вечерних и заочных вузах РСФСР [14, 197].

В начале 1970-х гг. открываются университеты в Омске и Барнауле, в университеты преобразованы Тюменский и Кемеровский пединституты. В середине 1970-х, когда происходил переход на всеобщее среднее образование, стала проводиться аттестация учителей, которая стимулировала повышение их методического уровня и качества работы. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в это время советская школа Западной Сибири достигла максимально

возможных количественных и качественных показателей, а число выпускников педагогических факультетов различных вузов значительно превосходило число выпускников других профессий.

Хотя сложившаяся система среднего образования и проблема подготовки и переподготовки педагогических кадров в Западной Сибири в целом справлялась с решением поставленных перед ней государством задач, наметились застойные явления. О них заговорили на государственном, и тем более профессиональном, уровне далеко не сразу. Опережающая функция образования (о значимости которой мы говорили в начале статьи) игнорировалась, что вело к сдерживанию системы в целом и самым негативным образом сказывалось на жизни страны, воспитании подрастающего поколения. Педагоги-профессионалы еще долго пребывали в уверенности, что советское образование «самое лучшее в мире». Поэтому смена образовательной парадигмы и дидактической модели для многих педагогов средней и высшей школы стала неожиданной. Достаточно сказать о том, что знаковое событие XX в. — «Декларация прав ребенка» (1959) осталась незамеченной. Неразвитая педагогическая рефлексия или ее тенденциозность сдерживали рост профессионализма, усиливали профессиональный педагогический маргинализм (С. А. Минюрова). Это, прежде всего, сказалось на системной и методологической ограниченности кадров. По мнению Н. К. Файзуллиной, исследовавшей учительство Западной Сибири 1950–1960-х гг., ситуация была очень похожа на современную и требовала скорейшего решения на государственном уровне [10].

6-й период. *Дальнейшее развитие среднего образования и начало формирования системы непрерывного педагогического образования в соответствии с новой образовательной парадигмой (1990-е гг. — до настоящего времени).*

Разработанный в 1992 г. и принятый в 1995 г. Государственной думой Российской Федерации Закон «Об образовании» дал возможность субъектам Федерации принять собственные законы об образовании. Это показатель качественных изменений в системе образования и в подготовке для нее специалистов. На территории Западной Сибири возникли новые типы образовательных учебных заведений — учебные центры, школы с углубленным изучением отдельных дисциплин. Возвратились в педагогическую действительность гимназии, лицеи, колледжи. Впервые в отечественном образовании речь шла о стандарте и вариативности. Образовательный стандарт стал основанием таких регулирующих механизмов и оценочных технологий, как государственная аттестация и аккредитация образовательных учреждений.

Ряд педагогических вузов региона (Барнаульский, Новосибирский, Омский, Томский) были реорганизованы в педагогические университеты. Горно-Алтайский пединститут стал классическим университетом. В Барнаульском, Новосибирском, Омском педагогических университетах были открыты диссертационные советы по педагогике и методике обучения, воспитания. Это способствовало поднятию уровня квалификации вузовских специалистов и учителей школ и гимназий, которые начали заниматься исследовательской деятельностью.

Появляются новые элементы в структуре системы среднего образования. Например, уже в 1989 г. в Кемеровском университете был создан Региональ-

ный центр непрерывного образования (РЦНО), включающий центр довузовского образования, собственно университет и центр повышения квалификации и подготовки кадров. Активное взаимодействие специалистов различного профиля с международными государственными и коммерческими организациями, участие студентов в международных образовательных и научных проектах, эффективное внедрение в образовательный процесс информационных технологий международного стандарта — все это реалии сегодняшнего дня.

Разработка и внедрение в образовательный процесс инновационных педагогических технологий требует от каждого преподавателя средней школы и вуза высокого уровня профессиональной компетентности, включающей когнитивную, коммуникативную, социальную, технологическую, информационную компетентность.

Дифференциация и интеграция образовательных учреждений по уровням и профилям образования реализуются через создание университетских образовательных округов или университетских комплексов как современных форм интеграции образовательных учреждений.

Итак, идея непрерывности образования «через всю жизнь» соответствует новой образовательной парадигме, новому педагогическому мышлению, созвучна гуманистически ориентированной, фасилитирующей педагогике своим ценностным отношением к ребенку, подростку, девушке, юноше (нельзя упускать гендерный аспект). Педагогическими средствами поддерживается стремление каждого к раскрытию личностного потенциала, профессиональных возможностей в соответствии с идеалами культуры, нравственности для полноценной самореализации в жизни.

-
1. *Дудина М. Н., Загорюла Т. Б.* Андрагогика и педагогика: проблемы преемственности и взаимосвязи. Екатеринбург, 2008.
 2. *Замахаев С. Н., Цветаев Г. А.* Тобольская губернская гимназия за 100 лет ее существования, 1789–1889 гг., Тобольск, 1889.
 3. *Кузнецов М. С.* Народное образование в городе Томске в 1956–1960-х годах // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960-х годах. М., 1970.
 4. Нововведения в Тобольской гимназии // Воспитание. 1863. Т. 13, № 1.
 5. *Павленко П. В.* Открытые педагогические советы в Тобольской гимназии 1862–1863 гг. // Диалог культур и цивилизаций : тез. III науч. конф. молодых историков Сибири и Урала. Тобольск, 2001. С. 37–39.
 6. *Павленко П. В.* Первые педагогические съезды в Сибири // Тенденции, проблемы и перспективы образования в условиях модернизации : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 37–39.
 7. Педагогическая энциклопедия. М, 1968. Т. 4.
 8. Советская Сибирь. 1920. 28 июня.
 9. Учительские институты // БСЭ. М., 1977. Т. 27. С. 162.
 10. *Файзуллина Н. К.* Учительство Западной Сибири в 50–60-е гг. XX в // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 50. С. 52–59.
 11. *Широкова М. П.* Зарождение и становление профессионально-педагогического образования в Сибири (конец XIX — начало XX века // Вестн. ТГПУ. Сер.: Гуманитар. науки. 2000. Вып. 4 (20). С. 2–9.

12. Школа Западной Сибири за 50 лет Советской власти / под ред. Ф. Ф. Шамахова. Новосибирск, 1970.

13. Ядринцев Н. М. Воспоминания о Томской гимназии // Сибирский сборник. Иркутск, 1888. Вып. 1.

14. Ярушина Л. В. Подготовка педагогических кадров в РСФСР в годы семилетки (1959–1965 гг.) // Культурная революция в СССР, 1917–1965 гг. М., 1967.

Статья поступила в редакцию 01.11.2010 г.

УДК 37.013 + 784(07) + 371.1

Н. Г. Тагильцева

СОВРЕМЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Рассматривается проблема подготовки современного учителя музыки, связанная с формированием у него рефлексии о музыкально-педагогической действительности. Приводятся фрагменты письменных творческих работ-размышлений студентов о музыкально-педагогической действительности: о профессиональных качествах современного учителя музыки, направлениях организационной работы по музыкальному воспитанию в современной школе, инновационных методах обучения школьников музыке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональная подготовка учителей музыки, рефлексия о музыкально-педагогической деятельности, обучение рефлексивным умениям.

Профессиональная подготовка современного учителя музыки тесно связана с той гуманистической парадигмой, которая сегодня повсеместно распространена в образовании, в том числе и художественном. В различных теоретических работах — монографиях, научных статьях, материалах научных докладов повторяется известный тезис В. А. Сухомлинского, используемый Д. Б. Кабалеvским в предисловии к программе по музыке, о том, что музыкальное воспитание является не воспитанием музыканта, а воспитанием человека [3]. В связи с этим в настоящее время в различных учебных программах по музыкальному образованию школьников утверждается приоритет таких видов музыкальной деятельности, которые связаны с восприятием музыкального искусства, которое, в свою очередь, согласно современным концепциям художественного образования детей, определяется как восприятие-размышление.

Процесс восприятия-размышления о музыкальном произведении, о его содержании, оценке, воспитательном значении, роли в музыкальной культуре определенного времени и т. п. включает обращение ребенка к личности композитора, исполнителя, героя и лирического героя музыкального произведения,

ТАГИЛЬЦЕВА Наталия Григорьевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой музыкального образования Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (e-mail: musikant@r66.ru).

© Тагильцева Н. Г., 2011

к тому времени и той эпохе, когда было создано данное произведение. В этом сложном процессе восприятия-размышления немаловажную роль играет рефлексия, способность к которой начинает проявляться у школьников, согласно мнениям психологов, еще на начальной ступени образования [9]. Развитие этой способности является одной из главных задач уроков музыки в общеобразовательной школе, так как именно рефлексия и дает возможность ребенку развиваться духовно [3, 7, 8].

Столь пространное объяснение, касающееся значимости деятельности восприятия-размышления на уроке музыки, появилось в данной работе не случайно. Для того чтобы организовать эту деятельность, учителю музыки необходимо проявлять «личные признаки духовной самостоятельности», отсутствие которой влечет за собой «пассивное самосозерцание и конформистскую позицию» [5, 246]. Иначе говоря, возникает вопрос о необходимости овладения учителем способами размышления о музыкальном искусстве и о собственной музыкально-педагогической деятельности, результатом которой является сформированность у детей способности воспринимать музыку и размышлять о ней. Неготовность современного учителя к такому виду деятельности вызывает закономерный вопрос: каким же образом учитель, не обладая духовной самостоятельностью, будет воспитывать ее у детей?

О развитии духовной самостоятельности в опоре на рефлексивные способности будущих учителей музыки написаны серьезные научные исследования [1, 2, 4, 6]. В них авторы рассматривают идеи формирования у музыкантов-педагогов представлений о личностных качествах, профессиональных музыкальных предпочтениях, ценностных ориентациях и т. д. Получение информации возможно разными способами, среди которых авторами выделяется анализ музыкально-педагогической действительности [4]. На начальном этапе профессиональной вузовской подготовки, реализуемой повседневно на конкретной дисциплине, эффективным является не столько анализ студентом такой действительности, сколько размышление о ней. Данное положение относится к студентам первых и вторых курсов, у которых процесс осуществления анализа любого объекта (профессиональной, художественной, музыкальной действительности) вызывает затруднения.

Составляющие музыкально-педагогической действительности могут быть весьма разнообразными. Это — музыкальные произведения, способы обучения школьников восприятию-размышлению по поводу этих произведений, представления о необходимых профессиональных качествах учителя, которые могут быть включены в личный профессиональный опыт как положительные эталоны, понимание роли и значения профессии «учитель музыки» на современном этапе развития образования и т. д.

В этой статье будут представлены размышления студентов — будущих учителей музыки о различных составляющих музыкально-педагогической действительности, а именно о роли учителя музыки в современном образовании, о профессиональных качествах личности учителя, которые могут быть приняты студентами в качестве эталонных, о необходимости внедрения таких способов и направлений организации обучения детей, которые отвечают современному

уровню развитию педагогики музыкального образования и музыкальной культуры в целом. В ней также будут показаны методы, стимулирующие студентов на такие размышления.

В статье представлены фрагменты письменных работ 96 студентов второго курса дневного отделения института музыкального и художественного образования Уральского государственного педагогического университета за несколько учебных лет. Использование работ студентов второго курса вызвано тем, что они, в отличие, например, от студентов-первокурсников, уже четко представляют себе специфику обучения на музыкально-педагогическом факультете. Со второго года обучения студенты начинают изучение первой дисциплины цикла методолого-методических дисциплин профессиональной подготовки будущего учителя музыки — теории музыкального образования. Второкурсники уже прошли практику наблюдения за деятельностью учителей музыки в школах на первом курсе. Они наблюдали и анализировали видеоуроки, и, наконец, их собственный небольшой опыт педагогической деятельности, приобретенный на практике второго курса, дает возможность студентам сравнивать и оценивать деятельность учителей различных школ, проектировать траекторию личностного профессионального развития, определять для себя эталонные профессиональные качества учителя музыки. Весь этот начальный профессиональный багаж педагогических знаний и дает студенту возможность размышлять, осознавать и оценивать различные составляющие музыкально-педагогической действительности.

Одной из форм получения представлений о необходимых качествах учителя музыки является творческая работа, своеобразное эссе-сочинение — портрет современного учителя музыки, которое выполнялось студентами уже на первом практическом занятии дисциплины «Теория музыкального образования». Хороший современный учитель музыки, по их мнению, это, во-первых, профессионал, который владеет современными средствами и методами музыкального образования. Во-вторых, его главным личностным качеством является умение понимать детей. В-третьих, он всегда готов к установлению диалога «с самым непослушным учеником». Среди всех этих качеств студенты выделяют главное — любовь к детям. «Иногда школьному учителю музыки можно простить непрофессионализм, — пишут студенты, — но ему невозможно простить отсутствие любви к детям».

Обязательным условием для сочинения-эссе было отражение собственных впечатлений об учителе музыки, который преподавал этот предмет будущему студенту в школе. В своих работах студенты представили как положительные, так и отрицательные профессиональные качества своих бывших учителей: «Наша учительница музыки была слишком нервной, и ей самой был не интересен свой урок»; «Учитель музыки была приятным человеком, но на уроках было неинтересно»; «На уроках музыки использовался только один вид деятельности — пение»; «Учительница не могла найти нужный подход к ученикам».

Наряду с отрицательными воспоминаниями о собственном музыкальном обучении в школе, в ответах студентов имелись и положительные мнения. Второкурсники отмечали, например, то, что «учительница музыки была активная,

эмоциональная и тем нравилась школьникам», что «учительница музыки умела заинтересовать детей, а ее рассказы о композиторах были очень увлекательными». Студенты выделяли способность учителя находить с учащимися общий язык. Несколько второкурсников отметили доброту учителя музыки и его веселый характер, умение соглашаться с мнением, противоположным его собственному. Именно эти профессиональные черты личности учителя многие студенты в последующих эссе указали как эталонные для своей дальнейшей профессиональной деятельности.

Высокую оценку получили умения учителя музыки понимать музыкальные интересы и вкусы современного ребенка. В то же время уход от острых вопросов, например, от характеристики музыки неакадемического направления: джаз, рок, хип-хоп и т. д., считался студентами недопустимым для современного учителя. Хотя сами они оправдывали такого учителя: «Историю неакадемической музыки в вузах не проходят. Поэтому учителя такую музыку не знают и со школьниками о ней не говорят».

Следует отметить, что при составлении «портрета современного учителя музыки» второкурсники пытались определить и то, чему же в конечном итоге должен учить детей учитель-музыкант. Кто-то считал, что учитель «должен развивать в детях музыкальное чувство», кто-то — что «учитель должен развивать музыкальный вкус». Многие второкурсники сочли нужным указать, что учитель должен научить детей воспринимать музыку. Одна студентка отметила, что «хороший учитель музыки должен учить ребенка жизни посредством всех произведений, прослушанных и спетых ребенком на уроке», что музыка помогает ребенку познать самого себя. Анализ эссе показал, что на начальном этапе обучения студенты почти не выделяют такие профессиональные качества учителя музыки, как креативность, артистизм, профессиональное мышление и т. д. [1]. Но в конце учебного года, когда второкурсники освоили тему «Профессиональные качества учителя музыки», в своих сочинениях они уже указывали значимые современные профессиональные качества.

На одном из практических занятий состоялся диспут, тема которого была связана с оценкой роли выбранной студентами профессии в общем образовательном процессе современных школьников или, как определили сами второкурсники, ее «нужности» на современном этапе развития школьного образования. Студенты отмечали следующее: «нужность моей будущей профессии зависит от уровня развития культуры общества, а так как культура общества не высока, профессия в целом не нужна, поэтому и престижность ее не высока тоже». Приведем пример высказывания одного из студентов, смысл которого в различных вариантах повторялся в других ответах: «Если бы учителя музыки в школе были нужны, то им платили бы достойную зарплату». Интересно то, что сами студенты предлагали выход из ситуации, связанной с низкой заработной платой учителя музыки в школе. «Можно было бы параллельно с одной специальностью в вузе получать другую, — считали второкурсники, — например, учитель музыки мог бы получать специальность учителя иностранного языка. Такие примеры имеются в западном обучении студентов. Тогда учитель музыки мог бы при желании в школе хорошо заработать».

Что касается статуса учителя музыки в школе, то многие студенты оценили его как невысокий. Однако некоторые студенты, исходя из наблюдений отношения коллег — школьных учителей других предметов к учителю музыки, указывали на его авторитет. «Видал в школе, как к учителю музыки часто обращаются разные учителя-предметники и учителя начальных классов за помощью, советом и консультацией». Но все-таки в большинстве ответов можно было встретить примерно следующие заявления: «Есть, наверное, школы, в которых учитель музыки — человек весьма авторитетный. Но я таких школ не видел и в такую школу уж точно не попаду».

На практических занятиях использовались творческие задания, которые были связаны с созданием инновационных проектов по организации музыкального образования учащихся в общеобразовательной школе. В своих проектах, имеющих только одно обязательное условие — обосновать инновацию, второкурсники предлагали ввести уроки музыки в 8–11-х классах (для повышения уровня музыкальной культуры общества); оснастить кабинет музыки, чтобы в нем были «не только музыкальные инструменты, но и обязательно компьютеры» (для возможности включения в содержание урока той музыки, которую предпочитают дети); «ввести на переменах в общеобразовательной школе звучание не эстрадной, развлекательной музыки, а музыки классической» (для расширения познания академического музыкального искусства). Один из студентов посчитал возможным ввести такое новшество: «В школьном коридоре на большом экране демонстрировать разные красивые места в разных уголках планеты. Надо, чтобы все эти виды сопровождала классическая музыка». Обоснование введения этого новшества таково: «Польза от таких показов была бы значительной. Школьники изучат географию, будут запоминать классическую музыку и не будут бегать на переменах».

В процессе проведения практических занятий студентами был составлен банк инновационных способов обучения детей музыке. Из множества сочинений на тему «Инновационные методы музыкального образования детей» были вычленены и внесены в этот банк наиболее интересные инновационные методы и приемы. Например: запись школьником на мобильный телефон классических мелодий не в искаженном, как это часто бывает, а в оригинальном виде; проведение конкурсов записей фрагментов академической музыки на сотовых телефонах; проведение опросов детей о понравившихся произведениях того или иного композитора и последующее изучение творчества этого композитора, вопреки программному материалу урока; использование таких методов музыкального образования детей, которые ставят ребенка в позицию не только слушателя, но и композитора; запись высказываний школьников по поводу определенного произведения в младших и старших классах и сравнение этих высказываний и т. д.

В заключение отметим, что в своих эссе о современном профессиональном образовании будущих учителей музыки студенты помимо критики тех или иных направлений их подготовки отметили и положительные моменты, которые необходимы для ее улучшения. Среди этих моментов — творческие работы, эссе, проекты, диспуты, которые, по их мнению, актуальны не только на практиче-

ких занятиях по теории музыкального образования, но и на всех других дисциплинах методолого-методического цикла. В процессе создания таких творческих работ, считают студенты, они учатся размышлять о профессии, выявлять те проблемы, которые трудно «решить одному, а вместе с сокурсниками — легче», пытаются разрабатывать новые современные формы и методы работы с детьми в школе, которые впоследствии они готовы внедрять на уроках музыки, проводимых на практике.

Изучение работ студентов поможет педагогу, ведущему такие дисциплины, как «Методика музыкального образования», «Методология музыкального образования», составить представление о самом студенте, его отношении к профессии, о его готовности разрабатывать новые направления и организационные формы музыкального образования детей, т. е. о том, что и составляет музыкально-педагогическую действительность.

-
1. *Абдуллин Э. Б., Николаева Е. В.* Теория музыкального образования. М., 2004.
 2. *Баженова Н. В.* Педагогические условия развития рефлексии будущего учителя музыки : дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2006.
 3. *Кабалевский Д. Б.* Основные принципы и методы программы по музыке для общеобразовательной школы. М., 1985.
 4. *Кольшева Т. А.* Профессионально-личностная рефлексия как факт постижения акме учителя // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. № 4. С. 679–682.
 5. *Лихолет Н. Н., Климонтова Ж. Н.* Проблема формирования готовности подростков к эстетической самоорганизации в процессе обучения (на материале образовательной области «Искусство») // Современное музыкальное и художественное образование: опыт, проблемы, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2006. С. 144–147.
 6. *Лысенко А. В.* Структура профессиональных ценностных ориентаций будущего учителя музыки // Профессиональная подготовка педагога-музыканта : межвуз. сб. ст. / отв. ред. В. Г. Мозгот. Майкоп, 2006. С. 235–243.
 7. Музыкальное образование в школе : учеб. пособие для студентов муз. фак-тов и отд. высш. и сред. пед. учеб. заведений / Л. В. Школяр, В. А. Школяр, Е. Д. Критская и др. ; под ред. Л. В. Школяр. М., 2001.
 8. *Тагильцева Н. Г.* Искусство в развитии самосознания детей // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2009. № 3 (67). С. 45–51.
 9. *Эльконин Д. Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Возрастная и педагогическая психология : тексты. М., 1992. С. 79–96.

Статья поступила в редакцию 03.05.2011 г.

КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ТЕМУ: «ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ»

Участники круглого стола: А. В. Меренков, доктор философских наук, профессор, декан факультета политологии и социологии, завкафедрой прикладной социологии; Л. Л. Рыбцова, доктор социологических наук, профессор, завкафедрой педагогики и социологии воспитания; М. Н. Дудина, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и социологии воспитания; Т. И. Гречухина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и социологии воспитания, замдекана факультета политологии и социологии по воспитательной работе; И. Ю. Вороткова, ассистент кафедры педагогики и социологии воспитания.

Л. Л. Рыбцова: В федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования третьего поколения отводится особое место воспитательному процессу в вузе, в частности, подчеркивается, что вуз обязан способствовать развитию социально-воспитательного компонента учебного процесса.

Известно, что воспитание начинается с обучения, в то же время само обучение нуждается в воспитательном подкреплении. В профессиональном же воспитании будущего специалиста нельзя отрицать или умалять значение фундаментальных знаний, освоения своего профессионального предмета и наук, смежных с ним.

Профессиональное воспитание представляет собой последовательное движение личности студента к добровольно выбранной им цели, а результат этого самодвижения — обретение профессиональных ценностей и идеалов будущим специалистом, расширение его духовных потребностей и интересов, ценных в социальном плане, обогащение эмоциональной сферы.

Надо сказать, что современные представления о профессиональном воспитании связаны в гуманитарных науках с утверждением культурно-антропологического подхода, который дает понимание значимости и ценности личности человека как создателя, как творца не только того, что его окружает, но и своей собственной судьбы. Ведь человек не просто носитель определенных социально-профессиональных функций — он движущая сила в развитии культуры. При всей профессиональной значимости человек должен быть личностью, достигшей высокого уровня общей и профессиональной культуры, имеющей разносторонние интересы, гражданскую позицию, способной соотносить свои потребности и планы с планами и стремлениями других людей. В связи с этим мне представляется весьма важным обсудить некоторые проблемы воспитания в современных условиях.

А. В. Меренков: Действительно, воспитание в современном мире качественно меняется. Воспитание возникло одновременно с появлением человечества, решая на протяжении тысячелетий задачи воспроизводства культуры. Генетически не передается от одного поколения другому накопленный людьми опыт организации социокультурной деятельности. Поэтому для того, чтобы дети каждый раз не создавали то, что уже известно старшим по возрасту, была создана система воспитания. Она включала в себя обучение навыкам взаимо-

действия с природой, людьми, получение тех знаний, на основе которых осуществляется трудовая, семейно-бытовая, досуговая деятельность в определенной общности.

Главной задачей воспитания до последнего времени было формирование у подрастающего поколения ценностных ориентаций и установок, воспроизводящих ту культуру, которая существует в социальной группе, обеспечивающей социализацию личности. Устойчивость общественной жизни позволяла заниматься воспитанием тем людям, которые не имели каких-либо специальных знаний о том, как следует организовать эффективное приобщение к нормам, правилам, действующим в течение многих веков. Поэтому долгое время не изучались закономерности воспитания, не исследовалась его эффективность, не обучали воспитанию тех людей, которые по своему социальному статусу должны заниматься этой деятельностью.

Поскольку ребенок рождается в семье, растет среди родных для него людей, то они выступают в качестве ведущих субъектов воспитательной деятельности. Родители, в первую очередь своим примером повседневной трудовой деятельности, направленной на организацию быта, вырабатывали основные представления о необходимости работы в интересах всей малой группы, преодолевая так называемый естественный детский эгоизм. Трудовое воспитание в качестве обязательного условия включало нравственное, так как, выполняя работу в интересах других людей, ребенок учился быть добросовестным, честным, ответственным, совестливым.

Так как человеку свойственно организовать свой быт, труд таким образом, чтобы возникала радость от сделанного, то естественным образом формировалось содержание эстетического воспитания. Оно обеспечивало выработку ценностных ориентаций на создание красивых вещей, приносящих радость в отношения с окружающими людьми.

Вековой опыт выработал и эффективные методы воспитательной деятельности. Сначала ребенку показывали, учитывая его физические и психические возможности, образцы выполнения отдельных трудовых операций, формы общения с разными людьми. Если он им следовал, то какое-либо дополнительное воздействие не применялось. Когда же дети не воспроизводили требуемое поведение, то применялось психическое или физическое принуждение. Оно рассматривалось как естественный способ преодоления внутреннего сопротивления ребенка, не способного воспроизвести в должном виде данный ему образец. Принуждение, во-первых, обеспечивало мобилизацию внутренних сил того, к кому оно применялось, повышая активность при выполнении нужного действия. Во-вторых, указывало на наличие зависимости ребенка от того, кто обеспечивает его жизнь. Возникающий в результате принуждения страх считался естественным средством включения детей в деятельность, направленную на воспроизводство требуемой от них культуры.

То, что страх ограничивает самостоятельность, снижает творческую активность личности, никого не беспокоило. Творчество неизбежно ведет к появлению нового, а существовавшая тысячелетиями культура в этом не была заинтересована. Этим определяется медленное внедрение и в наше время

гуманистического воспитания, которое отвергает насилие как средство приобщения к культуре. Однако взамен почти ничего существенного не предлагается, так как не пересматривается сама сущность воспитания.

Л. Л. Рыбцова: Чем, на ваш взгляд, обусловлена необходимость перехода к новому воспитанию?

А. В. Меренков: В настоящее время нарастает противоречие между традиционным содержанием и теми инновациями, которые характеризует жизнедеятельность современного человека. Высокие темпы изменений в технической оснащенности практически всех видов производств, быта людей, их досуга, замена физического труда на умственный, включение в активную трудовую и общественную деятельность женщин качественно изменили ситуацию с воспроизводством созданной прежними поколениями культуры. Старшее поколение владеет той культурой, которая по ряду показателей буквально ежедневно устаревает.

Устаревают те технические устройства, использованию которых следует учить ребенка, например, дошкольного возраста. Когда он станет школьником, многое из бытовой техники, находящейся в его жилище, уже будет заменено на новые приборы. Приобретаемые в школе знания содержат ту информацию, которая была добыта десятилетиями назад и в определенной степени не соответствует новым открытиям, сделанным в последние годы, месяцы наукой. Актуальным становится вопрос о том, зачем учить в школе, вузе тому, что уже редко используется в материальной культуре современного работника, семьянина, гражданина.

Автоматизация не только облегчила труд миллионов рабочих, существенно уменьшив долю физического труда в общественном производстве, она проникла в быт, изменив домашний труд, всегда являющийся основой семейного воспитания. Детей всегда приучали трудиться, формируя ориентацию на проявление реальной заботы о других людях. Без повседневного труда, имеющего направленность на удовлетворение интересов окружающих людей, не может быть преодолен эгоизм, ограничивающий саму возможность совместного существования индивидов в малой или большой группе. Эгоизм, утверждающийся в отношениях с близкими людьми, затем распространяется на общение в дружеской группе, трудовом коллективе, становится основным фактором разобщения людей в социуме.

Современный механизированный и частично автоматизированный быт не требует обязательного участия детей в домашнем труде. Если взрослые специально не включают ребенка в постоянную работу, направленную на заботу о других людях, он становится бездумным потребителем того, что ему дают родители. Только необходимость приучить растущего человека к элементарной самостоятельности побуждает значительную часть родителей заставлять его осваивать способы ухода за одеждой, жилищем, готовить простейшую пищу.

М. Н. Дудина: Что в связи с происходящими в обществе преобразованиями необходимо менять в семейном воспитании?

А. В. Меренков: Прежде всего, нужно специально создавать ситуации, когда ребенок на практике приобретает нужные для повседневной самостоятельной жизни навыки. Когда ребенок осваивает новые для него способы трудовой деятельности, у него существенно расширяются возможности для самоутверждения в семье. Приобретая простейшие трудовые навыки, положительно оцениваемыми взрослыми, он с 2,5–3 лет переживает чувство гордости, которое является начальным элементом системы направленного приобщения к нормам и правилам совместной жизни людей. Ограничение трудовой деятельности в семье ведет к тому, что существенно сокращаются возможности для переживания этого важнейшего чувства, на основе которого в 4–4,5 года возникает стыд, а с 6–7 лет — совесть.

Изменение условий бытовой жизни, в первую очередь городской семьи, сокращение самой численности детей при отсутствии специального воспитания ведет к тому, что усиливается данная от природы ребенку эгоистическая ориентация, не позволяющая выработать такие важнейшие моральные качества, как совесть, долг, ответственность.

Человеку, не стремящемуся к самоутверждению на основе заботы об окружающих людях, очень трудно принять и реализовать нравственные нормы, утверждающие ценность чуткости, сочувствия, тактичности, милосердия в общении с разными людьми.

Важно также учитывать то, что одним из следствий автоматизации современного производства является существенное увеличение количества людей, которые работают автономно, не вступая в непосредственное взаимодействие с коллегами по работе. Им не требуется проявлять товарищескую взаимопомощь в труде, толерантность в общении с разными людьми, морально поддерживать сотрудников, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях. В результате появляется еще один канал усиления эгоистической ориентации, ведущей к тому, что человек не воспринимает ценности корпоративной культуры, руководствуясь в труде только своими материальными интересами.

Возникает особая система связи эгоизма, возникающего в раннем детстве, с тем, который утверждается в индивидуально организованной трудовой деятельности взрослого человека. В связи с этим возникает вопрос о содержании самого понятия «социализация личности».

Л. Л. Рыбцова: Что следует пересмотреть в понимании этого процесса?

А. В. Меренков: Если прежде это понятие обозначало процесс освоение подрастающим поколением той культуры, которая господствует в обществе, с целью ее воспроизводства, то в настоящее время, во-первых, сама эта культура постоянно меняется, что затрудняет понимание того, что нужно сохранять для будущего. Во-вторых, те условия семейной жизни, общественного производства, которые прежде определяли успешное приобщение детей к культуре, созданной прошлыми поколениями, уже отсутствуют. Поэтому возникает необходимость перехода к новому воспитанию, что до сих пор не осознается не только людьми, незнакомыми с педагогическими теориями, но и специалистами, занимающимися разработкой программ воспитания в дошкольных и школьных

образовательных учреждениях. Для современных родителей таковые вообще отсутствуют. Им предлагаются популярные брошюры, в которых большинство «рекомендаций» по воспитанию детей разного возраста не имеют достаточного научного обоснования.

Динамично меняющийся мир требует иной культуры жизнедеятельности человека, которая должна формироваться с раннего детства. В связи с этим, во-первых, главным в воспитании подрастающего поколения становится выработка ориентаций, установок на самостоятельное освоение всего нового, что появляется в материальной и духовной жизни. Жизненный успех определяется не столько умением воспроизводить когда-то созданную культуру, сколько быстротой реагирования на инновации, появляющиеся в ней. Во-вторых, нововведения, возникающие в наше время, имеют как позитивную, так и негативную направленность, определяемую тем, насколько они способствуют повышению безопасности, комфортности жизни, а также более полному раскрытию способностей разных людей. Поэтому важнейшей воспитательной задачей становится обучение навыкам обоснованного выбора того, что следует использовать из нововведений, появляющихся в быту, в общении с людьми. Для этого нужно знать опыт прошлых поколений, которые часто оказывались в ситуации выбора оптимального варианта решения проблем, аналогичных тем, которые возникают у современного человека. Следовательно, воспитывать интерес к прошлому нужно путем организации поиска лучших решений проблем сегодняшнего дня с учетом опыта предшествующих поколений.

В-третьих, современная культура требует знаний и навыков управления собственным развитием личности. В автоматическом режиме этот процесс осуществить невозможно. Поэтому нужно учить ребенка с трех лет самостоятельно регулировать свои чувственно-эмоциональные состояния, мыслительную работу в процессе разнообразной познавательной, игровой, трудовой деятельности.

В-четвертых, успешное освоение постоянно меняющейся культуры возможно только на основе действия механизмов развития и саморазвития личности.

Т. И. Гречухина: Вы много лет занимались разработкой этих механизмов и использовали их в работе со школьниками, когда были директором гимназии. В чем их содержание?

А. В. Меренков: Они, прежде всего, включают в себя последовательное воспитание у ребенка с 2,5–3 лет нормативной гордости, затем с 4–4,5 лет — стыда путем умелого одобрения усилий ребенка по приобретению новых навыков труда, правил культуры общения с разными людьми, а также тактичной критики его временных неудач. С 5–6 лет начинается воспитание таких чувств, как совесть, долг, являющихся важными элементами механизма саморазвития. Они обеспечивают переход к сознательному регулированию растущим человеком процесса дальнейшего освоения требований культуры. К 12 годам на основе развитых навыков самостоятельной деятельности появляется возможность проявлять ответственность за себя и других людей.

У каждого ребенка необходимо в семье и школе воспитывать качества, составляющие еще один механизм успешного приспособления к требованиям

динамично меняющегося мира. Это механизм самоорганизации умственной и практической деятельности человека. Он включает в себя умение ставить обоснованную цель предстоящей деятельности, выбирать оптимальные варианты ее реализации, проявлять волю и терпение при столкновении с трудностями, осуществлять самоконтроль. Наличие данных навыков позволяет преодолевать стихийность, иррациональность поведения, делая его осмысленным и поэтому эффективным.

И. Ю. Вороткова: Что же следует делать для того, чтобы привести воспитание в соответствие с требованиями современной жизни?

А. В. Меренков: Реализация более соответствующего современной жизни содержания воспитания в семье, школе, в целом в социуме требует специального обучения родителей, учителей, всех, кто связан с формированием культуры подрастающего поколения, новым методам работы с детьми разного возраста. Однако до сих пор будущих родителей не учат организации эффективного воспитания детей. Они решают различные проблемы трудового, нравственного, эстетического воспитания, часто опираясь на давно устаревшие взгляды, или вообще отказываясь от целенаправленной социализации своих детей. Когда они вырастают, мы удивляемся, почему же они многого не знают, не желают понимать, нередко в своем поведении руководствуясь инстинктами, эгоистическими желаниями.

Однако самым главным препятствием, тормозящим переход к соответствующему новой реальности воспитанию, является непонимание сущности той культуры, которая требуется людям, живущим в динамично меняющемся мире. Старшее поколение, традиционно выполняя функцию приобщения к культуре тех, кто придет ему на смену, нередко руководствуется представлениями, которые уже устарели, но с удивительной настойчивостью воспроизводятся в повседневной воспитательной работе. Более того, не прекращаются попытки использовать для решения проблем современного воспитания те методы, в основе которых лежит беспрекословное подчинение авторитету, освященному, в частности, религиозной верой. Религия во все времена была направлена на сохранение существующего общественного устройства, а не на его эффективную модернизацию. Религиозное воспитание не направлено на формирование навыков самостоятельного в полном смысле этого слова выбора личностью того поведения, которое позволяет умело сочетать личные и общественные интересы, брать ответственность на себя, не уповая на высшие силы.

Впервые в истории человечества качественные преобразования в содержании, направленности, методах воспитания требуют пересмотра многих традиционных представлений о том, как следует организовать приобщение подрастающего поколения к ценностям современного мира. Нужны комплексные исследования, осуществляемые представителями разных наук, чтобы выработать новую стратегию и тактику воспитательной деятельности нового поколения, с учетом индивидуальных особенностей, для того, чтобы оно могло успешно адаптироваться к новым условиям.

Л. Л. Рыбцова: Совершенно согласна с Анатолием Васильевичем. Действительно, после окончания школы молодые люди, поступив в вуз, попадают в иную среду, и им необходимо адаптироваться в особой социокультурной среде — в профессиональном коллективе. Обычно такой коллектив живет в специфических условиях, определяемых своеобразием ценностно-целевых приоритетов, норм и стандартов поведения, межличностных отношений, характером и содержанием выполняемой деятельности и др.

М. Н. Дудина: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» — эти знаменитые слова великого Пушкина вспоминают многие преподаватели университета, встречаясь с первокурсниками. И тогда возникает вопрос: а рефлексируют ли они себя как профессионалы, соответствующие «идее университета»? Идея, которая реализуется в динамично протекающих социокультурных трансформациях, коснувшихся всех сфер жизни, отразившихся на сущности социальных отношений и образе жизни, поведении человека в любом возрасте, в том числе в студенческом.

Ответы на эти вопросы так или иначе связаны с воспитанием, стихийно осуществляющемся всюду, в том числе и в учреждении высшего образования. Они обусловлены косвенной коммуникацией, духом *alma mater*, образовательной средой вуза. Современные исследователи пишут о «скрытых программах», представляющих совокупность культурных смыслов и моделей, которые стихийно транслируются образовательной средой как системой взаимосвязей и отношений в процессе образовательной коммуникации.

Образование и культура инструментальны, с их помощью новое поколение осваивает традиционные и инновационные способы жизнедеятельности. Пространство образования наполняется культурой, отсюда приоритет призыва ЮНЕСКО — «образование через культуру». Становится очевидным, что современному университету необходима соответствующая социокультурная среда, позволяющая выйти за узкие рамки конкретного мира и отвечающая не только ценностным установкам общества, целям и задачам образования, но и индивидуальным способностям, возможностям и потребностям студентов. Поэтому современный социокультурный контекст требует исследований феномена воспитания в университетском пространстве, где оно должно и может осуществляться не только стихийно, но и целенаправленно, определенным образом воздействуя на спонтанность процесса.

И. Ю. Вороткова: О чем конкретно должна идти речь?

М. Н. Дудина: Для этого необходим акцент, с одной стороны, на огромном, невиданном, даже труднопредсказуемом и малоисследованном воспитательном потенциале современного университетского образования для разностороннего, полноценного развития личности всех субъектов образовательного пространства, с другой — на деструктивности жизни и образования, в том числе вузовской среды, всех ее субъектов, реализующих цели и содержание, возможно, «вчерашнего дня» и часто в устаревших дидактических технологиях, выступающих тормозом развития личности студентов и преподавателей. В таком кон-

тексте можно согласиться с М. С. Каганом, когда он говорит, что глубинный смысл проблемы глобализма — не технологический, а педагогический. Философ настаивает на возвращении к представлению К. Д. Ушинского о человеке как предмете воспитания — так назвал наш великий педагог свой главный теоретический труд, словно предвидя нынешнюю ситуацию, в которой воспитание глобалистского сознания становится центральной педагогической проблемой.

А. В. Меренков: Существует мнение, что студенты университета — взрослые люди — уже воспитаны. Что может в этом контексте образовательный процесс?

М. Н. Дудина: Отбросим это ошибочное мнение: ведь все более очевиден феномен образования без воспитания. Лучше подумаем о том, что перед современным классическим университетом стоят серьезные воспитательные проблемы — от невысокого уровня качества образования, отставшего от жизненных реалий, до эпатажного внешнего вида студентов и студенток, низкой речевой культуры и речевого поведения, избыливающего сленгом, табуированной лексикой, нецензурными выражениями и т. д.

Перед этим реалиями оказалась бессильной традиционная университетская культура, в том числе педагогическая, которой присущи авторитарные способы воздействия, в частности угрозы исключения из числа студентов, а не воспитание в свободе и ответственности на основе «нравственного закона внутри меня», в соответствии с этикой человеческого достоинства.

Л. Л. Рыбцова: Каким образом, по вашему мнению, можно сочетать воспитание личности и подготовку специалиста?

М. Н. Дудина: Глобальные проблемы современности востребовали развитую личность, и некомпетентно сводить личность только к профессионализму. Аксиологические установки личности, ее сознание, отношения и поведение не могут быть кем-то сформированы, в то же время ошибочно полагать, что само содержание образования обеспечит четкие ценностные ориентации личности. Сущность университетской воспитательно-развивающей среды требует сосредоточенности на современном реальном состоянии ценностных ориентаций студентов и преподавателей.

Т. И. Гречухина: Чем отличаются современные студенты от своих предшественников?

М. Н. Дудина: Современным студентам доступны самые разнообразные источники знаний, в этом отношении некоторые из них значительно опережают преподавателей, однако многознание не всегда непосредственно связано с интеллектуальным развитием, овладением исследовательской деятельностью, тем более с нравственностью, совестью, стыдом, честью, гражданственностью личности. Как исторический феномен жизни, культуры и образования, классический университет выполнял и должен выполнять в будущем миссию воспитания студентов, ориентироваться на научные исследования в современном мире,

на открытость, доступность знаний и различных источников информации, идею непрерывности образования, понимание его непреходящей ценности для утверждения гуманизма и демократии, этики толерантности и ненасилия.

Миссия классического университета как обучающего и исследовательского центра, имеющего интеллектуальную научную среду, предполагала, что сама сила науки содействует духовному, нравственному воспитанию человека. Г. Гегель писал о «постигающем познании», которое связано с разумом, указывающим нравственный путь отдельному человеку и обществу в целом. Отсюда мысль об элитарности университетского образования, о подготовке интеллектуальной элиты общества. Это несовместимо с современным пониманием науки как товара, а университетского образования — как «сферы услуг». В свое время Х. Ортега-и-Гассет, поставивший проблему дегуманизации искусства в расчеловеченных условиях жизни, настаивал на культуротворческой функции университета, чтобы предотвратить выпуск из стен «сведущих невежд». М. Вебер ставил вопрос о личности человека с университетским образованием, которая соединяет в себе человеческое и профессиональное. Если приоритетным является профессионал, конкурентоспособный специалист, знающий, умеющий, разбирающийся в тех или иных вопросах трудовой деятельности, то содержание и технологии образования должны быть адекватны этой задаче. Но оторванное от воспитания образование таит в себе опасность для человека и общества, как считает И. А. Ильин, разнуздывает и портит человека, ибо дает в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, бездуховный, и начинает злоупотреблять.

Многие студенты и выпускники университета хорошо информированы, немало знают и умеют, но убеждены в том, что цель оправдывает средства, нет такого морального предела, перед которым следовало бы остановиться. И это проблемы, связанные с воспитанием личности в процессе образования. Воспитательная функция классического университета приоритетна, а обучение, исследование должны содействовать личностному и профессиональному росту каждого студента. Надо понять и принять идею, что образование — это великое благо для отдельной личности и для общества в целом, и не стоит их противопоставлять, продуктивнее понять их взаимную связь и влияние.

Л. Л. Рыбцова: В связи с этим хотелось бы обратить внимание на использование компетентностного подхода в высшей школе. Что вы думаете об этом?

М. Н. Дудина: Оформление Болонского процесса и присоединение к нему нашей страны ориентирует на компетентностный подход в образовании, освоение компетенций. Именно здесь открывается проблемное поле исследования, связанное с выявлением сущности компетентностного подхода и овладением выпускниками классического университета конкретными компетенциями. Важнейшая среди них — культуропреимственная, непосредственно и опосредованно сказывающаяся на динамике ценностных ориентаций, установок, сознания, отношений и поведения студентов.

Л. Л. Рыбцова: Позвольте развить данный тезис и обратиться к требованиям к результатам освоения основных образовательных программ. Здесь при-

оритет отдан общекультурным компетенциям, например, умению логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям; уметь анализировать мировоззренческие, социально и лично значимые философские проблемы; осознанию значения гуманистических ценностей для сохранения и развития современной цивилизации; готовности к социальному взаимодействию на основе принятых в обществе моральных и правовых норм; пониманию социальной значимости своей будущей профессии, обладанию высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности и др.

И. Ю. Вороткова: В этом контексте мне хотелось бы обратить внимание на такую компетенцию, как принятие нравственных обязанностей по отношению к окружающей природе. Реализация этой компетенции возможна лишь с развитием экологической культуры.

В 60-х гг. XX в. человечество столкнулось с проблемой «глобального экологического кризиса», явившегося результатом сложившихся отношений человека и природы. По мнению У. Блэкстоуна, наиболее существенными причинами экологического кризиса являются ошибочные ценности, способствующие неограниченной эксплуатации природной среды. Сложившаяся экологическая обстановка в мире прямо пропорциональна уровню экологической культуры людей, в связи с чем все более необходимым становится процесс ее формирования.

Т. И. Гречухина: Как в настоящее время осуществляется процесс формирования экологической культуры молодых людей?

И. Ю. Вороткова: Н. Н. Киселев отмечает, что действенным средством формирования экологической культуры нашего современника призвана стать система экологического воспитания и образования, находящаяся в настоящее время в процессе становления.

В современной системе образования овладение минимумом экологических знаний, необходимым для формирования экологической культуры граждан, обеспечивается обязательным преподаванием основ экологических знаний. В соответствии с профилем в средних и высших образовательных учреждениях предусматривается преподавание специальных дисциплин по охране окружающей среды и рациональному природопользованию.

А. В. Меренков: Какова цель и что должно стать планируемым результатом образования по содержательной линии «Экологическая культура»?

И. Ю. Вороткова: Планируемым результатом и целью образования по содержательной линии «Экологическая культура» является развитие у учащихся экологической ответственности как способности и готовности к решению конкретных экологических проблем на основе знания экологических закономерностей, владения экологически целесообразными способами деятельности, а также осознания и принятия системы экологических ценностей.

Процесс формирования экологической культуры студентов в период обучения в высшей школе приобретает сегодня особое значение, поскольку, как уже

отмечалось, это является приоритетной общекультурной компетентностью. Для какой бы деятельности ни готовился специалист, он должен обладать экологической этикой и экологической культурой. В связи с этим в определении образовательной стратегии при профессиональной подготовке студентов университета следует делать акцент на экологическую составляющую в структуре содержания образования с целью развития и становления их экологической культуры.

Реализация экологической составляющей может осуществляться по следующим направлениям:

- Экологизация учебных дисциплин посредством введения тем и разделов в федеральные программы или на основе интегрированных программ;
- Введение специальных экологических курсов в зависимости от типа, профиля и возможностей образовательного учреждения, а также потребностей студентов;
- Организация внеучебной деятельности экологической направленности.

В вузах следует создавать эффективную систему экологического воспитания и образования, ориентированную на взаимосвязь профессиональной подготовки студентов с конкретными задачами экологизации научно-технического прогресса. Теоретическое освоение экологических знаний должно быть тесно связано с практическим участием студентов в работе по охране окружающей среды, в экологических мероприятиях.

Т. И. Гречухина: Какие дополнительные педагогические условия будут способствовать повышению экологической культуры студентов?

И. Ю. Вороткова: Именно в стенах вуза студенты приобщаются к научно-исследовательской работе, к творческому поиску решения проблем в области окружающей среды, что обеспечивает формирование данной компетенции. Следовательно, одним из педагогических условий, способствующих повышению экологической культуры студентов, будет работа по созданию междисциплинарных научно-исследовательских проектов, имеющих экологическую направленность, а также проведение мероприятий по презентации экологических работ.

Одним из дополнительных педагогических условий повышения экологической культуры студентов можно считать создание экологической воспитывающей среды в университетском городке. Именно педагогическая среда оказывает большое влияние на поведение личности, т. е. на проявление не только внутренней, но и внешней экологической культуры. Экологизированная педагогическая среда является условием и средством формирования экологичной личности.

Другим условием формирования экологической культуры студентов является повышение экологической культуры преподавателей, предполагающее в первую очередь развитие способностей и умений экологизировать образовательный процесс. Высокий уровень экологической культуры должен в будущем стать важным квалификационным критерием преподавателя вуза.

Таким образом, создание в процессе экологического воспитания и обучения основы для достижения высокого уровня экологической культуры студентов, характеризующегося развитостью экологических мировоззренческих

основ, эксцентрическим экологическим сознанием (совокупностью экологических и природоохранных представлений, мировоззренческих позиций и отношения к природе, осознанием роли человека в мире, его ответственностью за собственный свободный выбор) и интенсивным экологическим поведением (совокупностью конкретных действий и поступков, непосредственно или опосредованно связанных с воздействием на природное окружение, использованием природных ресурсов), — актуальная задача, способствующая подготовке квалифицированных специалистов XXI в.

А. В. Меренков: Мы не раз в нашей беседе обращались к проблеме ценностных ориентаций. А проводилось ли их исследование у студентов УрГУ, и каковы его результаты?

Т. И. Гречухина: В 2010 г. кафедрой педагогики и социологии воспитания было проведено исследование среди студентов первого и второго курсов, результаты которого показали, что при определении ценностных ориентаций, связанных с обучением в нашем университете, студенты, прежде всего, выделяют возможность получить образование (87,6 % первокурсников и 88,5 % второкурсников) и возможность общения с интересными и знающими преподавателями (50,3 % и 44,1 %, соответственно). Вместе с тем 27,6 % первокурсников и 21,4 % второкурсников отметили возможность для самореализации.

Поскольку культура личности студента формируется в пространстве триединого процесса овладения информацией, умениями и ценностями, то ему принадлежит ведущая роль в самоорганизации собственной культуры как процесса и результата образования (информационно-гносеологический аспект культуры), обучения (практический, операционно-методологический аспект) и воспитания (мотивационно-аксиологический фундамент культуры).

Изучая представления студентов о тех или иных чертах культурного человека, мы установили значимость для них таких черт (здесь и далее соответственно первый и второй курсы), как широкий кругозор (85,9 %; 83,3 %); навыки культуры речи (78,8 %; 69,2 %); культура общения (57,8 %; 54,7 %); выполнение норм и правил поведения в обществе (52,8 %; 50,3 %); профессионализм (46,9 %; 46,2 %); проявление воли и терпения (42,5 %; 38,4 %); владение навыками самоорганизации (33,8 %; 30,2 %). Что касается активной гражданской позиции, участия в общественной жизни, то они занимают последние места (соответственно 22,2 %, 18,9 %; 20,6 %, 23 %). Оставим пока в стороне немаловажный факт: у студентов-второкурсников показатели ниже по сравнению с первокурсниками, исключая последние цифры. На наш взгляд, продуманное планирование воспитательного процесса будет способствовать позитивному изменению данной ситуации.

При сравнительном анализе названных студентами факторов формирования черт культурного человека мы не выявили значительных отличий. В целом речь идет о совпадении: воспитание в семье (82,4 % и 81,4 %), умение взять все ценное на занятиях (53,9 % и 51,3 %), самостоятельное освоение (59,9 % и 67,3 %), общение со сверстниками (48,6 % и 41,5 %), активное посещение учреждений культуры (41,1 % и 39,9 %).

Л. Л. Рыбцова: А обращали ли вы внимание на сотрудничество преподавателя и студента?

Т. И. Гречухина: Безусловно, фундаментальная «идея университета» подразумевает в качестве принципиальной установки университетского образования не только получение студентами определенных знаний, т. е. овладение информационной культурой, но и приобретение навыков участия в исследовании, т. е. овладение операциональной культурой. Это реально, когда преподаватель и студент партнеры, практически равные участники диалога. Различие между ними заключается в том, что преподаватель, в особенности на первых порах, является ведущим. Университетское сотрудничество, сотворчество преподавателя и студента нацеливает на развитие личности будущего специалиста и гражданина, задает и формирует не только навыки будущей профессиональной деятельности, но и стратегию самой жизнедеятельности (мотивационная культура). К сожалению, лишь 17,6 % первокурсников и 21,1 % второкурсников отметили роль научного руководителя в формировании черт культурного человека и 14,1 % и 14,5 % – роль внеучебного общения с преподавателями.

М. Н. Дудина: От чего, по мнению студентов, зависит успех в учебе?

Т. И. Гречухина: Успехи в учебе связываются студентами с постоянным развитием своих способностей и других личностных характеристик. Так, анализ полученных данных свидетельствует о том, что ведущими факторами успеха в учебной деятельности являются собственное желание (85,4 %; 78,3 %); способности и склонности (57,3 %; 54,7 %); понятность изложения материала преподавателем (51,7 %; 52,2 %); умение заставить себя заниматься, готовиться к занятиям и планировать свое время (57,9 %; 51,3 %). При этом следует подчеркнуть, что система требований преподавателя не является ведущим фактором, влияющим на успех в учебе (35,5 %; 45 %). Очевидно, попадая в вузовскую среду, которая предполагает изначально высокое развитие умения самостоятельно трудиться, не все студенты могут адаптироваться к новым условиям.

И. Ю. Вороткова: А каково отношение студентов к общественной жизни университета?

Т. И. Гречухина: Выяснилось, что студенты общественную жизнь связывают в первую очередь со студенческим профкомом (84,2 % и 86,3 %). Действительно, эта организация является единственной в системе университетского студенческого самоуправления. Мы полагаем, что развитие студенческого самоуправления позволит расширить пространство для активных социальных контактов, будет способствовать установлению благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия, развитию межличностных связей, реализации различных социальных ролей. Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает участие в общественных мероприятиях (27,1 % и 29,4 %), в художественной самодеятельности (48,8 % и 45,4 %).

Еще один параметр, который мы исследовали, связан с совокупностью ценностей, определяющих успешность трудовой деятельности. Полученные данные свидетельствуют о наличии у студентов младших курсов дальних целей и характеризуют их отношение к планируемой деятельности. Но пока понятие «профессиональная культура» еще не сформировано у студентов 1–2-х курсов.

Л. Л. Рыбцова: Жаль, что представлены были результаты исследования только студентов младших курсов. Целесообразно продолжить эту работу. Но даже эти данные говорят о том, что в профессиональном воспитании будущих специалистов существует много проблем. Цель и результат профессионального воспитания — профессиональная воспитанность, содержание которой — это тесно связанные профессиональная и нравственная культура, физическая и эмоциональная развитость. Как этого достичь? Каковы технологии профессионального воспитания в вузе? Это вопросы для следующего обсуждения проблемы воспитания в высшей школе, к которому приглашаем наших коллег.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 338.24 + 371.1 + 316.61

В. И. Лупандин
А. С. Машкова

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА

В статье дан краткий экскурс в историю становления понятия «компетенция» и описаны процедура и ключевые принципы создания модели компетенций для организации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: модель компетенций, этапы разработки модели компетенций.

На сегодняшний день основной задачей управления персоналом является обеспечение успешной деятельности компании, что предполагает комплексное решение проблем, связанных с поиском, отбором, наймом, обучением, оценкой и стимулированием работников. Со временем ученые и специалисты-практики осознали необходимость выделения некоторых критически важных характеристик работников, которые позволили бы увязать в систему все кадровые процессы. Такими индикаторами, дающими возможность целенаправленно выстроить все этапы и процессы работы, стали компетенции.

В настоящее время в отечественной и зарубежной литературе существует множество различных определений понятия «компетенция».

В начале 1940-х гг. в европейской и американской армии были предприняты первые попытки отбора солдат и офицеров на основе критериев, впоследствии ставших прообразом компетенций.

ЛУПАНДИН Владимир Иванович — доктор биологических наук, профессор кафедры психофизиологии и психофизики Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

МАШКОВА Анна Сергеевна — руководитель учебного центра ОАО «Вуз-банк», Екатеринбург (e-mail: ania_12@mail.ru).

© Лупандин В. И., Машкова А. С., 2011

Термин «компетенция», согласно словарю Уэбстера [10], возник в 1956 г. Однако датой рождения компетенций, как базисной составляющей индивидуума, позволяющей оценить поведенческие характеристики персонала [7], принято считать 1970-е гг. XX столетия, когда Государственный департамент США обратился в консалтинговую компанию за помощью в подборе младших сотрудников для дипломатической информационной службы.

Начальной точкой компетентностного подхода в бизнесе может считаться статья Д. С. Мак-Клелланда «Testing for Competence Rather Than Intelligence» («Тестирование: компетенции против интеллекта») [Там же].

В этой статье Мак-Клелланд рассмотрел исследования, доказывавшие, что традиционные академические тесты способностей и тесты на знание предмета не прогнозировали эффективное выполнение работы или успех в жизни и зачастую несли в себе предубеждение против меньшинств, женщин и людей более низкого социально-экономического слоя.

Были сделаны попытки поиска методов оценки кандидатов, которые смогли бы определить переменные «компетенции», спрогнозировать уровень исполнения работы и не несли в себе расовые, половые или социально-экономические стереотипы.

Наиболее важные из этих методов:

1. Использование критериальных выборок. Этот метод сравнивал людей, которые были явно успешными в работе или вели интересную жизнь, с менее успешными, для того чтобы определить характеристики, связанные с успехом.

2. Определение оперантных мыслей и поведения, причинно связанных с успешным результатом. То есть при оценке компетенций необходимо использовать незавершенные ситуации. Например, тест «Деловые ситуации» Н. Г. Хитровой, аналогичный тесту Розенцвейга (изучение поведения человека в ситуации фрустрации), направлен на измерение способности личности действовать в стрессовых ситуациях, чтобы человек имел возможность генерировать свое поведение, которое в корне отличается от поведения «респондента» в таких тщательно структурированных ситуациях, как тесты-самоотчеты и тесты с множественным выбором.

Первые апробации этих методов были проведены сотрудниками дипломатической информационной службы Государственного департамента США и работниками социального обслуживания штата Массачусетс [Там же].

Традиционно Государственный департамент подбирал сотрудников дипломатической информационной службы путем экзамена, основанного на навыках, которыми, по мнению старших чиновников, должен обладать современный дипломат, — обязательное знание общеобразовательных предметов и культуры (истории Америки, западных цивилизаций), правил английского языка и конкретных тем, таких как экономика и правительство. Экзамен, однако, имел серьезные недостатки:

— во-первых, поскольку тесты требовали очень высоких проходных баллов, различные меньшинства и люди из менее привилегированных культур с меньшей вероятностью могли сдать данный экзамен на положительный балл;

— во-вторых, по результатам тщательно подготовленных отчетов [7] впоследствии было выяснено, что баллы кандидатов за тесты общих способностей или за тест на общие знания не прогнозировали успешной работы в дипломатической информационной службе, по крайней мере, на таком высоком уровне, который требовался для того, чтобы кандидат мог претендовать на данную должность.

Невозможно было при помощи баллов за тесты на общие способности и очень богатого словарного запаса претендента определить, насколько хорошо он справится со своей работой. Недостаток связи между тестовыми баллами и успехом в работе — убедительный пример неправомерной дискриминации, что в целом препятствовало работе информационной службы США.

Исследователи должны были ответить на вопрос: «Если традиционные способы измерения способностей не прогнозируют исполнение работы, то чем можно их заменить?»

Во-первых, был предложен компетентностный подход, который предполагал наличие критериальной выборки. В результате чего была подобрана группа самых эффективных молодых дипломатов. Группа средних исполнителей состояла из людей, которые выполняли свою работу достаточно хорошо, чтобы не быть уволенными.

Во-вторых, был разработан метод, который назвали «интервью по получению поведенческих примеров» — ИПП (Behavioral event interview, BEI) [Там же]. Изначально предполагалось понаблюдать, как дипломаты высшего и среднего уровня выполняют свою ежедневную работу, и решить, что же такого делают наилучшие работники, чего не делают средние. Этот подход был слишком дорогостоящим и непрактичным и не мог использоваться в исследовании мирового масштаба. Тогда была предпринята попытка попросить людей составить очень подробные отчеты о том, что они делали в самых критических ситуациях, случившихся в процессе работы. Предметом интервью был короткий рассказ о трех успехах и трех самых серьезных неудачах в работе. В результате были получены несколько сотен коротких рассказов о самых трудных ситуациях, в которых действительно оказывались молодые дипломаты, работая в разных иностранных государствах.

В-третьих, была проанализирована расшифровка BEI с наилучшими и менее эффективными работниками дипломатической службы по определенным темам, чтобы определить характеристики поведения, имевшиеся у наилучших исполнителей и отсутствующие у средних. Такие тематические различия обычно находят объективное выражение в баллах, которые различные наблюдатели могут надежно индексировать.

Было установлено, что лучшие сотрудники дипломатической службы отличались от средних следующими компетенциями:

— межкультурная межличностная восприимчивость: способность чувствовать, что на самом деле думают или говорят люди-иностранцы с другой культурой, и предугадывать их реакцию;

— позитивные ожидания от окружающих: чувство собственного достоинства и вера в ценность других людей, способность поддерживать эту позитивную точку зрения в условиях стресса;

— скорость в освоении политических потребностей: способность быстро выяснять политические интересы ключевых людей и определять схему взаимодействия между различными группами и персоналиями.

Эти три компетенции и прочие неакадемические навыки, такие как способность генерировать полезные идеи, чаще всего проявлялись в виде мыслей и действий лучших сотрудников. Средние исполнители либо не сообщали об инцидентах, демонстрировавших эти навыки, либо рассказывали истории, в которых эти навыки явно отсутствовали.

В результате проблему создания модели компетенций, отвечающей профессиональным потребностям широкого круга пользователей [8], удалось решить на основе структурного подхода, который требует вовлечения персонала в разработку модели и хорошей осведомленности сотрудников на каждом этапе. При этом в создании модели должны участвовать представители всех уровней организационной структуры, так как кадровые перемещения происходят постоянно и компетенции должны описывать поведение всего персонала предприятия.

Таким образом, создание модели компетенций — это процесс, который объединяет представления о том, что происходит с работой и рабочими функциями сейчас, и о том, что произойдет в будущем [6].

Компетенции, их сочетания в модели, индикаторы, шкалы измерений уникальны для каждой отдельно взятой организации, так как разрабатываются исходя из стратегических целей и особенностей организационной культуры, в первую очередь — под должности (типы работ).

Общая модель компетенций (интегральная модель), содержащая стандарты поведения для всех видов деятельности и категорий персонала, разрабатывается на основе специального назначения и имеет две характерные черты: актуальность для всех сотрудников, к которым ее можно применить, и вариативность применения. Эти требования можно соблюсти, если разработку модели компетенций осуществлять на основе ключевых принципов.

В данной статье представлен пример ключевых принципов построения модели компетенций для управленческого аппарата, апробированных в трех крупных российских компаниях, занимающихся в сфере дистрибуции, оказания транспортных услуг и страховании.

Ключевые принципы модели компетенций для административно-управленческого персонала [9]:

1. Привлечение к разработке людей, которые будут использовать модель. Не требуется привлекать каждого сотрудника на все стадии создания, процесс вовлечения можно организовать, проинформировав персонал о цели и продвижениях в составлении компетенций или включив некоторых сотрудников в команду разработчиков.

2. Предоставление сотрудникам полной информации о том, что происходит в компании. Хорошая информированность персонала устраняет возможные препятствия при составлении модели компетенций и уменьшает или вовсе устраняет трудности (такие, как заведомо негативное отношение персонала к нововведениям в компании [2], появление слухов, изменение в отрицательную сторону социально-психологического климата в коллективе, влияние на лояльность

сотрудников и, наконец, появление страха у сотрудников за свое рабочее место, когда наступает время внедрять модель компетенций).

3. Стремление к созданию релевантной модели компетенций, т. е. к тому, чтобы стандарты поведения, включенные в нее, подходили всем пользователям и соответствовали корпоративным ценностям компании.

Таким образом, для создания матрицы компетенций необходимы специальные навыки и совершенная техника анализа. Однако методов анализа и вариаций разработки компетенций существует так много, что невозможно сказать, что какой-то конкретный подход является единственно правильным.

Несмотря на разнообразие технологий, можно выделить основные этапы [4]:

1. *Получение заказа от руководства компании.* На данном этапе следует обсудить строгое соблюдение всех трех ключевых принципов, которые были описаны нами ранее.

2. *Уяснение цели проекта,* так как цель разработки и введения компетенций влияет на саму модель компетенций. Таким образом, на начальном этапе разработки необходимо обсудить все варианты применения данной модели и достичь полного понимания и согласия в отношении соответствия цели конечному результату.

3. *Планирование проекта* — здесь следует расписать каждый этап работы, включая полное оформление готовой модели к запуску. Осуществление эффективного планирования зависит от человека, который полностью понимает задачу и представляет каждый шаг на пути создания модели. Кроме того, правильное планирование позволяет применять на каждом шаге реализации проекта все три ключевых принципа.

4. *Создание команды для сбора и анализа информации.* Идеальный вариант для осуществления данной задачи — подбор команды из штата компании. Однако на некоторых этапах сбора информации, например, там, где намечаются большие изменения, эффективнее привлекать внешних экспертов.

5. *Выбор конкретной техники анализа.* При осуществлении данного шага возникает ряд трудностей: во-первых, существует множество различных методик, специально предназначенных для сбора информации о работе и должностях; во-вторых, ни одна методика не является достаточной для сбора всей необходимой информации и ее последующего анализа; в-третьих, не все методы анализа работы применимы во всех ситуациях.

К числу наиболее популярных методов для сбора информации о работе и должностях можно отнести метод наблюдения, структурированного интервью, метод моделирования различных рабочих ситуаций, метод контент-анализа рабочих документов, метод совещания с представителями, выполняющими ту или иную работу, применение специальных тестов-опросников и т. д.

6. *Сбор информации.* Главные цели этого этапа — собрать примеры стандартов поведения у успешных сотрудников, обеспечивающие эффективное исполнение деятельности, и определить стандарты поведения, которые могут потребоваться для эффективного исполнения работы в будущем.

Часть необходимой информации можно получить, используя метод контент-анализа необходимых документов (например, бизнес-планы, должностные инст-

рукции, материалы по обучению персонала и др.) или метод структурированного интервью у сотрудников предприятия. Важно пояснить, что характер информации, которую необходимо собрать, зависит от цели создания модели компетенций. Так, для общей модели необходимо описание широкого спектра стандартов поведения, создающееся на основе примеров эффективного исполнения работы. Модели компетенций для специальных видов работ требуют специфической информации.

7. *Подготовка информации для анализа* — это сбор всех данных с возможностью проверки соблюдения третьего ключевого принципа (создание релевантных компетенций и кодировка полученной информации).

8. *Анализ информации*. На данном этапе осуществляется первичная проектировка модели, т. е. к каждому кластеру подбираются соответствующие компетенции и описываются индикаторы поведения. Результатом работы на этом этапе может быть обнаружение существенных пустот в выбранной информации. Если такие информационные пустоты обнаруживаются, то кодирование должно указать, где можно собрать дополнительные данные.

9. *Проектирование модели* обычно сливается с предыдущим этапом — анализом информации. На этом этапе работы проект модели компетенций отражает сложившуюся в организации ситуацию и основан на исследовании работ, которые существовали на предприятии во время сбора информации.

10. *Проверка валидности проекта* необходима для того, чтобы убедиться, точно ли соответствуют компетенции всем рабочим должностям, существующим в организации, имеет ли модель компетенций ценность для будущих пользователей и действительно ли описанные примеры поведения сравнивают исполнение работы отдельного сотрудника с «эталонным» исполнением работы.

Оценка валидности осуществляется через решение следующих задач:

Первая задача — получение обратной связи от широкого круга сотрудников предприятия. Обратная связь необходима для понимания каждым сотрудником нужности модели компетенций для эффективного исполнения работы и понимания всеми работниками ее сути.

Вторая задача — проверка того, как компетенции дифференцируют эффективную и менее эффективную работу. Для этого необходимо собрать данные рейтинга работников по компетенциям (как от самих работников, так и от их руководителей) и соотнести их с другими формами оценки качества работы. В заключение подводится статистическое сравнение оценки исполнения работы и рейтинга по компетенциям.

11. *Проверка и завершение проекта* — это регулировка модели, основанная на обратной связи, на результатах оценки валидности, а также включение в модель всей приемлемой и пригодной для компетенций информации. К такой информации можно отнести данные о векторе развития бизнеса компании, предполагаемых изменениях, реструктуризациях и нововведениях в компании [3, 5], о новых принципах и ценностях организации, бизнес-планах и будущих прогнозах развития предприятия.

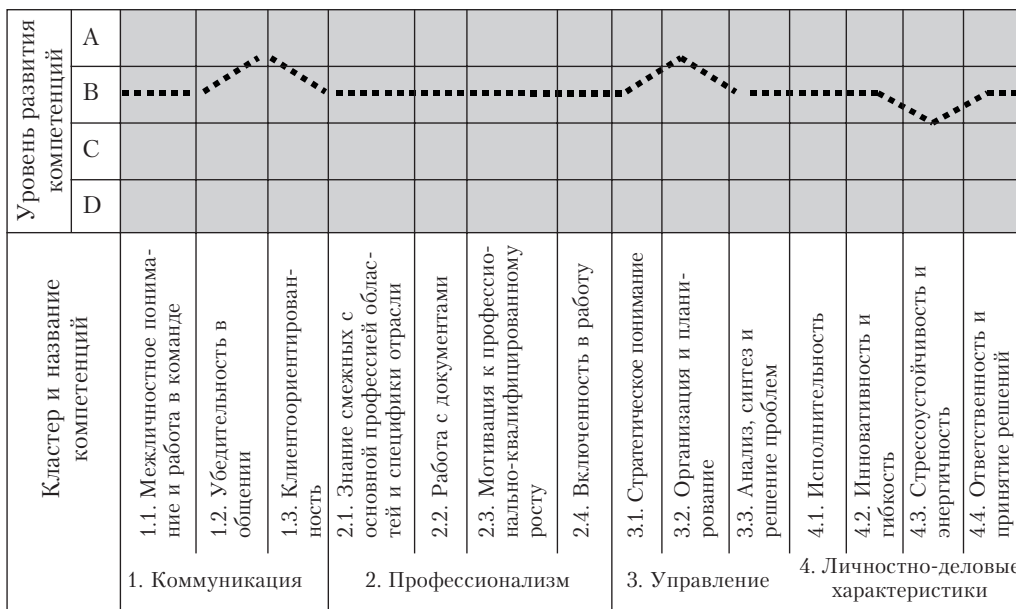
12. *Запуск модели в работу*. На этом этапе важно соблюдение первого и второго ключевых принципов построения модели компетенций. Информация

о модели должна раскрывать цели введения системы компетенции и доходить до сотрудников, для которых она предназначена.

Для того чтобы гарантировать эффективное применение модели, необходимо непрерывное ее поддержание в рабочем состоянии (т. е. модификация модели к внутренним и внешним условиям, влияющим на компанию) и применение ее сотрудниками в своей работе.

Следование указанной схеме приведет разработчиков модели компетенций к пониманию того, что для эффективного выполнения всего комплекса задач требуются профессиональные навыки и определенные условия деятельности.

После создания модели возникает задача ее интеграции с такими блоками работы с персоналом, как подбор, оценка, развитие и обучение, кадровый резерв, мотивация и система оплаты труда. Важным является ее соотнесение с оценкой персонала. В рамках российского законодательства профессиональная деятельность работников предприятий регулируется должностными инструкциями, наличие которых является обязательным условием, а также другими внутренними нормативными документами. Поэтому профили должностей или требования к должности являются дополнительным инструментом, регулирующим профессиональную деятельность работников. Иными словами, профиль должности — это компетенции модели, распределенные по разным уровням развития относительно оценочной шкалы в соответствии со спецификой должности, работы, на которую формируется профиль. На рисунке показан пример профиля должности.

Пример профиля должности (■ ■) (по [1])

Работа по созданию профилей должностей достаточно объемная, она требует привлечения экспертов, обсуждения и тестирование пилотных вариантов. В литературе анализируются два подхода к созданию профилей должностей:

- подробное описание по компетенциям каждой существующей должности в компании. В данном случае количество профилей должно соответствовать количеству должностных инструкций на предприятии;
- описание стандарта деятельности должностей, для которых сформирована модель компетенций.

Каждый вариант создания профилей должности имеет свои преимущества и недостатки. Первый подход наиболее уместно использовать в небольших компаниях либо для ограниченного круга должностей (например, для руководителей, ведущих специалистов). Второй подход требует больших затрат времени, привлечения дополнительных ресурсов и команд исполнителей, в условиях изменений или нововведений в компании его сложно адаптировать.

Таким образом, можно заключить, что модель компетенций формируется на основе анализа работ, который может проводиться при помощи различных методов (лучше использовать комплекс методов) и требует наличия профилей должностей.

Для того чтобы гарантировать эффективное применение модели, необходимо непрерывное поддержание компетенций в рабочем состоянии (т. е. модификация модели к внутренним и внешним условиям, влияющим на компанию) и применение их сотрудниками в своей работе.

Следование указанной схеме приведет разработчиков модели компетенций к пониманию того, что для эффективного выполнения всего комплекса задач требуются профессиональные навыки и определенные условия деятельности.

Столь многоступенчатая и трудозатратная работа по созданию модели компетенций и профилей должности дает для современных бизнес-организаций валидный рабочий инструмент для всех кадровых процессов, начиная от подбора персонала и заканчивая формированием кадрового резерва.

-
1. Красностанова М. В., Осетрова Н. В., Самара Н. В. Assessment-center для руководителей. Опыт реализации в российской компании, упражнения, кейсы. М., 2007.
 2. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология. СПб., 2000.
 3. Тичи Н., Деванна М. А. Лидеры реорганизации. М., 1980.
 4. Уиддет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям. М., 2003.
 5. Шарухин А. П. Психология менеджмента. СПб., 2005.
 6. Ghopade J. V. Job Analysis: A handbook of human resource directors. New Jersey Prentice-Hall, 1988.
 7. McClelland D. C. Testing for competence rather than for intelligence, American Psychologist. 1973. Vol. 28. P. 1–14.
 8. Pearn M. A., Kandola R. S. Job Analysis: A manager's guide. 2nd ed. L., 1993.
 9. Pearn M. A., Kandola R. S. Tools for Assessment and Development Centers. L., 1996.
 10. Webster's Unabridged Dictionary. 2nd ed. Random House, 2001.

Статья поступила в редакцию 20.04.2011 г.

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

УДК 398.843 + 398.865 + 811.112.28

Р. Ш. Абельская

«ОДЕССКАЯ» ПЕСНЯ: ГЕНЕЗИС И ЖАНРОВАЯ МОДЕЛЬ

Статья посвящена происхождению и жанровой принадлежности «одесских» песен, которые рассматриваются как разновидность городского песенного фольклора XX в. Впервые в качестве определяющего различительного признака «одесских» песен принята категория «еврейского». Исходя из этого доказываем, что жанровая модель «одесских» песен берет начало в песнях на идиш.

Ключевые слова: городской фольклор, уличные, «одесские» песни, низовая эстрада, «куплетный жанр», авторы куплетов, песни на идиш, жанровая модель, еврейские свадебные мелодии, фрейлехс и шер, общие ритмоинтонации.

«Одесские» песни относят к творениям городского песенного фольклора, которые принято называть «городскими», «уличными» или «блатными» песнями. В связи с отсутствием общепринятых дефиниций, мы остановились на следующем рабочем понимании жанра: «Уличные песни — это песни, бытующие в форме фольклора и изображающие, часто в поэтизированном виде, быт и нравы уголовной среды и городских низов» (формулируя определение, мы опирались на работы [1, 23]).

В немногочисленных исследованиях, где делаются попытки обозначить «одесские» песни как отдельную разновидность песенного фольклора, прослеживается общая тенденция: в качестве основного различительного признака в этих работах латентно выступает категория «еврейского», однако четко это никем не вербализовано [8, 517; 11, 310, 314; 29, 352; 31, 108–109].

Взаимодействие фольклора евреев и окружающих их народов Российской империи осуществлялось, по меньшей мере, с середины XIX в. — об этом

ABEL'SKAYA Раиса Шоломовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры интеллектуальных информационных технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (e-mail: rashelabelskaya@mail.ru).

© Абельская Р. Ш., 2011

свидетельствуют собиратели и исследователи еврейских народных мелодий [9, 13, 30]. Процессы такого рода происходили и в танцевальной, и в песенной сфере и касались как музыкальной, так и поэтической стороны фольклорных произведений [15, 12; 20, 369]. Рождению нового фольклорного явления способствовало несколько факторов.

Во-первых, в зоне взаимовлияний оказались крупные портовые города «черты оседлости» — Одесса, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, где евреи к началу XX в. составляли значимый процент населения (по переписи 1897 г., в Одессе проживало около 140 тыс. евреев — 34,4 % населения, в Екатеринославе более 40 тыс. — 36,3 %, в Ростове-на-Дону около 12 тыс. — 10 %) [28, 12]. При этом социально-экономическая обстановка (нищета еврейского населения) способствовала формированию еврейской маргинальной среды [12, 45], которая явилась источником сюжетов, персонажей, мелодий и ритмов нарождающегося фольклора. В этой среде возник и своеобразный русско-украинско-еврейский «язык», получивший впоследствии название «одесского» [3].

Во-вторых, к началу XX в. Одесса превратилась не только в урбанистический, но и в культурный центр российского еврейства [37]. Это, в частности, означало, что сформировался слой еврейских литераторов и журналистов, блестяще владевших русским языком и одновременно сохранивших идиш и еврейскую ментальность [19, 56, 58].

Наконец, *третий фактор* заключался в том, что в 1910–1920-е гг. особую популярность на эстрадных подмостках приобрел «куплетный жанр», представители которого выступали в городах Российской империи с юмористическими и сатирическими песенками и куплетами. Главным поставщиком гастролеров для всей страны была Одесса, которую артисты эстрады называли «фабрикой куплетистов». Успехом пользовался с начала XX в. «рваный» или «босаяцкий» сценический образ. Кроме того, «видное место на одесской эстраде тех лет занимали и так называемые “еврейские” куплетисты», исполнявшие «псевдоеврейские» песенки и куплеты [34, 77–78]. Многие выступали и в «еврейском», и в «рваном» образе, сочетание которых по логике вещей требовало и соответствующих песен.

Из литературы ясно, что «национальные образы» были объектами пародирования. Но кто были его субъекты, т. е. сами куплетисты, а также авторы текстов псевдоеврейских песенок, исполнявшихся с эстрады? Естественная загадка в том, что все они имели еврейское происхождение [35, 26–27]. Е. Д. Уварова, на работу которой мы ссылаемся, пишет об этом весьма осторожно, но сомнений данное обстоятельство ни у нее, ни у нас не вызывает. Она приводит единственный пример, когда куплетист русского происхождения В. Н. Давыдов попытался работать в «еврейском» образе, но был раскритикован прессой и отказался от этой идеи.

Известны и имена авторов, писавших куплеты для сцены, — это русско-еврейские (евреи, писавшие по-русски) поэты и журналисты [4, 268, 273–274, 276–278; 34, 103–105]. То есть в данном случае речь идет фактически не о пародировании «еврейского образа» и тем более не о подражании, а, скорее, о самопародировании. Определение «самопародия» в этом случае использует и Е. Д. Уварова [35, 27].

Часть имен, связанных с низовой эстрадой, фигурирует в научной и мемуарно-художественной литературе и как имена авторов или исполнителей популярных «одесских» песен (Я. Ядов, М. Ямпольский, П. Герман, В. Хенкин, Л. Утесов и др.) [6; 16, 357; 24, 274; 26, 85–87].

Итак, те «одесские» песни, авторы которых известны, не все создавались в Одессе, но все имеют еврейское происхождение: написаны поэтами-евреями, в них действуют персонажи с распространенными среди евреев именами, эти песни исполнялись куплетистами-евреями, зачастую на еврейские мелодии. В ряде случаев исполнителями использовался прием пародирования «еврейского образа», включавший обыгрывание элементов «одесского» языка.

Помимо авторских, существовало множество безымянных «одесских» песен и сценического, и в полном смысле слова уличного происхождения, в том числе криминальной или полукриминальной тематики. Низовая эстрада и улица взаимно подпитывали друг друга [33, 158–160]. Судя по топонимике уличных песен, «эпицентром их распространения, скорее всего, была Одесса» [25, 86]. Учитывая сказанное выше, логично предположить, что эпицентром распространения «одесской» разновидности уличных песен была не просто Одесса, а Одесса еврейская.

Тем не менее вопрос о генезисе этих песен остается актуальным. Многие из них принадлежат к пародийному жанру, а следовательно, независимо от этнического происхождения их авторов, могли бы рассматриваться как русские песенки, пародирующие один из «национальных образов» российской действительности.

Однако дело в том, что жанровую модель «одесских» песен, по-видимому, следует искать не столько в русской литературной песне и романсе (на которые, по мнению фольклористов, ориентировался в начале XX в. уличный песенный фольклор [2, 338–340; 14, 5–8]), сколько в фольклорной песне на идише. Искомая модель представляет собой синтез еврейской танцевальной песни, берущей начало в свадебном обряде [22, 535], еврейской воровской песни [16, 131–140] и русской литературной песни, влияние которой в русскоязычной городской среде, разумеется, нельзя игнорировать.

Чтобы убедиться в справедливости этих предположений, сравним некоторые особенности поэтики «одесской» песни, с одной стороны, с фольклорной песней на идише, с другой — с русской литературной песней и романсом предшествующего периода. Для простоты ограничимся рассмотрением строфики и метроритмики. Под строфой (песенным куплетом) здесь понимается ритмико-синтаксическая и смысловая единица стихотворного текста с устойчивой системой рифмовки [36, 116–126, 170, 174]; под метроритмом — совокупность стихотворного метра и песенного (пеонизированного) ритма.

Данные характеристики уличной песни определяются ее музыкальной составляющей — мелодией и музыкальным метром. Это связано с тем, что в большинстве случаев уличные песни поются на известные всем «прилипчивые» мелодии, зачастую сошедшие на улицу с эстрады. Такой была история «Кирпичиков» [7, 226], «Бубликов» [11] и других уличных шлягеров.

Музыкальная «строка» задает тексту песни свой музыкальный метр и ритм, в который может не укладываться метроритм строки стихотворной. В этом

случае стихотворные строки адаптируются к музыкальным — посредством переноса ударений или удлинения гласных. При этом музыкальный метр остается инвариантным. Следовательно, чтобы правильно определить метроритм песенной строки, необходимо знать, как она поется. В связи с этим в приводимых далее примерах по возможности учитывается нотная запись.

В смысле *музыкальном* метроритмика, например, «Мурки», написанной хореем, тождественна ямбической метроритмике «С одесского кичмана», так как, с точки зрения музыкального метра, хорей неотличим от ямба (во втором случае ямбическая анакруза переосмысливается как затакт). Ниже мы будем говорить о совпадении метроритмики именно в этом, «музыкальном» смысле.

Строфика изначально более точно согласуется с музыкальной структурой песни, чем стихотворный метр и ритм, так как количество и порядок чередования длинных и коротких строк, вид клаузул задаются строением музыкального периода.

Прежде чем проводить подсчеты, проиллюстрируем наш тезис об идентичности части «одесских» и идишских метро-ритмо-строфических (далее — МРС) структур. «Одесские»:

МУРКА

Знаете ль вы *Мурку*,
Мурку доро*гую*?
 Помнишь ли ты, *Мурка*, наш роман?
 Как с тобой люб*или*,
 Время провод*или*
 И совсем не знали про обман.

С ОДЕССКОГО КИЧМАНА

С о/*десского* кичма*на*
 Бе/*жали* два урка*на*,
 Бе/*жали* два урка*на* да на волю.
 Под / ёлочкой-малиной
 О/*ни* остано*вились*,
 О/*ни* остано*вились* отдохну*ть*.

[18, 130, 59]

Музыкально-ритмическое подобие обеих песен поддерживается 6-строчной строфой с рифмовкой типа abcdec (окказиональная нерифмованная клаузула в 3-й строке «С одесского кичмана» корректируется в следующих строфах). Косой чертой здесь и далее отмечен музыкальный затакт; полужирным курсивом — ударения, определяемые музыкальным ритмом. Строфу и того, и другого образца можно описать как П2, П2, П3, П2, П2, П3 — буквой П здесь и далее обозначен пеон (независимо от типа).

Сходные модели имеются среди еврейских фольклорных песен. В качестве примера приведем 1-ю строфу из песни «Сватья» (идиш), совпадающей по МРС-структуре с двумя вышеприведенными «одесскими» песнями:

МЕХУТЕНЕСТЕ

Меху/*te*-eneste ма*jne*,
 Меху/*teneste* getра*je*,
 Оj, / *lomir* zajn ojf е*jbik* мехуто*nim*.
 Ix / *gi*-ib аjх аве*k*
 Main / *to*xter far a *šnur*,
 Zi / *zol* ба аjх нит он*ve*-rn dos по*nim*.

СВАТЬЯ

Драго/*це*-енная сват*ья*,
 Что те/*бе* хочу сказа*ть* я:
 Се/*годня* с вами сча*стье* нас сродни*ло*.
 В не/*ве*-естки сво*ю*
 Я / *дочь* вам отдаю,
 Чтоб/*как* родную ма*ть* она вас чт*ила*.

[16, 60–61]

Этот и приводимые далее переводы передают метроритмику оригинала с максимально возможной точностью. Дефисы показывают дополнительные безударные слоги, возникающие при пении и соответствующие нотной записи.

Есть и другая разновидность этой строфы — 5-строчная, строение которой можно обозначить как ПЗ, ПЗ, П2, П2, ПЗ с рифмовкой типа абссб. Представление о ее вариантах дают «одесские» песни — «Гоп-со-смыком» и «Мясоедовская улица моя» [18, 21–22, 87–88].

Образцы мелодий с аналогичной МРС-структурой, так же как и в предыдущем случае, можно найти в еврейском песенном фольклоре:

JOSL

Oj, oj, oj / Jo-sl, Josl, Josl, Josl!
 Ix / xolem jeder na-axt nor fun dir.
 Un / gib der jejcer hore
 Nox a mol a tore,
 Jo-sl! Ix krapir nox dir.

ЙОСИК

Ой-ой-ой / Йо-оси-ик, Йосик, Йосик, Йосик!
 Но/чами я мечтаю о тебе.
 От / злого в человеке
 Из/бавься ты навеки,
 Йо-о-си-ик! Я люблю тебя.

[16, 322, 357]

Последний пример знаменателен тем, что поется на мелодию еврейской блатной песни, что косвенно подтверждает связь «одесских» песен с еврейским «воровским» фольклором.

Как иллюстрацию МРС-модели для «одесских» песен следующего типа, приведем 1-ю строфу из песни «Ты ведь говорил», близкой по строению к «одесской» песне «Свадьба в доме Шнеерсона» — это строфа 4ПЗ с рифмовкой АБАБ; различие между двумя образцами — в объеме затакта, что не меняет числа метрических долей в музыкальной фразе:

ТЫ ВЕДЬ ГОВОРИЛ

(пер. с идиша)

Ты гово/рил тогда, что ты еще
 мальчишка.
 Зачем же, / милый, ты мне голову
 вскружил?
 Ты гово/рил, что женихом мне
 быть не можешь.
 Зачем за /мно-ой ты все вре-е-мя
 ходил? [16, 174]

СВАДЬБА В ДОМЕ ШНЕЕРСОНА

У/жасно шумно в доме Шнеерсона,
 Се / тит зих хойшех, прямо дым идет...
 Там / же-е-енят сына Соломона,
 Ко/то-о-орый служит в Губтрамот.
 [17, 133]

В песне «Свадьба в доме Шнеерсона» *се тит зих хойшех* означает на идише «это ужасно» (искаженное).

Иллюстрацией строфики 3-го типа в «одесских» песнях (строфа 4П2) может служить припев песни «Ах, Одесса». Приведенный параллельно образец «Vern mir a hosn» («Женихом я стал») интересен тем, что в нем упоминается Одесса как символ счастья и благополучия:

VERN MIR A XOSN (3-я строфа)	АХ, ОДЕССА
Štelt men far mir varmes.	А-а-ах, Одесса,
— Na dir, xosn, es ,	Жем/ чу жина у моря,
— Un ix fil zix,	А-а-ах, Одесса,
Vi got in Odes.	Ты / зна ла много горя,
Вот несут жаркое.	А-а-ах, Одесса,
Кушай, женишок.	Ты / мой любимый край,
И я чувствую себя,	Жи/ ви , моя Одесса,
Как в Одессе бог. [16, 65]	Жи/ ви и процветай. [18, 63–64]

Чтобы убедиться, что *МРС*-модели «одесских» песен следует искать именно в идишских мелодиях и ритмах, мы должны либо исключить другие вероятные их источники, либо назвать эти источники и определить степень их участия в формировании обсуждаемого жанра.

Метроритмику «блатной» (в нашей терминологии — «уличной») песни исследовал А. Козьмин [21], не выделяя «одесские» песни в самостоятельную группу. Он сравнил метроритмику уличной песни (1930-е гг.) с метроритмикой песенной и книжной поэзии предшествующего и последующего периодов. Его анализ показал, что в отношении метрики уличная песня ближе всего примыкает к группам, которые хронологически следуют за ней — к советской поэзии (1940–1970-е) и бардовской песне (1960–1970-е) — и не могут являться ее «предками». Существенно дальше, чем советская и бардовская, отстоят от уличной песни соответственно русская литературная песня (1850–1910-е) и массовый романс (1890–1920-е).

Выводы А. Козьмина не противоречат идее об идишских корнях «одесской» песни. Благодаря его работе мы смогли сделать следующий шаг — сравнить *МРС*-структуру «одесской» песни с наиболее близкой метроритмически к уличной песне предшественницей — русской литературной песней, а кроме того, с фольклорной песней на идише.

Мы использовали три корпуса текстов. Первый — 43 текста «одесских» песен (сб. [10], всего в сборнике 195 песен), которые отбирались в соответствии со следующим критерием — присутствием в тексте одесской топонимики, и/или еврейской лексики, и/или еврейской ономастики — что коррелирует с критериями А. Башарина и Б. Сарнова. Второй корпус — 217 фольклорных еврейских песен (сб. [16], в корпус обследованных текстов вошли № 25–175, 190–255; это все разделы, кроме «Колыбельных песен» и «Песен без слов»). Третий — 214 текстов русских «литературных» песен и романсов, далее для краткости — русских литературных песен (сб. [27], в этой группе обследовались тексты разделов «Середина XIX — начало XX века», № 449–648, и «Песни неизвестных авторов середины XIX — начала XX века», № 649–662).

Мы подсчитали частотность появления характерных для «одесских» песен *МРС*-единиц в каждой из групп сравнения. Под *МРС*-единицей (сокращенно — *мрс-е*) мы подразумеваем минимальную метро-ритмо-строфическую структурную единицу песенного текста (например: «Свадьба в доме Шнеерсона» индексируется одной *МРС*-единицей, а «Граждане, купите папиросы!» — двумя, так как в этой песне различаются *МРС*-структуры запева и припева).

В процессе подсчетов выявились три большие группы *МРС*-моделей в «одесских» песнях: 1-я — все 5-, 6- и 7-строчники, которые мы объединили под названием «блатная строфа»; 2-я — четверостишия из 5- и 6-стопных двухсложников (строфа 4ПЗ) и 3-я — четверостишия из 3- и 4-стопных двухсложников (строфа 4П2). Первую группу мы разбили еще на две подгруппы:

1) термином «классическая блатная строфа» обозначили три однотипные *МРС*-единицы с одинаковым 3-строчным «замком» — 5-строчная (с рифмовкой типа adccd — как в песне «Гоп-со-смыком»); 6-строчная (с рифмовкой типа abdce)d — как в песне «Мурка») и 7-строчная (с рифмовкой типа abbdccd — как в запеве песни «Папиросы»);

2) термином «неклассическая» — все многообразие остальных 5-, 6- и 7-строчных *МРС*-единиц для двухсложных метров.

Это было сделано для того, чтобы показать круг предпочтений создателей «одесских» песен — из всего богатства 5-, 6- и 7-строчных *МРС*-моделей песен на идише в «одесские» вошла в основном малая их часть с наиболее симметричной строфикой (ее мы и назвали «классической блатной строфой»). Обследовались только двухсложники, как безусловно доминирующие в группе «одесских» песен. Тексты с другой метрикой попадали в графу «Прочие»; количество *МРС*-единиц для них приравнивалось к 1.

Результаты сравнительных подсчетов представлены в таблице.

Распределение *МРС*-единиц, % от количества материала в группе

I	II	III	IV	V	VI
<i>МРС</i> -единица	«Классическая блатная строфа» (5-, 6-, 7-строчная)	«Неклассическая блатная строфа» (5-, 6-, 7-строчная)	Строфа 4ПЗ	Строфа 4П2	Прочие
Группа обследованных текстов					
«Одесские» песни — 43; 56 <i>мрс-е</i> (100 %) (1900–1930-е)	26,8 (15 <i>мрс-е</i>)	8,6 (5 <i>мрс-е</i>)	21,4 (12 <i>мрс-е</i>)	26,8 (15 <i>мрс-е</i>)	16,4 (9 <i>мрс-е</i>)
	Всего «блатной строфы»: 35,4 (20 <i>мрс-е</i>)				
Еврейские песни — 217; 252 <i>мрс-е</i> (100 %) (1850–1920-е)	12,4 (30 <i>мрс-е</i>)	17,5 (44 <i>мрс-е</i>)	2,4 (6 <i>мрс-е</i>)	23,8 (60 <i>мрс-е</i>)	44,7 (113 <i>мрс-е</i>)
	Всего «блатной строфы»: 30,6 (74 <i>мрс-е</i>)				
Русские литературные песни — 214; 216 <i>мрс-е</i> (100 %) (1850–1910-е)	—	2,8 (6 <i>мрс-е</i>)	2,8 (6 <i>мрс-е</i>)	17,1 (37 <i>мрс-е</i>)	78,3 (169 <i>мрс-е</i>)
	Всего «блатной строфы»: 2,8 (6 <i>мрс-е</i>)				

Проанализируем полученные результаты.

Столбец I. Легко подсчитать разность между количеством *МРС*-единиц и количеством текстов в группе: для «одесских» песен — 13 шт. (30 % от числа текстов данной группы), для еврейских — 35 шт. (16 %), для русских литературных — 2 шт. (1 %). (Расчет разности между числом *МРС*-единиц и числом текстов в группе — для «одесских» песен: $13 = 56 - 43$; для еврейских: $35 = 252 - 217$; для русских литературных: $2 = 216 - 214$.) Эти цифры показывают, что «одесские» песни, во-первых, активно используют 2-частные формы, во-вторых, существенно ближе в этом отношении к еврейским фольклорным образцам, чем к русским литературным, которые в подавляющем большинстве случаев построены на одной *МРС*-формуле.

Столбцы II, III. Как видим, «классическая» строфа, на которую в группе «одесских» песен приходится 26,8 % материала, значительным числом образцов представлена и в песнях на идише (12,4 %) — в отличие от русских литературных песен, где эта строфа полностью отсутствует.

Вкупе все виды 5-, 6- и 7-строчников (*II + III стлб*) дают для «одесских» и еврейских песен 35,4 % и 30,6 % соответственно, в то время как для русских литературных — только 2,8 %. Таким образом, русские литературные песни не могут претендовать на роль источника «блатной строфы» «одесских» песен.

Столбец IV. Где искать прототип строфы 4ПЗ — посредством наших подсчетов определить не удастся, так как число таких *МРС*-единиц в обеих группах сравнения оказалось незначительным и практически неразличимым (2,4 % и 2,8 %). Однако более тонкий анализ позволяет утверждать, что и в этом случае «одесская» песня ближе к песне на идише, чем к русской литературной песне.

Как следует из таблицы, в группе русских литературных песен имеется 6 образцов с 4-строчной строфой, состоящей из 5- или 6-стопных двухсложников. Все это — популярные романсы (сб. [27], № 633, 455, 522, 611, 612, 620). Однако, несмотря на сходство *МРС*-структур, между ними и «одесскими» песнями есть существенные различия. Метроритмика романсов варьируется: строки разноstopны, разделены свободной цезурой, что обогащает интонацию романсовыми «придыханиями», но приводит к исключению танцевальности, которая требует простого и четкого ритма.

Песни «одесские» и идишские с данной *МРС*-структурой, напротив, имеют постоянную stopность, альтернирующий ритм, поются исключительно на танцевальные мелодии. Мы уже приводили в качестве примера строфики 4ПЗ первую строфу «одесской» песни «Свадьба в доме Шнеерсона» и идишской — «Ты ведь говорил» с идентичной *МРС*-структурой. В примечаниях к последней песне указано на происхождение мелодии — «свадебный танец шер» [16, 345].

В целом относительно 6 образцов идишских песен (сб. [16], № 138, 143, 145, 241, 254, 255) в *стлб IV* можно утверждать, что их *МРС*-структура близка *МРС*-структуре «одесских» песен соответствующей группы. Типологическая близость объясняется общим для обеих групп характером танцевальности, или, пользуясь термином Б. Асафьева, — общими *ритмоинтонациями* [5, 499] еврейских свадебных танцев — шеров и фрейлехсов (о совпадении ритмоинтонаций шеров и фрейлехсов см. [32]).

Столбец V. Менее очевидны результаты для 4-строчной строфы, состоящей из 3- и 4-стопных двухсложников (4П2). По распространенности данной МРС-модели (26,8 %) «одесская» песня также ближе к идишской (23,8 %), чем к русской литературной песне (17,1 %). Но в связи с тем, что этот тип строфики представлен в русских литературных песнях сравнительно широко, его возможное влияние должно учитываться.

Столбец VI. За пределами выявленных «одесских» типологических МРС-структур осталось около 16 % «одесского» материала в ритме модных в начале XX в. «заграничных» танцев — вальса, аргентинского танго и др., — которые требуют дальнейшей классификации, а также около 45 % строфики еврейских и около 78 % — русских литературных песен.

Следовательно, в формировании 84 % «одесских» песен, т. е. определяющей по объему части «облика» интересующего нас жанра, участвовало более половины (55 %) МРС-моделей еврейских песен и существенно меньше — около пятой части (22 %) — русских литературных песен. Эти цифры получены следующим образом: $84\% = 100\% - 16\%$ (для «одесских» песен); $55\% = 100\% - 45\%$ (для еврейских песен); $22\% = 100\% - 78\%$ (для русских литературных песен).

В итоге в отношении русской литературной песни «одесская» песня дает возможную сравнительно слабую связь с четверостишиями из 3-стопных двухсложников и отдаленные переключки с романсом — что согласуется с результатами А. Козьмина. В то же время в еврейской фольклорной песне бесспорно имеются источники МРС-моделей «одесской» песни — в наибольшей степени это касается «классической блатной строфы».

Сам тип музицирования в «одесских» песнях соотносится с традицией свадебной игры «фрейлехс», «мелодии которой представляют собой своеобразный сплав песенности и танцевальности» [22, 535]. Иными словами, происхождение «одесских» песен, не имеющих определенной МРС-модели в русской песенно-поэтической традиции, обнаруживает отчетливые черты такой модели в фольклорной песне на идише.

Ритмоинтонации еврейских песенно-танцевальных мелодий определили музыкальный, а вслед за этим и поэтический облик «одесской» песни. Они органично влились в русский интонационный «тезаурус», с одной стороны, обогатив его новыми МРС-моделями, с другой — соединившись с русской стихотворной речью, которая легко и весело растворила в себе их забавный и необыкновенно притягательный «еврейский акцент».

1. *Абельская Р. Ш.* «На мне костюмчик серый-серый...» (поэтика Б. Окуджавы и блатная песня) // *Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве.* М., 2004. С. 146–165.

2. *Адоньева С., Герасимова Н.* «Никто меня не пожалеет...»: Баллада и романс как феномен фольклорной культуры нового времени // *Современная баллада и жестокий романс.* СПб., 1996. С. 338–365.

3. *Аеров М.* История евреев Одессы в городском фольклоре. Уникальность и происхождение одесского языка [Электронный ресурс] // *История евреев — наша история: материалы III регион. молодеж. конф. Одесса, 2003.* URL: <http://www.migdal.ru/migdal/events/youth-confs/3/8139/3780/>

4. Александров Р. Истории «с раньшего времени». Одесса, 2002.
5. Асафьев Б. В. О себе // Воспоминания о Б. В. Асафьеве. Л., 1974.
6. Бахтин В. Забытый и незабытый Яков Ядов // Нева. 2001. № 2.
7. Бахтин В. Кирпичики // Там же. 1997. № 10. С. 229–232.
8. Башарин А. С. Городская песня // Современный городской фольклор : сб. ст. М., 2003. С. 503–533.
9. Береговский М. Взаимные влияния в еврейском и украинском фольклоре // Радянська музика. 1936. № 5. С. 30–50.
10. Блатные песни: «Цыпленок жареный». М., 2005.
11. Богомолов Н. К истории «Бубликов» // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М., 2002. Т. 6. С. 309–315.
12. Бродовский И. Еврейская нищета в Одессе // Книжки «Восхода». 1901. № 5. С. 45.
13. Гольдин М. О связях в музыкальном творчестве евреев и соседних народов Восточной и Центральной Европы // Народная музыка: история и типология : сб. науч. тр. Л., 1989. С. 89–104.
14. Гусев В. Е. Песни и романсы русских поэтов // Песни и романсы русских поэтов. М. ; Л., 1963. С. 5–48.
15. Добрушин И. М. Еврейская народная песня // Еврейские народные песни. М., 1947. С. 5–29.
16. Еврейская народная песня / сост. М. Д. Гольдин. СПб., 1994.
17. Жемчужина у моря: Песни и забытые танцевальные мелодии / сост. А. Теплиш. Одесса, 1998.
18. Запрещенные песни / сост. А. И. Железный и др. М., 2002.
19. Зихер Э. Бабель, Бялик и другие // Параллели : рус.-евр. ист.-лит. и библиогр. альм. М., 2007. № 8–9. С. 56–76.
20. Каплан А. Л. Народная песня в общем русле еврейской культуры // Еврейская народная песня. С. 361–370.
21. Козьмин А. В. Метрика и ритмика «блатной» песни 1920-х — 1930-х гг.: как новое возникает из старого // The Case of the Avant-Garde / ed. W. G. Weststeijn. Amsterdam, 2008. P. 397–412.
22. Краткая еврейская энциклопедия : в 11 т. Иерусалим, 1976–2005. Т. 5.
23. Левин Л. И. Блатная песня // Эстрада в России. Двадцатый век. Лексикон. М., 2000. С. 72.
24. Неклюдов С. Ю. «Все кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник : ист.-филол. сб. к 60-летию Р. Д. Тименчика. М., 2005. С. 271–303.
25. Неклюдов С. Ю. Столичные и провинциальные города в городской песне XX века: топика и топонимика // Europa Orientalis. 2003. Vol. 22, № 1. P. 80–88.
26. Паустовский К. Время больших ожиданий // Собр. соч. : в 9 т. М., 1982. Т. 5. С. 6–212.
27. Песни и романсы русских поэтов / сост. В. Е. Гусев. М. ; Л., 1963.
28. Полищук М. Евреи Одессы и Новороссии: социально-политическая история евреев Одессы и других городов Новороссии. 1881–1904. Иерусалим ; Москва, 2002.
29. Сарнов Б. Поправки или догадки? // Вопр. лит. 1997. № 4. С. 350–353.
30. Слепович Д. Клезмер как феномен еврейской муз. культуры в Вост. Европе // Judaica Rossica. М., 2003. Вып. 3. С. 101–117.
31. Соколова И. Авторская песня: от фольклора к поэзии. М., 2002.
32. Столяр З. Л. Еврейская и молдавская музыка: сходство и различия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sem40.ru> (дата обращения: 30.04.2008).
33. Стратен В. В. Творчество городской улицы // Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2–3. С. 143–162.
34. Териков Г. Куплеты в цирке и на эстраде. М., 2005.
35. Уварова Е. Д. Как развлекались в российских столицах. СПб., 2004.

36. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. СПб. ; М., 2004.
37. Ципперштейн С. Евреи Одессы: история культуры, 1794–1881 / научн. ред. и пер. с англ. А. Локшина. Иерусалим, 1995.

Статья поступила в редакцию 07.12.2010 г.

УДК 316.346.32–053.9 + 316.4.051.6

П. А. Амбарова

КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ «СОЦИАЛЬНЫХ ЧАСОВ»: «СЕРЕБРЯНЫЙ ВОЗРАСТ» ИЛИ «ВОЗРАСТ НЕВИДИМКИ»?

Проанализированы результаты культурологических, социологических, демографических исследований, а также обыденных наблюдений, связанных с представлениями о старости в различных культурах. Рассмотрены тенденции изменения «социальных часов» геронтологических групп под влиянием демографических процессов и процессов модернизации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурные заимствования, культурные традиции, межкультурные различия, «социальные часы».

Процессы мировой интеграции, в которые включены различные регионы и страны мира, подразумевают заимствования, разнообразные по объему, уровню, направленности и результатам. В силу многочисленных межкультурных барьеров автоматический перенос социокультурного опыта невозможен. Требуется его адаптация к условиям конкретной страны, подразумевающая ограничения, структурно-функциональные изменения и другие трансформации.

Отношения между возрастными группами, так же как и гендерные отношения, являются одними из самых консервативных элементов культуры, поскольку они участвуют в построении и сохранении общего порядка социальной системы. Межкультурные различия в данных сферах воспринимаются наиболее инtolерантно. Философские и культурологические исследования старости отражают культурную специфику в понимании возраста и предписанности возрастных моделей поведения. Труды Ф. Арьеса и М. Вовелля [1, 13], раскрывающие западноевропейский взгляд на старость, в то же время показывают его глубокую укорененность в общественном сознании современных поколений. В связи с этим культурную вариативность «социальных часов», характерных для геронтологической группы, можно рассматривать как важный фактор влияния на практику межкультурных заимствований.

Нужно признать тот факт, что и в традиционных обществах, которые включены в процессы модернизации и глобализации, и в обществах индустриального

АМБАРОВА Полина Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (e-mail: borges75@mail.ru).

© Амбарова П. А., 2011

и постиндустриального типов наблюдается постепенное изменение устоявшихся взглядов на старость и отношения к старым людям. Однако не везде такие изменения воспринимаются как желательное и необходимое следствие развития социума. В ситуации «ментальных движений» культурные заимствования приобретают чрезвычайно сложный характер и трудно предсказуемые последствия. Рассмотрим основное содержание и наиболее существенные изменения «социальных часов» геронтологических групп некоторых восточных и западных стран.

Критериями межкультурного сравнения может служить возрастной порог, отделяющий зрелость от старости, а также ролевой набор, закрепленный за данной группой культурной традицией.

Первоначально критерием старости служила нетрудоспособность человека, а в современном обществе — получение права на пенсионное обеспечение [7, 62]. Возраст выхода на пенсию, установленный законодательно, варьируется. В США и Германии он отнесен к 65/65 годам (первая цифра показывает пенсионный возраст мужчин, вторая — женщин), в Японии наступает в 70/70 лет, России — 60/55, Англии — 65/60. В то же время есть страны, в которых либо отсутствует система пенсионного обеспечения (например, в Китае ею охвачены только некоторые категории горожан), либо вводятся системы «гибкой пенсии» (Швеция, Дания), предусматривающие «скольжение» пенсионного возраста. В этих случаях формально установленный возраст перехода от зрелости к старости отсутствует.

Немаловажно и то обстоятельство, что календарный возраст — это достижение современного общества. В прошлом люди затруднялись назвать дату своего рождения и связывали ее с каким-то значимым природным или историческим событием. И сегодня календарный возраст старости не во всех случаях может служить релевантным критерием кросскультурного сравнения, поскольку зависит от уровня экономического развития страны, состояния системы социального обеспечения, деятельности профсоюзов, продолжительности жизни, качества здоровья и уровня трудоспособности населения.

Большее значение для исследования «социальных часов» имеют представления о социальном возрасте, который определяется не столько внешними признаками, сколько изменениями в социальной деятельности и отношениях. Поэтому глубинные межкультурные различия лучше всего отражает ролевой набор, закрепленный за старшей возрастной группой. Отношение к пожилым людям определяется их участием в общественной жизни, объемом прав, авторитетом. «В современных обществах, — отмечает А. Смолькин, — совет старейшин может играть значительную роль в культурной и политической жизни там, где наблюдается стремление противопоставить модернизации, вызванной внешними влияниями, традиционные ценности (например, современные исламские государства); порой он выступает как интегрирующий фактор в молодых государствах с трибалистической социальной структурой, что особенно характерно для стран Африки» [10].

Развитие европейского понимания старости напоминает движение маятника: от признания старости как концентрата мудрости и механизма передачи социокультурного опыта до полного ее отрицания как ценности и естественного

состояния человека. Переход от традиционных взглядов на старость произошел примерно в XVI в. и обозначился словами М. Лютера: «Старость — это живая могила». С этого момента геронтофобия набирает силу. В XX в. она получает свое логическое завершение в противопоставлении молодости и старости как ценности и антиценности и социальной изоляции и депривации старшего поколения. Не случайно появилось одно из названий этого периода жизни человека — «возраст невидимки».

Для индустриальных и постиндустриальных культур стало характерным четкое разделение возрастных когорт и соответственно четкая дифференциация желательных социальных ролей. Геронтологические группы стали рассматриваться как суб- или даже контркультурные группы, а в механизме передачи социокультурного опыта они потеряли роль субъекта трансляции ценностей и превратились в ее объект.

Сложившаяся к XX в. западноевропейская модель старости объясняется теорией жизненного пути. Согласно ей, жизнь человека концентрируется вокруг трудовой занятости и семьи. Старость и старение исключают активный и продуктивный труд, сопровождаются потерей способности к деторождению и разрушением социальных связей и отношений с друзьями, коллегами, взрослыми детьми. Соответственно старость рассматривается как отклонение от нормы, нежелательное состояние человека.

Н. В. Игнатьева полагает, что старость олицетворяет для западной культуры все то, что вступает в противоречие с актуальными ценностями индустриального и постиндустриального социума, такими как личный успех, достижения, результат, материальное благосостояние, динамичность, мобильность, т. е. ценностями, вытекающими из «молодого состояния». «Третий возраст», по ее мнению, как потенциальная возможность развития человечества в современной культуре не только негативизируется, но и игнорируется или даже отрицается [5, 4].

В конце XX в. во взглядах на старость наметилось возвратное движение. Состояние постиндустриальных обществ и обществ переходного типа, к которым относится Россия, во многом стало определяться старшим поколением, хотя этот объективный факт не всегда признается и учитывается в реальной социальной практике. Старение населения развитых стран, названное «тихой революцией» [4], закономерно приводит к экономической, социальной и культурной переоценке значения старшего поколения и старости в целом. Под влиянием многочисленных демографических и геронтологических исследований пересматриваются возможности сохранения и использования человеческого капитала старшего поколения.

Новая модель старости расширяет диапазон социальных ролей, доступных старшему поколению. «Возраст невидимки» превращается в «серебряный возраст», с наступлением которого социальные роли предыдущего периода не утрачиваются, а трансформируются. Нельзя согласиться с А. Смолькиным в том, что для западной культуры характерно «исчезновение» старости [10]. В западноевропейской и североамериканской культурах представления о старости и ее оценки стали более дифференцированными. Увеличение продолжительности жизни и ранний выход на пенсию в развитых странах послужили основой

деления «третьего возраста» на три части — пожилой возраст, старость и дряхлость, называемую «четвертым возрастом». В этом видится качественное отличие постиндустриальных обществ от традиционных, для которых такое деление не характерно.

В США и Европе позитивно оцениваются «молодые старики» — молодые не по возрасту, а по жизненной позиции и выполняемым социальным ролям. «Молодые старики» — это те, кто много путешествует, активно занимается общественной деятельностью, кто приобретает новые профессии, организует свой бизнес, вступает в новый брак [8]. Негативно воспринимается традиционная старость с характерными для нее пессимистическим взглядом на себя и окружающий мир, заикленностью на болезнях и оторванностью от людей. Таким образом, в социальной практике «работают» концепции успешной старости и социального ухода.

Как известно, научные теории являются отражением и вербализацией витающего в воздухе общественного мнения. Первая установка, характерная для общественного сознания современных американцев и европейцев, объясняется и поддерживается теорией, согласно которой человек в пожилом возрасте должен быть активным членом общества, по возможности сохранять стиль жизни и ценностные установки среднего возраста. Необходимо преодолевать возрастные стереотипы, в соответствии с которыми должны быть утрачены интимные отношения, социальная и сексуальная активность или ролевые функции, свойственные среднему возрасту. Для этого необходимо заменить прежние социальные отношения новыми [6, 6].

Вторая концепция — освобождения, или «социального ухода» — содержит негативный образ старости, в большей степени характерный для российской культуры. Согласно ей, старость представляется как утрата социальных ролей, присущих среднему возрасту, — увольнение с работы, расторжение социальных связей, потеря друзей — и подготовка к смерти [11, 24]. Заметим, что последняя социальная роль существенно меняется от культуры к культуре. По мнению Ф. Арьеса, отношение к смерти играет особую роль в формировании картины мира той или иной социокультурной общности и может пролить свет на отношение ее представителей к жизни и другим ценностям [1, 17]. Так, например, в западных культурах существует неформальное табу на тему смерти, а практика похорон почти лишена публичности, ритуальные действия минимизированы. Напротив, в традиционных культурах подготовка к смерти (духовная и практическая) играет ключевую роль в жизни пожилого человека, а деятельность по подготовке и осуществлению похорон институционализирована.

Новые для западных обществ представления о социальном времени «серебряного возраста» и складывающиеся на их основе социальная политика и социальная практика активизации старшего поколения представляются эффективной стратегией укрепления социально-экономического и социокультурного потенциала общества. В то же время перспективы заимствования такой модели старости странами других регионов мира выглядят несколько туманными.

Несмотря на культурное разнообразие Востока, можно обозначить общие для различных стран черты в представлениях о старости. Традиционное для

них предельно уважительное отношение к старым людям в целом сохраняется и сегодня [2, 121]. Например, в современном Узбекистане по-прежнему принято обращение к родителям и прародителям на «Вы», при каждом посещении отдельно живущих престарелых родственников дети приносят подарки, продукты питания. В ближневосточных культурах старость все также рассматривается как время максимального накопления мудрости, подведения итогов жизни, приближения к вечности и запредельному миру и в некоторых случаях даже проникновения в него. Возраст дает право на авторитет и заботу в семье, социальной группе и обществе при условии соответствия человека образу и поведению, предписанному традицией данному возрасту.

В историческом прошлом Индии «возраст случался» примерно в 40–60 лет, после замужества или женитьбы детей и передачи молодым функций хозяев дома. По данным И. Глушковой, в современной Индии нижний порог старости относится к 55 годам. Индийских государственных служащих в обязательном порядке отправляют на пенсию в 58 лет, университетской профессуре разрешают преподавать до 60 лет [3]. Культурное, этическое и религиозное многообразие Индии препятствуют унификации представлений о возрасте наступления старости и представлений о ней. Тем не менее водораздел между 50 и 60 годами субъективно воспринимается большинством как наступление старости [3]. Сферой самореализации старых индийцев, правда только избранных, является политика и общественная деятельность. Нижняя граница возраста для вступления на пост президента — 35 лет, верхней границы не существует. Сегодняшнему президенту Индии Пратибхе Патил 77 лет (заняла президентский пост в 73 года), премьер-министру Манмохану Сингху — 79 лет, министру сельского хозяйства Шараду Павару — 71 год, Капилу Сибалу, министру связи — 63 года. «Рядовые» же старики «отлучены» от активной общественной и трудовой деятельности: присматривают за внуками, становятся паломниками, уходят в города вдов или готовятся к смерти в священном городе Варанси. До сих пор, несмотря на законодательный запрет сати и меры по защите женских прав, индийские вдовы попадают в социальную изоляцию и не могут выполнять обычные для стариков социальные роли.

В отличие от Индии в современном Китае интенсивность и масштабы модернизации, а значит, и темпы формирования постиндустриального общества, значительно выше. Однако в общественном сознании по-прежнему сохраняется принцип «сяо», означающий комплекс этических правил, регламентирующих уважительное отношение к пожилым людям. Правила «сяо» являются не только идеалом, но в большинстве случаев реальной поведенческой установкой. В Китае «молодой человек, — приводит пример собственных наблюдений профессор-синолог Е. Ю. Стабурова, — обязательно подставит руку пожилому, когда он спускается или поднимается по лестнице, постарается чем-то услужить старшему гостю, проводить до двери... Или... одна девушка рассказывает, что купила в столице двухкомнатную квартиру и... отдала эту квартиру своим родителям, а сама живет сейчас в общежитии. Для нас практически невероятная ситуация, а там — вполне нормальная» [9].

Однако следует отметить, что стремительное «постарение» Китая, которое серьезно увеличивает демографическую нагрузку, подрывает принципы «сяо». Оказание уважения и помощи старикам переходит из категории индивидуального морального долга в категорию социальной ответственности общества, т. е. начинает приобретать обезличенный, формальный характер. Доказательством служит увеличение случаев агрессии против стариков и числа домов для их содержания. Кстати, нужно отметить, что и в Китае, и в Индии приняты законы, обязывающие детей заботиться о престарелых родителях. В качестве наказания закон предусматривает лишение свободы. Наметившиеся тенденции к изменению культурных традиций получили негативные оценки в общественном мнении этих стран. Разрыв поколенческих связей и стратегии восстановления статуса старшего поколения, характерные для западной культуры, не воспринимаются как неотъемлемые атрибуты модернизации. Поэтому в этих культурах складывается модель старости, отличная от западных образцов.

Что же касается России, то здесь сложился весьма устойчивый негативный образ старости. С одной стороны, произошло разрушение уважительного отношения к старости и старикам, связанное с девальвацией ценностей традиционной культуры, переходом к префигуративной культуре, ориентированной на ценности молодежной культуры, с чрезвычайно низким качеством жизни старшего поколения россиян. С другой стороны, отсутствуют условия для реализации европейской модели успешной старости. В условиях тотального дефицита экономическая активность старшего поколения составляет конкуренцию более молодым поколениям. Концепция университетов «третьего возраста», способная изменить общественное мнение и обновить человеческий и социальный капитал старшего поколения, только начинает воплощаться в жизнь. Все это определяет негативное содержание представлений о старости в российской культуре и ее низкое положение в иерархии престижа возрастных состояний. В современном обществе понятие «старость» стало синонимом неуспеха, потерь, отсталости. Соответственно, набор социальных ролей, отведенных пожилым, ограничивается традиционным присмотром за внуками, ведением домашнего и приусадебного хозяйства. Он исключает активное участие в общественной, экономической, культурной, профессиональной сферах [12, 4].

В то же время пожилые россияне, хотя бы в силу увеличения их доли в структуре населения и наличия мощного образовательного и профессионального капиталов, не могут не учитываться при разработке концепций социально-экономического и культурного развития общества. В этом случае заимствование западной модели успешной старости и ее адаптация к современным социальным условиям и традициям России могли бы стать одним из способов решения проблемы старшего поколения.

-
1. *Арбес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.
 2. *Вольнская Л. Б.* Престижность возраста // Социс. 2000. № 7. С. 120–124.
 3. *Глушкова И.* «Возраст случился»: модель и антимодель индийской старости [Электронный ресурс] // Отеч. записки. 2005. № 3. URL: strana-oz.ru/?numid=24&article=1079.

4. *Денисенко М.* Тихая революция [Электронный ресурс] // Отеч. записки. 2005. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=24&article=1062>.
5. *Игнатьева Н. В.* Культурный потенциал «третьего возраста» : автореф. дис. ... канд. культурол. наук. Челябинск, 2005.
6. *Козлов А. А.* Теории и традиции западной социальной геронтологии // Психология старости и старения : хрестоматия / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М., 2003.
7. *Молевич Е. Ф.* К анализу сущности и формы социальной старости // Социс. 2001. № 4. С. 61–64.
8. *Пайфер М.* Иная страна. Как не заблудиться в эмоциональном мире пожилого человека [Электронный ресурс] // Отеч. записки. 2005. № 3. URL: www.strana-oz.ru/?numid=24&article=1065.
9. *Севидова Н.* Старость — это остров, на котором человек остается в одиночестве [Электронный ресурс] // RELGA. 2011. № 06 (224). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?>
10. *Смолькин А.* Исторические формы отношения к старости // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: [strana-oz.ru/?numid=24&article=1077](http://www.strana-oz.ru/?numid=24&article=1077).
11. *Феофанов К. А.* Старость в современном обществе: Руководство по геронтологии // Психология старости и старения. С. 29–35.
12. *Хозина Ж. В.* Социально-культурная активизация лиц третьего возраста как условие преодоления эйджизма: на примере Великобритании : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.
13. *Vovelle M.* La mort et l'Occident. De 1300 a nos jours. Gallimard, 1983.

Статья поступила в редакцию 20.04.2011 г.

УДК 821.161.1–31 + 316.346.2–055.1 + 316.346.2–055.2

М. Н. Дудина

**ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК «ПУЧИНА ЗАБЛУЖДЕНИЯ»
МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ»
Л. Н. ТОЛСТОГО**

Вопросы об отношениях между мужчинами и женщинами (гендерные вопросы), поставленные Л. Н. Толстым, рассматриваются как педагогическая проблема, связанная с нравственным воспитанием.

Ключевые слова: проблема человека и «пола в нем», гендерные проблемы, гендерные вопросы образования и воспитания.

Вся жизнь человеческая не имеет другой цели, как большее и большее уяснение, утверждение, упрощение и общедоступность нравственной истины.

Л. Н. Толстой

Минуло 100 лет со дня смерти Льва Николаевича Толстого. Уже век мы живем без него, но поставленные им проблемы не теряют своей актуальности.

ДУДИНА Маргарита Николаевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (m-dudina@mail.ru).

© Дудина М. Н., 2011

Его философское, художественное и педагогическое творчество имело единую смысложизненную корневую систему, связанную с нравственностью человека. Великий писатель не мог обойти один их «самых жгучих, общих и производящих наибольшие бедствия вопросов» — проблему гендера. Он писал не только о «пучине» отношений между полами, но и о том, как можно спастись.

Вторая половина XIX в. была временем распространения идей феминизма, выступлений суфражисток, отстаивающих свои права («Сами себе дали свободу, а женщину хотите в терему держать. Сами небось себе все позволяете»), и вопрос о разводе все больше занимал общественное мнение. Не случайно именно в это время появились «Крейцера соната» и «Послесловие» к ней (1891). Повесть (в восьмой, еще незавершенной редакции) быстро распространилась, ее переписывали от руки, размножали на литографах и гектографах. Она «всех подняла, задела за живое» (Т. А. Кузминская), «самые важные политические события редко завладевали всеми с такой силой и полнотой (С. А. Толстая). Цензура запретила печатать повесть. Обращение С. А. Толстой к министру внутренних дел И. И. Дурново не дало результата, она была вынуждена обратиться к государю (чему Л. Н. Толстой был «вовсе не рад»), и он обещал разрешить публикацию. Остроту фабулы определяют «женский вопрос» и вопросы нравственности отношений между мужчиной и женщиной в браке.

С полной уверенностью можно утверждать, что все в этой повести важно для современного читателя, живущего в значительно изменившихся жизненных реалиях. Современные женщины, во всяком случае европейского образца, «бегущие за мужчинами», стремящиеся отвоевать все, что относят к дискриминации, получили, кроме политических прав, еще и право на развод, аборт, свободу половых отношений, добрачные связи. И как следствие, рост количества детей-отказников, сирот при живых родителях. Последствия подобных «достижений» Толстой предугадал в общих чертах. Что касается конкретики отношений между полами, то вряд ли кто на рубеже XIX–XX вв. мог предположить, что человечество в будущем подвергнется разнузданной пропаганде секса, широкому распространению порнографии в СМИ, кино, видео, на телеэкране, в Интернете и, увы, в литературе, музыке, живописи. Целомудрие и воздержание высмеиваются, негласно поощряются ранние половые отношения. Отсюда рост инфекций, передаваемых половым путем, ухудшение общего здоровья молодежи, женщин и мужчин, нарастание количества хронических болезней, рост психологической и социальной агрессивности, числа суицидов.

В такой ситуации привычные понятия «пол», «половое воспитание», «женское и мужское воспитание» стали явно недостаточными. И в последней трети XX в. произошло разграничение понятий социального пола (англ. *gender*) и биологического (англ. *sex*). Были введены понятия «гендер», «гендерное воспитание», «гендерная идентичность». Объяснение этому лежит в стремлении разграничить названные понятия, за которыми стоят динамичные процессы, требующие анализа, социального моделирования, развития социальной практики, а не только описания смысловых социокультурных характеристик пола. Поскольку социальный пол конструируется самой жизнью, в значительной степени обусловленной воспитанием, постольку встает вопрос о педагогике,

берущей определенную ответственность за моральные, нравственные нормы мужской и женской сущности. Современное гендерное воспитание исходит из сложившихся в историческом пространстве-времени социокультурных представлений о том, что не пол принадлежит человеку, а человек полу.

Динамично нарастающие уже во времена Толстого деформации свидетельствовали о «пучине заблуждения» между полами и вели к мощнейшим изменениям, которые он видел, о которых писал или которые только предугадал как великий мыслитель, художник, психолог и педагог, и со многим из того, что наблюдал, не мог согласиться, будучи христианским этиком. «Можно не принимать учения Христа, того учения, которым проникнута вся наша жизнь и на котором основана вся наша нравственность, но, принимая это учение, нельзя не признавать того, что оно указывает идеал полного целомудрия», — писал Толстой [1, 206].

«Крейцера соната» своевременно и остро поставила эти жизненные вопросы, чем и объясняется неослабевающий интерес к повести. Повествование начинается с того, что в вагоне поезда идет оживленный разговор об отношениях между мужчинами и женщинами, о браке и любви, о супружеской верности. Как уж здесь не вспомнить старину, «Домострой живой», с его «диким понятием о женщине и браке». Курящая дама в полумужском пальто, «желая уязвить» собеседника, старалась быть убедительной: «Ведь это только животных можно спаривать, как хозяин хочет, а люди имеют свои склонности, привязанности» [1, 126]; «брак без любви не есть брак... только любовь освещает брак и... брак истинный только тот, который освещает любовь» [Там же, 128]. Однако собеседники затрудняются определить, что такое любовь, то «чувство, которое называется любовью и которое дается не на месяцы и годы, а на всю жизнь».

Участники спора разделяют «плотскую любовь» и любовь, основанную на «единстве идеалов», «духовном сродстве». Герой повести рассуждает, что «разврат ведь не в чем-нибудь физическом, ведь никакое безобразие физическое не разврат; а разврат, истинный разврат именно в освобождении себя от нравственных отношений к женщине, с которой входишь в физическое общение» [Там же, 133]. В этой «пучине заблуждения» «все навыворот, все навыворот!» [Там же].

Многое из того, что талантливо описано в этом художественном произведении, предугаданные автором последствия отказа от традиционной гендерной схемы, мы наблюдаем сейчас: это ослабление поляризации женской и мужской социальных ролей, нивелирование норм поведения и изменение психологии женщин и мужчин, культурных стереотипов, трансформации брачно-семейных отношений, телесного и языкового канона, ослабление моральных запретов (вплоть до гипертрофированных, экстремистских форм).

Истоки гендера уходят в биологическую сущность человека, он сексуально активнее животного. В «Крейцеровой сонате» немало сравнений человека с животным: например, персонаж повести Позднышев, убивший жену из ревности, неоднократно употребляет слова «свинство», «свинячий», «свиное», «свиная связь». Это *антропологический аспект проблемы*: «Мужчина и женщина сотворены так, как животное, так что после плотской любви начинается беременность, потом кормление, такие состояния, при которых для женщины, так же

как и для ее ребенка, плотская любовь вредна, — рассуждает герой. — Женщин и мужчин равное число... И не нужно большой мудрости, чтобы сделать из этого тот вывод, который делают животные, то есть воздержание» [1, 151].

Да, в отличие от животного, человек «недоделанный» природой (или Богом), он — «спецпроект», получивший свободу, он — открытая возможность, и не только в половом отношении, «половой энергии, но и в энергии пола» (В. В. Зеньковский). Именно здесь встает со всей остротой вопрос об отцовстве. Возникает запрет на свободные половые отношения как моральная и нравственная норма, содействующая тому, чтобы у ребенка была не только мать, но и отец. Так человеческая цивилизация привела к мужскому доминированию, к явному и неявному мужскому главенству, превосходству (формальному и неформальному). Отсюда строгость по отношению к женщине, культ невинности, девственности, запреты на добрачные связи, внебрачных детей, аборт, развод, повторный брак. Но здесь таится обман: «Муж и жена только обманывают людей, что они в единобрачии, а живут в многоженстве и многомужестве... желают разойтись и все-таки живут, тогда это выходит тот страшный ад, от которого спиваются, стреляются, убивают и отравляют себя и друг друга...» [Там же, 131]. Персонажи повести ищут объяснение этому и находят. Например, в том, что «женят таких, которые не любят друг друга, а потом удивляются, что не согласно живут», или в том, что женщины «уж очень образованны стали». Но кто возьмется объяснить «связь между образованием и несогласием в супружестве»? Или все дело в «джерси, локонах и нашлепках»? Герой конкретизирует эту мысль: «Пройдите в каждом большом городе по магазинам. Миллионы тут, не оценишь положенных туда трудов людей... Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами. Считите все фабрики. Огромная доля их работает бесполезные украшения, экипажи, мебели, игрушки на женщин. Миллионы людей, поколения рабов гибнут в этом каторжном труде на фабриках только для прихоти женщин. Женщины, как царицы, в плену рабства и тяжелого труда держат 0,9 рода человеческого. А все оттого, что их унизили, лишили их равных прав с мужчинами. И вот они мстят действием на нашу чувственность, уловлением нас в свои сети. Да, все от этого. Женщины устроили из себя такое орудие воздействия на чувственность, что мужчина не может спокойно обращаться с женщиной. Как только мужчина подошел к женщине, так и подпал под ее дурман и ошалел... я прямо вижу нечто опасное и противозаконное, и хочется крикнуть полицейского, звать защиту против опасности, потребовать того, чтобы убрали, устранили опасный предмет. <...> Ведь это все равно, что расставить по гуляньям, по дорожкам всякие капканы, — хуже! Отчего азартная игра запрещена, а женщины в проституточных, вызывающих чувственность нарядах не запрещены? Они опаснее в тысячу раз!» [Там же, 142–143].

Есть в повести мысль, мимо которой нельзя пройти читателю, — супруги «дошли до того, что уже не разногласие производило враждебность, но враждебность производила разногласие: чтобы она ни сказала, я уж вперед был не согласен, и точно также и она». В этом соль вопроса — враждебно настроенный к женщине вообще и к жене в частности Позднышев, мужчина с большим воображением, издающий звуки «как бы прерванного смеха или рыдания»

(явный пациент доктора Фрейда), близок к суициду и полон решимости убить жену. А истоки враждебного отношения к женщине таятся в ранней юности. Позднышев, анализируя свою жизнь уже после убийства жены, в вагоне поезда, вспоминает *«как и когда началось»*. В пятнадцать лет, в гимназии, еще не зная женщины, он *«как все несчастные дети»* уже не был невинным мальчиком: *«...женщина, как сладкое нечто, женщина, всякая женщина, нагота женщины уже мучила меня. Уединения мои были нечистые. Я мучался, как мучаются 0,99 наших мальчиков. Я ужасался, я страдал, я молился и падал. Я уже был развращен в воображении и в действительности, но последний шаг еще не был мною сделан. Я погибал один, но еще не налагал руки на другое человеческое существо»* [1, 134]. Но вот *«добрый малый, то есть самый большой негодяй, выучивший нас и пить и в карты играть, уговорил после попойки ехать туда»*, где *«пятнадцатилетний мальчишка осквернил себя самого и содействовал осквернению женщины»*, не понимая того, что делал. Ни от кого из старших он не слышал, что это дурно. *«Правда, есть это в заповеди, но заповеди ведь нужны только на то, чтобы отвечать на экзамене батюшке, да и то не очень нужны, далеко не так, как заповедь об употреблении *ut* в условных предложениях»* [Там же]. Наоборот, слышал от старших, которых уважал, что это хорошо для здоровья, от товарищей слышал, что в этом есть некоторая заслуга, *«молодечество»*: *«...окружающая меня среда видела в том, что было мое падение, одни — самое законное и полезное для здоровья отправление, другие — самую естественную и не только простительную, но даже невинную забаву для молодого человека»*.

Перечитывая *«Крейцерову сонату»* и *«Послесловие»* к ней, мы осознаем, насколько актуальны мысли великого писателя и какие глобальные вопросы он поставил. Он обязывает нас задуматься о сложности и противоречивости сексуальных и гендерных отношений. Да, именно гендерных, т. е. социокультурных, связанных не столько с полом и половой энергией, сколько с энергией пола. (Это мысль В. В. Зеньковского, значительно позже Толстого писавшего о проблеме *«пол в человеке и человек в поле»*.)

Толстой разъясняет свою позицию по поводу половых отношений: *«правительства вместо заботы о «нравственном благосостоянии своих граждан, учреждают разврат, т. е. регулируют целое сословие женщин, долженствующих погибать телесно и душевно для удовлетворения мнимых потребностей мужчин, а холостые люди с совершенно спокойной совестью предаются разврату»* [2, 197]. Толстой считает это безнравственным и сравнивает с тем, как если бы *«для здоровья одних людей нужно было пить кровь других»* [2, 198]. Вывод его таков: *«...понимать, что вступление в такое половое общение, при котором люди или освобождают себя от возможных последствий его — детей, или сваливают всю тяжесть этих последствий на женщину, или предупреждают возможность рождения детей, — что такое половое общение есть преступление самого простого требования нравственности, есть подлость, и что потому холостым людям, не желающим жить подло, надо не делать этого... не допускать в мыслях своих возможности общения с чужими женщинами, так же как всякий человек не допускает такой возможности между собой и матерью, сестрами, родными, женами друзей»* [Там же, 198].

Толстой считает необходимым изменить взгляд на плотскую любовь, и сделать это прежде всего должно воспитание в семье и общественное мнение, чтобы «и после женитьбы не смотрели на влюбление и связанную с ним плотскую любовь как на поэтически возвышенное состояние... а как на унижительное для человека животное состояние, и чтобы нарушение обещания верности, даваемого в браке, казнили бы общественным мнением по крайней мере так же, как казнятся им нарушение денежных обязательств и торговые обманы...» [2, 198–199].

Писатель озабочен тем, что «рождение детей потеряло свой смысл» и больше не является целью и оправданием супружеских отношений, что «стало распространяться употребление средств, лишаящих женщину возможности деторождения» [Там же, 199]. Он полагает, что это «весьма близкое к самому противному человеческой совести действию — убийству». Толстой связывает понятие *воздержания* с понятием *человеческое достоинство* и считает, что это относится как к безбрачным, так и состоящим в браке.

Наконец, один из главных моментов — его *боль о детях*, которые «помеха для наслаждения», или несчастная случайность, или «своего рода наслаждение». Все они воспитываются не в представлениях, которые им предстоит осуществить как «разумным и любящим существам», а как «дети животных». Как педагог Л. Н. Толстой убежден, если цель воспитания состоит не в том, «чтобы приготовить их к достойной человека деятельности, а в том... чтобы как можно лучше напитать, увеличить их рост, сделать их чистыми, белыми, сытыми, красивыми. И в изнеженных детях, как и во всяких перекормленных животных, неестественно рано появляется непреодолимая чувственность, составляющая причину страшных мучений этих детей в отроческом возрасте. Наряды, чтения, зрелища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, от картинок на коробках до романов и повестей и поэм, еще более разжигают эту чувственность, и вследствие этого самые ужасные половые пороки и болезни делаются обычными условиями вырастания детей обоего пола и часто остаются и в зрелом возрасте» [Там же, 200].

Современные реалии многократно усиливают социально-педагогические проблемы, поднятые Толстым. Перечитывая «Крейцерову сонату», мы глубже понимаем современные гендерные проблемы и сопутствующие им понятия *сексизм* (связано с идеологией и практикой мужского превосходства, признания неравенства полов); *гендерные роли* («какой/какая есть», «какой/каким быть», «как надо» вести себя представителям разных полов); *гендерная чувствительность* (способность воспринимать, осознавать и моделировать воздействие вербальных и невербальных средств, умение пользоваться методами и формами, способствующими развитию гендерной идентичности девочек и мальчиков, девушек и юношей, женщин и мужчин, и адекватно реагировать на проявления дискриминации по признаку пола). Многие из этого набора сложилось на протяжении веков, поддерживалось и продолжает поддерживаться законами, моралью, обычаями, культурными традициями, разделением сфер жизнедеятельности, т. е. традициями.

Но правомерен вопрос: должно ли все традиционное оставаться неизменным (если бы это стало возможным) или его необходимо пересмотреть? Тогда

возникают следующие вопросы: «зачем?», «как?», «кем?». Поставленная Л. Н. Толстым более 100 лет назад проблема женского и мужского гендера как нравственная задача человечества ждет своего решения, но уже в значительно изменившихся жизненных реалиях. И если «чистый юноша, девушка», или «юноши и девушка, падшие соблазном», или мужчина и женщина, живущие в браке, зададутся вопросами «как жить?» и «что делать?», то в повести Толстого «Крейцерова соната», как и в других его произведениях, они смогут найти ответы. И суть их в том, что нужно иметь нравственный идеал и стремиться его осуществить. Если раньше «плавающему недалеко от берега» говорили: «Держись того возвышения, мыса башни», и он тому следовал, то в настоящее время надежные ориентиры человек должен выработать сам. Теперь «пловцы удалились от берега, и руководством им должны и могут служить только светила и компас, показывающий направление. А то и другое дано нам» [2, 210].

В XXI в. люди вновь оказались перед старой и вечно новой проблемой: человек в конце концов одно из двух — мужчина или женщина, каждый/каждая рождается мальчиком или девочкой. К сожалению, в настоящее время пол можно изменить на противоположный, отказаться от стереотипов и от исполнения традиционных гендерных ролей, даже соединиться в браке гомосексуалистам или лесбиянкам (кстати, и в подобном случае одно лицо тяготеет к женскому, другое — к мужскому образу и поведению). Сегодня студентки университета и старшеклассницы в школе сидят в учебной аудитории «в проституточных, вызывающих чувственность нарядах».

Напрасно надеяться, что истинное воспитание придет с запретом, например, приказ ректора, или страх наказания, угроза отчисления из вуза изменят человека. Еще многие продолжают так думать (вспомним слова из повести: «Отчего азартная игра запрещена, а это нет?»). Дело в том, что сильные средства говорят о педагогической слабости. Человеческое в личности связано с полом и требует «правильного устройства жизни пола» на «пути чистоты» (В. В. Зеньковский). Сейчас, в отличие от толстовского времени, всюду, открыто или двусмысленно, провоцируют на безнравственное отношение между полами, причем с ранних лет. Мало кто берется и способен компетентно помочь молодым и взрослым разобраться в этой проблеме, найти достойные способы поведения. Опасно и легкомысленное, небрежное отношение к проблеме, и ее игнорирование, замалчивание, и непризнание сложности, важности для жизни каждого человека и общества в целом. Необходимо понимание того, что вопросы и ответы не должны тонуть в «пучине заблуждения», обусловленного нравственностью (или, увы, безнравственностью) воспитания.

1. Толстой Л. Н. Крейцерова соната // Собр. соч. : в 22 т. М., 1982. Т. 12.

2. Толстой Л. Н. Послесловие к «Крейцеровой сонате» // Там же.

УДК 327.2 + 327.51 + 323.1(47 + 57) + 323.1(5–015)

Р. С. Мухаметов

ГЕОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ЕС И РОССИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

В статье говорится о внешнеполитических приоритетах ЕС и России в Каспийском регионе. Много внимания уделено геополитическому положению данного региона. Автор дал ясное изложение основных принципов внешней энергетической политики Евросоюза и России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: внешняя энергетическая политика, национальные интересы России, Каспийский регион, Набукко.

С начала 90-х гг. XX в. Каспийский регион привлекает к себе все большее внимание мирового сообщества. Стратегическая значимость определяется его географическим положением: это своего рода мост между Европой и Азией, перекресток трансконтинентальных транспортных коммуникаций в направлении «восток — запад» и «север — юг». То, что Каспийский регион стал объектом активной внешнеполитической деятельности многих государств, связано и с наличием здесь запасов углеводородов. Государства Южного Кавказа и Центральной Азии располагают 3–4 % мировых запасов нефти и 6–7 % мировых запасов природного газа [10] (табл. 1).

Таблица 1

Нефтегазовые ресурсы Каспия

Страна	Нефть, млрд т	Доля в мировых запасах, %	Газ, трлн м ³	Доля в мировых запасах, %
Азербайджан	1,0	0,5	1,31	0,7
Казахстан	5,3	3,0	1,82	1,0
Туркменистан	0,1	0,05	8,1	4,2
Узбекистан	0,1	0,05	1,68	0,9
Всего	6,4	3,6	12,91	6,8

По мнению российских экспертов, привлекательность каспийских запасов углеводородов обуславливается, во-первых, их сравнительно удачным географическим положением. Ценность Каспия как одного из центров добычи углеводородов только увеличивается в связи с перманентной нестабильностью в регионе Персидского залива. Кроме того, у каспийских стран есть еще одно серьезное преимущество по сравнению с другими нефтеносными районами. Все они обладают малым уровнем потребления углеводородов в связи с небольшой

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории политической науки Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: muhametov.ru@mail.ru).

© Мухаметов Р. С., 2011

численностью населения, что позволяет говорить об их жесткой ориентации на экспорт [4, 22].

Таким образом, перспективы Каспия как нефтедобывающего региона и его уникальное географическое положение делают его острием геополитических противоречий. Каспийский регион стал полем многовекторного соперничества и противоборства между теми государствами и силами, которые хотели бы господствовать или занимать сильные позиции в этом стратегически важном районе Евразии.

Регион Каспийского моря имеет неоспоримые достоинства, побуждающие Евросоюз проявлять к нему особую заинтересованность. Рост интереса к региону обусловлен в первую очередь энергетическими факторами. На первое место в числе приоритетов, которые стоят в настоящее время перед ЕС, поставлена энергетическая безопасность. Связано это с тем, что на сегодняшний день Европа практически полностью зависима от внешних поставок энергоносителей на свой рынок. Так, в 2009 г. внутреннее потребление нефти и природного газа в Евросоюзе составило 670,8 млн т и 459,9 млрд м³ соответственно, в то время как произведено было 98,7 млн т и 171,2 млрд м³ [10]. Во-вторых, в Евросоюзе убеждены, что основным источником риска в энергетической сфере является зависимость государств — членов Союза от импорта из нестабильных регионов и поставщиков, которые политически используют зависимое положение ЕС как рычаг давления на него.

В этих условиях страны — члены ЕС поддерживают проекты, которые направлены на диверсификацию источников, поставщиков и маршрутов транспортировки энергоносителей. Главным направлением диверсификации является увеличение числа стран — производителей энергоносителей и стран — транзитеров, из которых и через которые в ЕС поступают углеводороды.

Поэтому главная ценность государств Каспийского региона для ЕС заключается в появившейся у него (после распада СССР) возможности добывать и прокладывать по территории этих стран маршруты поставок энергоносителей из регионов Южного Кавказа и Центральной Азии в государства — члены ЕС, минуя Россию.

В рамках программы ТАСИС в 1995 г. Евросоюз начал реализацию проекта ИНОГЕЙТ (Interstate Oil and Gas Pipelines Transport to Europe). Это программа межгосударственного сотрудничества в сфере энергетики между ЕС, Турцией и странами СНГ, за исключением Российской Федерации. Страны — участники программы согласились повысить безопасность и надежность поставок энергоносителей путем ввода новой (в обход России) инфраструктуры для транспортировки углеводородов из Каспийского региона на европейские рынки. В 1999 г. на конференции ИНОГЕЙТ состоялось подписание Рамочного соглашения об институциональных основах создания межгосударственной системы транспортировки нефти и газа. Страны, подписавшие упомянутый документ, берут на себя обязательство сотрудничать при строительстве межгосударственных систем транспортировки нефти и газа, пересекающих их территории [5]. Сегодня эта программа активно реализуется. В частности, ЕС поддерживает создание «южного газового коридора» («Southern gas corridor»). Пла-

нируемый коридор состоит из трех звеньев: Транскаспийский газопровод (данный проект предусматривает доставку природного газа из Казахстана и Туркменистана в Азербайджан), Баку — Тбилиси — Эрзерум (из Азербайджана через Грузию в Турцию) и Набукко (от турецкого Эрзерума до австрийского Баумгартена через Болгарию, Румынию и Венгрию). Второй проект — создание «евразийского нефтетранспортного коридора», который предусматривает транспортировку «черного золота» из Азербайджана через Грузию по трубопроводу Баку — Супса, затем танкерами в Одессу и далее в Польшу по трубе Одесса — Броды.

Одним из приоритетов внешней энергетической политики Евросоюза является строительство газопровода Набукко. Это проектируемый магистральный газопровод протяженностью 3,3 тыс. км из Каспийского региона в страны Европейского союза. Договор о начале строительства газопровода был подписан 25 июня 2007 г. Свои подписи на документе поставили комиссар Еврокомиссии по энергетике Андрис Пиебалгс и министры энергетики Турции, Болгарии, Румынии, Венгрии и Австрии. Проектная мощность газопровода — 30 млрд м³ газа в год. Ориентировочная стоимость проекта составляет 7,9 млрд евро. Строительство газопровода планируется начать в 2011 г. и завершить в 2014 г. Магистраль станет продолжением уже построенного газопровода Баку — Тбилиси — Эрзерум. Проект предполагает транспортировку газа в европейские страны в обход России [6].

Таким образом, повышение надежности энергообеспечения Европы идет за счет расширения географии поставок и увеличения числа стран-экспортеров. На сегодняшний день основными странами — поставщиками нефти в ЕС являются Россия, Норвегия, Ливия и Саудовская Аравия [11] (табл. 2). Потребности Евросоюза в природном газе покрываются за счет импорта из трех основных стран-поставщиков: России, Норвегии и Алжира [11] (табл. 3).

Таблица 3

Географическая структура импорта нефти странами — членами ЕС в 2006 г.		Географическая структура импорта природного газа странами — членами ЕС в 2006 г.	
Страна	Доля, %	Страна	Доля, %
Россия	32,9	Россия	40,4
Норвегия	15,5	Норвегия	23,3
Ливия	9,3	Алжир	17,5
Саудовская Аравия	8,9	Нигерия	4,6
Казахстан	4,7	Узбекистан	1,0
Азербайджан	2,1	Туркменистан	0,3

С геополитической точки зрения создание транспортного коридора в направлении с востока на запад в обход России, по замыслу Брюсселя, позволит: — диверсифицировать маршруты поставок энергоносителей в целях ослабления зависимости стран ЕС от России и обеспечить таким образом энергетическую безопасность;

— демонтировать транспортную систему бывшего СССР, во многом проходящую по территории России и обеспечивающую стратегический контроль над экспортом центральноазиатских энергоресурсов;

— открыть Европейскому союзу путь к сотрудничеству со странами, стремящимися к созданию независимых от России маршрутов транспортировки энергоносителей;

— установить контроль над углеводородными запасами региона и не допустить, чтобы эти ресурсы попали в распоряжение России;

— за счет контроля над энергоресурсами обеспечить установление политического контроля ЕС над странами региона;

— установить геополитический плюрализм, независимость (от России) новых государств.

Реализация собственных интересов в Центрально-Азиатском регионе будет для ЕС непростой, так как очевидно, что Брюссель столкнется с серьезной конкуренцией со стороны Москвы. Осуществление ЕС вышеназванных проектов является комплексным вызовом для национальных интересов РФ на европейском направлении и может ощутимым образом сказаться на российской внешнеполитической и внешнеэкономической активности.

Во-первых, реализация проектов ставит под угрозу текущий уровень экспорта энергоресурсов из РФ в страны — члены ЕС, что может негативно повлиять на доходные статьи российского бюджета. Создание условий для диверсификации европейского импорта неминуемо приведет к уменьшению спроса на нефть и газ из России, что ограничит экспортные поступления и соответствующим образом отразится на стабильности национальной экономики.

Во-вторых, уменьшение содержательной составляющей энергетического диалога между Россией и Евросоюзом ограничит возможности Москвы по воздействию на политическую позицию Брюсселя, который и без того часто действует вопреки российским национальным интересам.

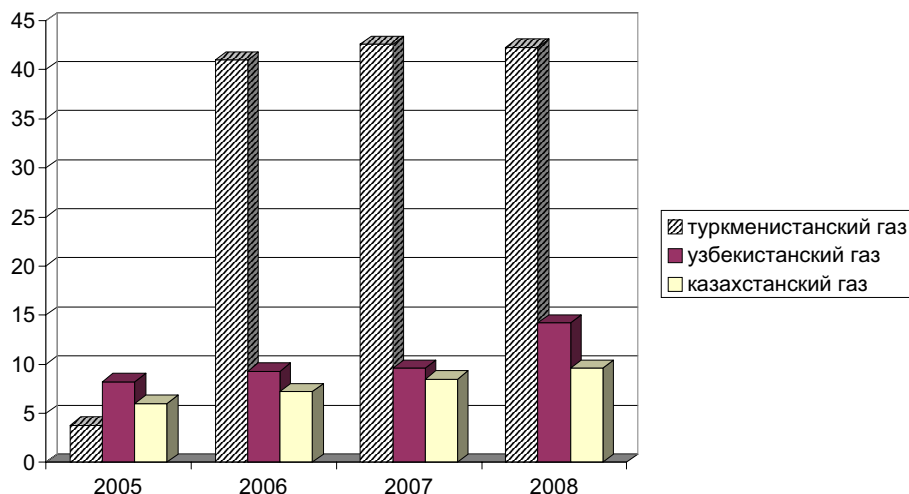
Геоэнергетическим приоритетам России отвечает транспортировка каспийской нефти на мировой рынок через ее территорию. Согласно утвержденной Правительством РФ в ноябре 2009 г. «Энергетической стратегии России на период до 2030 года», одним из важнейших стратегических направлений внешнеэкономической активности нефтяного комплекса РФ является транзит нефти сопредельных государств через российскую территорию [9]. В настоящее время по магистральным нефтепроводам России в транзитном режиме транспортируется нефть двух государств Каспийского региона — Азербайджана и Казахстана. Так, транзит казахстанского «черного золота» происходит по российской территории как через старые советские нефтепроводы (Атырау — Самара, Махачкала — Тихорецк — Новороссийск), так и через систему Каспийского трубопроводного консорциума (Тенгиз — Новороссийск). Транспортировка казахстанской нефти через территорию России осуществляется на основании долгосрочного межправительственного соглашения от 7 июня 2002 г.: по нефтепроводу Атырау — Самара не менее 15,5 млн т в год; по системе нефтепроводов Махачкала — Тихорецк — Новороссийск — до 5,5 млн т в год [8]. Что касается закавказской республики, то в соответствии с условиями договора между Россией и Азербайджа-

ном о транзите нефти через территорию Российской Федерации от 18 января 1996 г. азербайджанская сторона осуществляет транспортировку нефти по маршруту Баку — Новороссийск. В 2007 г. в связи с вводом в эксплуатацию маршрута транспортировки нефти Баку — Тбилиси — Джейхан и перераспределением экспортных потоков азербайджанской нефти в систему Транснефти было подано лишь 2,083 млн т нефти, хотя по существующему договору от 1996 г. должно прокачиваться не менее 5 млн т в год. За 11 месяцев 2008 г. поставлено только 1,114 млн т азербайджанской нефти [7].

Для России транспортировка казахстанского и азербайджанского «черного золота» на мировой рынок по так называемому «северному» маршруту является выгодной, так как в этом случае тарифы за прокачку нефти будут поступать в российскую казну, а не в бюджеты сопредельных государств. Сохранение и увеличение транзита каспийской нефти имеет огромное значение для обеспечения не только экономических, но и геополитических интересов.

Геоэнергетическим интересам России отвечает возможность полного контроля экспорта каспийского газа. Доступ к «голубому топливу» очень важен для России по ряду причин. Во-первых, это нужно для того, чтобы предотвратить транспортировку каспийского газа в соответствии с западным проектом Набукко, который предусматривает поставки природного газа в Европу в обход России и напрямую конкурирует с российским южным потоком. Необходимость скупки газа продиктована для России не только геополитическими соображениями: есть информация, что Газпрому стало сложно выполнять свои обязательства по экспорту газа европейским потребителям без дополнительных объемов «голубого топлива» из Каспийского региона. Так, в 2008 г. Газпром приобрел 66,1 млрд м³ центральноазиатского газа, в том числе 42,3 млрд м³ в Туркменистане, 14,2 млрд м³ в Узбекистане и 9,6 млрд м³ в Казахстане [3] (см. рисунок). Таким образом, природный газ Центральной Азии является важным элементом формирования общей ресурсной базы ОАО «Газпром», обеспечивающей потребности внутреннего рынка России, стран СНГ и дальнего зарубежья.

По вышеназванным причинам Россия стала инициатором сооружения Прикаспийского газопровода. 12 мая 2007 г. президентами России, Казахстана и Туркменистана была подписана совместная декларация о его строительстве. Формальная договоренность была достигнута 20 декабря 2007 г., когда было заключено трехстороннее межправительственное Соглашение о сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода. Целью сооружения данного трубопровода является транспортировка природного газа с месторождений Каспийского моря и других месторождений на территориях Туркменистана и Казахстана на территорию Российской Федерации. Новый трубопровод мощностью в 20 млрд м³ «голубого топлива» в год пойдет в обход Каспийского моря вдоль его восточного побережья. Трубу решено проложить от компрессорной станции «Белек» в окрестностях Туркменбаши до газоизмерительной станции «Александров Гай», находящейся на казахстанско-российской границе, где она соединится с газопроводной системой России. Одновременно была достигнута договоренность между Россией, Казахстаном, Туркменистаном и

Закупки газа Газпромом в Центральной Азии в 2005–2008 гг., млрд м³

Узбекистаном о расширении построенной еще в советское время трубопроводной системы Средняя Азия — Центр (САЦ).

Что касается Азербайджана, то 14 октября 2009 г. был подписан контракт купли-продажи природного газа между ОАО «Газпром» и Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики (ГНКАР). В соответствии с контрактом, первоначальные объемы покупки газа Газпромом составят 500 млн м³, в дальнейшем объемы закупки будут возрастать в соответствии с экспортными возможностями азербайджанской стороны. Поставки начались с января 2010 г. [2]. 3 сентября 2010 г. Газпром и ГНКАР подписали дополнение к действующему контракту купли-продажи азербайджанского природного газа, согласно которому с 2011 г. объемы закупок возрастут до 2 млрд м³ в год, в 2012 г. превысят 2 млрд м³ [1].

Резюмируя сказанное, отметим, что из-за ненадежности поставок российских энергоносителей через третьи страны (Белоруссию и Украину), а также возможности использования Россией ресурсов в качестве политического оружия транспортировка каспийских углеводородов (из Азербайджана, Казахстана и Туркменистана) приобрела важное значение для Евросоюза. ЕС делает ставку на развитие маршрутов, которые свяжут потребителей газа с каспийскими энергоносителями с помощью стратегических инфраструктурных проектов. Реализация этих проектов должна позволить странам — членам Евросоюза импортировать энергоносители напрямую из Центральной Азии и Южного Кавказа, минуя Россию. Таким образом, проблема выбора маршрутов транспортировки каспийских углеводородов превратилась в главный геополитический и геоэкономический фактор в данном регионе. Собственно, решение этой задачи и составляет ныне главное содержание противоборства ЕС и РФ в рассматриваемом регионе.

1. Газпром и ГНКАР подписали дополнение к контракту купли-продажи азербайджанского газа [Электронный ресурс]. URL: <http://gazprom.ru> (дата обращения: 12.09.2010)
2. Газпром и ГНКАР подписали контракт купли-продажи азербайджанского газа [Электронный ресурс]. URL: <http://gazprom.ru> (дата обращения: 13.08.2010).
3. Закупки газа в Средней Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru> (дата обращения: 13.08.2010).
4. Муханов В. Состояние энергоносителей в Каспийском регионе и роль России в их транспортировке на мировой рынок // Внутренние и внешние факторы в динамике современного развития Кавказа : аналит. зап. М., 2008. № 6. С. 22–30.
5. Программа ИНОГЕЙТ (справочная информация МИД РФ от 28.01.2000) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 2.08.2010).
6. Проект газопровода «Набукко». Справка от 15.01.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 16.08.2010).
7. Российско-азербайджанские отношения (справочная информация МИД РФ от 18.02.2009) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 1.03.2010).
8. Российско-казахстанские торгово-экономические связи (справочная информация МИД РФ, 2008) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 1.03.2010).
9. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.energystrategy.ru> (дата обращения: 12.08.2010).
10. BP Statistical Review of World Energy June 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bp.com> (дата обращения: 10.08.2010).
11. Europe in figures. Eurostat yearbook 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://err.eurostat.ec.europa.eu> (дата обращения: 14.08.2010).

Статья поступила в редакцию 28.12.2010 г.

УДК 37.04 + 373.5.046.16

А. А. Оникко

ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ

Рассматриваются различные научные подходы к понятию самоопределения, выделяется специфика социологического подхода к данному понятию. На материалах социологических исследований, проведенных в г. Екатеринбурге и Свердловской области в 2009–2010 гг., анализируются факторы, влияющие на самоопределение старшеклассников при выборе ими будущей профессии, раскрываются противоречия взаимодействия системы образования и рынка труда.

К л ю ч е в ы е с л о в а: старшеклассники, самоопределение при выборе профессии, профориентация.

Проблема самоопределения школьников становится в современных условиях очень актуальной, так как, во-первых, существенно увеличился за последние десятилетия набор профессий, которые позволяют реализовать индивидуальные

ОНИПКО Анна Александровна — ассистент кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: Aspiranta1@yandex.ru).

© Оникко А. А., 2011

задатки и способности человека. Во-вторых, возросли требования к трудовой деятельности личности. Работодатели заинтересованы в наборе таких специалистов, которые способны оперативно реагировать на изменения в технике и технологии, успешно адаптироваться к различным нововведениям в организации труда. Такая мобильность возможна только в случае выбора профессии в соответствии с природными склонностями, а не под влиянием моды, престижности, высоких заработков и т. п.

Профессиональное самоопределение является частью общего процесса поиска личностью тех видов деятельности, системы отношений, которые наиболее полно соответствуют, с одной стороны, социальным требованиям, с другой — индивидуальным потребностям и интересам. Британский историк и философ А. Тойнби считал, что расцвет цивилизации определяется в первую очередь развитием внутренних сил личности, процессом самоопределения индивида, и именно социокультурное самоопределение личности, идущей по своему специфическому пути, а не технический и хозяйственный прогресс как таковые, является основным свидетельством роста цивилизации [цит. по: 8, 271].

Термин «самоопределение» употребляется в литературе в самых различных значениях. Так, говорят о самоопределении личности, о социальном, жизненном, профессиональном, нравственном, семейном самоопределении. Кроме того, данный феномен исследуется в рамках многих дисциплин. Можно выделить юридическую, философскую, психологическую, педагогическую, социологическую трактовки данного понятия. В силу этого самоопределение приобрело статус междисциплинарной категории.

Каждый из дисциплинарных подходов выстраивает определенное понимание феномена самоопределения личности, что позволяет выработать некую концептуальную схему. Философская трактовка самоопределения исходит из постижения человеком истины, связанной с собственным жизненным путем (античная философия), с нахождением своего места в жизни, личностным переживанием своего внутреннего мира (философия экзистенциализма), познанием своей природы и принятием ее (Э. Фромм). Смысл самоопределения сводится к перманентному вопрошанию человеком самого себя о том, кто он есть, что он знает и может (философия Нового времени). Самоопределение связывается с жизненным миром человека, поиском смысла жизни, представляется как некий творческий процесс — творение самого себя через самопознание, самооценку, самовоспитание, самообразование, самоутверждение, самореализацию и самоактуализацию [1, 29–36]. В этих процессах связываются самоопределение внутреннее и самоопределение внешнее. Такое понимание самоопределения как творчества противопоставляется самоопределению как выбору среди жизненных альтернатив, где необходим, прежде всего, разум. В самотворчестве же большое значение имеет интуиция.

Философский подход дает нам понимание того, что в процессе самоопределения важную роль играют внутренние силы самого человека, его способность анализировать и чувствовать самого себя (саморефлексия) и окружающий мир. Внешнее самоопределение человека (социальное самоопределение) связывается с понятиями свободы и самоограничений, индивидуальности и самоотж-

действия. Самоопределение в профессии в данном контексте вписано в личностное самоопределение: познание самого себя как человека, способного к определенной деятельности, понимание смысла этой деятельности для себя и для других, развитие своих профессиональных навыков.

Психологическое понимание самоопределения акцентирует внимание на иных аспектах этого социокультурного явления. Согласно теориям крайнего детерминизма (например, фрейдизм, необихевиоризм), человек не способен на какое-либо самоопределение. Все человеческие действия определяются либо его бессознательным, либо прошлым опытом [7, 6]. В теориях умеренного детерминизма самоопределение связывается с идентичностью (Э. Эрикссон). Идентичность — это понятие, которое раскрывает самоопределение как отождествление личностью себя с определенным образом, характеризующим ее отношение как к самому себе, так и к окружающему миру. В психологическом подходе акцент делается на то, что у самоопределения есть некие границы. Они определяются возможностями перестройки его природы (данными от рождения физическими, психическими особенностями) в соответствии с социальными обстоятельствами, которые обуславливают те цели, потребности, к достижению которых стремится человек в своем саморазвитии. Говоря другими словами, внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия [9, 359].

Отсюда многие психологи выделяли процессуальный и стадийный характер самоопределения, говоря о том, что в той или иной сфере жизни человека этот процесс имеет свои отличительные черты (Е. А. Климов, И. С. Кон, Н. С. Пряжников и др.). Самоопределение старшеклассников, например, имеет ряд особенностей, характеризующихся, с одной стороны, психологическими особенностями старшего школьного возраста (особое ощущение времени, формирование самостоятельности, воли, целеустремленности), а с другой стороны — воздействием социального окружения (подросток еще зависит от родителей, но уже стремится к самостоятельности, общению со сверстниками), а также играет роль объективный фактор приближающегося момента окончания школы, необходимости выбора жизненной стратегии.

Самоопределение вписывается психологами в систему детерминации человеческой деятельности, связывается с мотивами, целями, потребностями, интересами и ценностями личности. Человек не должен ограничиться познанием себя, ему необходимо изучать внешний мир. Самоопределение при выборе профессии как психологический процесс — это не только познание своих профессиональных склонностей, но и изучение той сферы трудовой деятельности, в которой намеревается работать в будущем выпускник школы, ее требований к личности.

Теорией и методикой формирования навыков изучения разных процессов и явлений занимается педагогика. С позиций этой науки самоопределение понимается как некий навык, которому необходимо специально обучать личность, начиная с детского возраста [4, 5, 6]. Способность к самоопределению возникает при таком уровне личностного развития, когда выработан целостный образ своего «я». Профессиональный выбор, как вид самоопределения, должен соответствовать способностям, склонностям, интересам человека. Только в этом случае будет возможна как личностная, так и профессиональная самореализация

индивида. Поэтому учиться самоопределяться нужно, начиная с познания своих физических, психических возможностей, склонностей к тем или иным видам социальной деятельности. Педагогические методики профориентации включают в себя психологические тесты (познание себя), выработку навыков самоорганизации (умение распоряжаться своим временем, планировать дела, ставить цели), саморазвития, самоутверждения. Для этого необходима помощь уже сформированной личности (педагога), а также собственная активность и внутренняя энергия.

Психолого-педагогический подход, таким образом, раскрывает один очень важный аспект самоопределения, заключающийся в том, что оно является навыком, вырабатываемым с раннего детства в процессе всего взросления личности. Он не просто включает в себя умение выбирать наиболее подходящие для себя варианты, а представляет собой систему жизненно важных практик, таких как самопознание, саморазвитие, самоорганизация, а также самовоспитание и самообразование. Часть слова «само-» в этих понятиях означает не столько самостоятельность, сколько сознательную ориентацию личности, прежде всего на выявление и реализацию своих склонностей и способностей.

Как уже отмечалось, любое самоопределение, особенно профессиональное, не может осуществляться изолировано от конкретной жизненной ситуации, социально-экономических и социокультурных условий, в которых живет человек. Этим обусловлена специфика социологического подхода к пониманию сущности и содержания понятия самоопределения личности. Данное явление рассматривается как особое взаимодействие индивида (его склонностей, интересов, потребностей) и общества (общественные потребности, нормы, ценности культуры, учет социальных условий, механизмов), направленное на максимальную самореализацию личности. Немалое значение в самоопределении имеют и внешние факторы, а именно общественные потребности, нормы, ценности и, соответственно, те акторы, которые являются их трансляторами, выразителями и т. п. Благодаря самоопределению личность занимает определенное место в социальной структуре, становясь частью той или иной малой или большой общности [10, 341].

Таким образом, самоопределение не только «определение» себя (в буквальном смысле), но и особый способ социального взаимодействия, который происходит одновременно на нескольких уровнях: 1) с самим собой (здесь важно развитие навыков самопознания, саморазвития — понимание своих индивидуальных склонностей); 2) с внешними обстоятельства (это и «обстоятельства» как таковые — социальный статус, материальные возможности, какие-либо события, например, окончание школы, и влияние окружения — родителей, сверстников, педагогов, оказывающих помощь в формировании навыков самоопределения); 3) с обществом в целом (система способов включения в социальную систему на основе соотнесения индивидуальных потребностей с общественными).

Самоопределение в профессии — это процесс вхождения в определенное профессиональное сообщество. Здесь необходим учет не только собственных способностей к занятию конкретной трудовой деятельностью, но и адекватное представление о ценностях, нормах, требованиях и возможностях той или иной

профессиональной сферы. Поэтому в социологическом подходе профессиональное самоопределение не сводится только к активной личности, также важна роль внешних факторов, представляющих собой целую систему влияний, мотивирующих выбор той или иной профессии.

Как показывают данные социологических исследований, ситуация в стране, экономике непосредственно отражается на профессиональных планах молодых людей. Так, по данным Центра социальной адаптации молодежи, в конце 90-х гг. XX в. «52 % старшеклассников связывали свою предстоящую профессиональную деятельность со спекуляцией (читай — бизнесом, коммерцией) и рэкетом, до 30 % старшеклассников готовы были использовать проституцию в качестве источника основных доходов, совмещая это занятие с работой на “пристойных”, но низкооплачиваемых должностях (в том числе и учительской)» [4, 10]. Это была реакция на нестабильную ситуацию в стране, которая началась, конечно, гораздо раньше, но влияла на профессиональный выбор еще полтора десятилетия. Поэтому в определенный момент страна получила кризис на рынке труда. Проблема заключается в том, что профессиональный выбор молодых людей должен ориентироваться на перспективу, а на деле оказывается, что он существенно отстает от реальной ситуации.

Проведенное нами в 2009 г.¹ исследование также показывает определенную инертность профессионального выбора современных старшеклассников (табл. 1).

Таблица 1

Профессии, выбираемые старшеклассниками

Профессии	Доля, %
Менеджер, руководитель, управленец	13
Медик, фармацевт	12
Экономист, финансист	12
Юрист, судья, прокурор	10
Журналист (пиар, реклама)	8
Инженер	7
Архитектор, дизайнер	7
Программист	5
Творческие профессии	5
Психолог, социолог	5
Филолог, лингвист, переводчик	4
Биолог, эколог, химик	3
Сервис и туризм	2
Военный	2
Спортсмен	1

¹ Исследование проводилось в г. Екатеринбурге на базе лаборатории политологических и социологических исследований УрГУ, выборка — 645 учащихся 10–11-х классов. Инструментарий включал в себя также тематические блоки вопросов о планах учащихся после окончания школы (выбор вуза) и об отношении к Уральскому государственному университету им. А. М. Горького.

До сих пор наиболее популярными у них остаются профессии экономиста и юриста, хотя перенасыщенность рынка труда подобными специалистами была зафиксирована исследователями еще несколько лет назад и отражалась в СМИ.

Одна из причин такой ситуации кроется в мотивах выбора старшеклассниками конкретной профессии. Больше половины из них называют причиной своего выбора высокие заработки, престижность и соответствие способностям. Ориентация на престижность профессии может означать то, что подросток ориентируется скорее на моду, некие внешние, привнесенные из СМИ образцы «красивой, успешной жизни».

Сама тема престижности профессии разрабатывалась в нашей стране еще в 60-е гг. в исследованиях советских социологов. С тех пор содержание престижности разных профессий стало иным. Сегодня престиж ассоциируется не с полезностью для общества (середина XX в.) и не только с высокой зарплатой (90-е гг. XX в. — начало 2000-х), а еще и с определенным образом, стилем жизни. Именно эти индикаторы пропагандируются через глянцево-журналы, телевидение, Интернет. Возникает противоречие, связанное с тем, что на достойно оплачиваемые, но не соответствующие современным представлениям о престижности специальности молодые люди идут учиться неохотно. Поражает тот факт, что в промышленном регионе, таком как Урал, Свердловская область, в частности в Екатеринбурге, как показало наше исследование, не нашлось ни одного старшеклассника, который бы связывал свой будущий профессиональный путь с металлургической промышленностью.

Сегодня молодые люди оказались, возможно, в более сложной ситуации, чем их сверстники в середине и в конце прошлого века. Насыщенность информационного пространства, характерная для современного общества, с одной стороны, конечно, расширяет возможности для выбора, но, с другой стороны, внедряет в сознание еще не совсем взрослых людей, легко поддающихся влиянию, искусственные образы успешной жизни, красивой, легкой и оттого такой желаемой.

В целом представления о будущем у старшеклассников часто размыты, как размыт и их профессиональный выбор. Многие молодые люди называли своей будущей профессией «профессию» руководителя, менеджера, что обозначает лишь должностной функционал. Таким образом, СМИ — это одна из сфер, которая сегодня очень сильно влияет на выбор молодыми людьми профессии, и это воздействие пока нельзя назвать позитивным. Кроме СМИ существуют и другие факторы, под влиянием которых происходит профессиональный выбор, их можно представить в виде схемы (см. рисунок).

Далее следует особо выделить влияние рынка труда. Как показало наше исследование, старшеклассники практически не имеют представлений о реальных потребностях производства в специалистах разных профессий, так как большинство продолжают выбирать то, что работодателями не востребовано. Кроме того, существует заблуждение о том, что устроиться на хорошую работу можно только используя знакомства (такие высказывания звучали в интервью, проводимом среди учащихся 10–11-х классов школ Свердловской области в 2008–2009 гг.).

Факторы, влияющие на выбор профессии старшеклассниками:

жирные линии — наиболее сильное влияние; тонкие линии — незначительное влияние;
пунктирные линии — очень слабое влияние

Работодатели в экспертном интервью, проведенном нами в Екатеринбурге в 2009–2010 гг., говорили о том, что готовы брать на работу специалистов без опыта, если они будут соответствовать определенным профессиональным требованиям и иметь настрой и желание много работать. Так называемые «связи» почти не влияют на оценку претендующего на вакантное место. Работодателями также подчеркивалось, что уровень знаний современных выпускников вузов достаточно высокий, но без дополнительного образования, повышения квалификации востребованным специалистом стать невозможно. Это требование распространяется не только на неопытных работников, но и на профессионалов своего дела, которые должны постоянно повышать свой профессиональный уровень для того, чтобы соответствовать современным требованиям производства, уровню развития науки и техники. Страх молодых людей после получения высшего образования стать невостребованными специалистами вызван, во-первых, тем, что их профессиональный выбор часто не соответствует потребностям рынка труда, во-вторых, непониманием требований современного производства к работнику.

Одна из причин необоснованного потребностями рынка профессионального самоопределения заключается в том, что профессиональное поле у многих старшеклассников ограничивается коммерцией. Они считают, что зарабатывать можно только продавая товары или услуги (при этом речь не идет о профессии продавца в магазине, а о его владельце или руководителе крупного отдела). В нашей стране рынок стал развиваться сравнительно недавно — 20 лет назад. До 80-х гг. XX в. большинство людей в СССР не знали о конкуренции, предпринимательстве. Сегодня в сознании молодых людей относительно новая сфера профессиональной деятельности перекрыла собой все остальное. Даже

популярная профессия медицинского работника (см. табл. 1) связывается с такими сферами, как стоматология, пластическая хирургия, диетология. Это опять же можно объяснить влиянием СМИ.

Отсутствие адекватной информации о рынке труда у старшеклассников также в значительной степени определяется позицией современной школы. Она практически не заботится о профессиональном самоопределении учащихся. Среди причин выбора профессии рекомендацию учителей назвали менее 1 % старшеклассников (табл. 2).

Таблица 2

Причины выбора старшеклассниками профессии

Причины	Доля, %
У меня есть способности заниматься этой профессией	39
Это высокооплачиваемая профессия	20
Престижная профессия	16
Профессия связана со знаниями, полученными по профильному обучению	11
Легко будет найти работу	7
Повлияло мнение представителей данной профессии	7
Так захотели мои родители	2
Порекомендовали учителя	0,3
Не знаю	2

Примечание. Сумма ответов превышает 100 %, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Обучение в профильных классах не оказывает существенного влияния на профессиональное самоопределение старшеклассников, так как, по их мнению, сводится в основном к углубленному преподаванию профильных предметов (56 %). Лишь четверть опрошенных старшеклассников считают, что профиль обучения в какой-то мере повлиял на выбор ими профессии.

Данная оценка объясняется тем, что в процессе преподавания не осуществляется комплексная профориентационная работа. Как показал опрос учителей школ Свердловской области, многие из них сводят свою работу к преподаванию ряда школьных предметов по углубленной программе и подготовке к поступлению в вузы на соответствующие профилю специальности, не учитывая реальную потребность в их получении у большинства старшеклассников и их родителей.

Школа переносит решение задач выработки навыков профессионального самоопределения на семью. Опрос показал, что 29 % учащихся старших классов признают значительное влияние родителей на их профессиональный выбор.

Остальные, видимо, четко не отслеживая влияние семьи, средств массовой информации, знакомых на свой выбор, считают, что они самостоятельно находят то, что в наибольшей степени соответствует их способностям, а также представлениям о престижности и высоких зарплатах. Как им удастся совмещать

эти два по сути противоположных фактора (внутренний и внешний) — этот вопрос остается открытым.

Говоря о соответствии выбора своим способностям, старшеклассники чаще всего имеют в виду не конкретную профессию, о которой они мало информированы, а направление образования, например гуманитарное, техническое, математическое и т. д. Получается, что наиболее важный внутренний фактор (соответствие выбора индивидуальным способностям) у многих оказывается не связанным с профессиональным выбором.

Это объясняется тем, что мотивы профессионального выбора учащихся не связаны с поиском конкретной работы в будущем. Профессиональное самоопределение происходит в том поле, в котором в данный момент своей жизни находится молодой человек, а именно в системе образования. Молодые люди готовятся окончить школу, поступить в вуз, а на более далекую перспективу их планы остаются неопределенными. Поступление в вуз, отношение к высшему образованию в данный период развития школьников и становятся основными индикаторами их профессионального самоопределения.

Старшеклассники связывают ценность высшего образования с получением желаемой профессии и карьерой (63 %). Однако сама профессия рассматривается преимущественно как средство продвижения по карьерной лестнице, а не возможность самореализации в трудовой деятельности. Анализ результатов наших социологических исследований позволил составить типологию образовательно-профессиональной мотивации старшеклассников, являющейся доминирующей у различных групп старшеклассников:

1. Большое значение имеет бесплатное высшее образование. Вуз и специальность не важны. При планировании дальнейшей образовательной траектории старшеклассники ориентируются только на те вузы, факультеты, в которых они могут поступить на бюджетные места. Поэтому определяющими характеристиками выбранного вуза становятся небольшой конкурс, непопулярные специальности и т. п. Многие готовы учиться даже на специальностях, которые не соответствуют склонностям, если поступят бесплатно.

2. Платное высшее образование ассоциируется с престижностью и качеством. Родители старшеклассников готовы платить за престижное образование.

3. Пессимисты. Не верят, что смогут поступить на бесплатную форму обучения в престижный вуз. Они готовы платить за обучение в любом государственном вузе, если учиться будет легко.

4. Важную роль в мотивации играет представление о будущем социальном статусе специалиста. Обучение в конкретном вузе связано с желанием в будущем получить хорошо оплачиваемую работу, сделать карьеру, стать успешным человеком.

Лишь последняя мотивация непосредственно связана с профессией. Но акцент здесь все же делается на будущий высокий социальный статус и успешность, которые были восприняты молодыми людьми из массмедиа.

Получение образования и выбор профессии у многих старшеклассников как будто идут параллельно. Такая ситуация была диагностирована исследователями еще в конце 90-х гг. прошлого века [2]. Прошло более 10 лет и,

несмотря на проводимые в нашей стране образовательные реформы, ничего не изменилось.

Молодые люди по-прежнему остаются один на один со своим профессиональным выбором, не чувствуя поддержки и помощи ни от семьи, ни от школы, ни от государства. В данной ситуации существует опасность, что выбор будет ошибочным. Средства государства на обучение будущего специалиста будут тратиться зря, так как вряд ли такой «профессионал» будет работать по специальности, а если и будет, то возникает вопрос: насколько эффективно он сможет выполнять свои профессиональные обязанности?

Как известно, государство уже принимало ряд мер по регулированию взаимодействия системы образования и рынка труда: сокращался набор на бюджетные места по гуманитарным специальностям и увеличивался — по техническим. Но только административными реформами, как отмечают сами же чиновники, ситуацию не изменить [3]. Нельзя забывать о том, что самоопределение школьников — это выбор, прежде всего, в соответствии со своими собственными способностями. Поэтому молодым людям нужно не только объяснять ту ситуацию, которая сегодня складывается в обществе относительно рынка труда, но и помогать им выбирать подходящую профессию с учетом их индивидуальных склонностей. Нужно возродить на новой основе и существенно усовершенствовать прежнюю систему профориентации в школе, которая включала встречи с представителями предприятий, психологическое тестирование, ознакомление школьников с требованиями конкретной профессии к психофизическим и социокультурным характеристикам личности. Также следует объединить усилия государства, школы, бизнеса, семьи в организации эффективной системы формирования у школьников навыков профессионального самоопределения на основе постоянного изучения своих склонностей и потребностей социума в разного рода работниках.

1. *Едалина Н. А.* Самоопределение личности как путь к себе. Екатеринбург, 2003.

2. *Калачева Т. Г., Абросимова Л. В.* Установки выпускников школ на получение высшего образования // Социс. 2000. № 5. С. 98–103.

3. *Костенкова О.* (Finam.ru). Образование в России: Все профессии важны, все профессии нужны! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts0110E/> (дата обращения: 01.11.2010).

4. *Кульневич С. В.* Менеджмент профессионального самоопределения : учеб.-метод. пособие для студентов и педагогов, пытающихся думать. Воронеж, 1998.

5. *Меренков А. В.* Методика формирования у школьников навыков самоопределения. Екатеринбург, 2006.

6. *Меренков А. В., Ковалева И. Ю.* Самоопределение в учебе, труде и отдыхе : учеб. пособие для учащихся V–VII классов. М., 2007.

7. *Морозова И. С., Белогай К. Н., Будич Н. Ю.* Практические аспекты личностного самоопределения : учеб. пособие. Кемерово, 2007.

8. *Радаев В. В.* Экономическая социология : курс лекций : учеб. пособие. М., 1998.

9. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.

10. *Руткевич М. Н.* Социология образования и молодежи. Избранное (1965–2002). М., 2003.

УДК 7.012:745/749 (571.12)

Р. Х. Чаббаров

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ДИЗАЙНЕ И АРХИТЕКТУРЕ

Рассматриваются проблемы влияния самобытной национальной и региональной культуры на развитие дизайна и архитектуры. Раскрываются возможности обогащения языка современного искусства на основе национально-культурных традиций, изучения и постижения их гармонии и создания новых востребованных решений в дизайн-проектировании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этнокультура, этнокультурная идентичность, национально-региональная культура, дизайн, архитектура, функционализм, ретроспективизм.

Одной из функций этнокультуры является сохранение национального культурного наследия как уникального явления окружающего нас предметного и духовного мира. Рассматривая дизайн и архитектуру в контексте общественного процесса, следует говорить о сопричастности их культурному наследию и национально-культурным традициям. С этой точки зрения архитектура и дизайн предстают как определенная сущность этих явлений, органическая часть своего времени, по которой можно судить в целом об обществе и о процессах, происходящих в нем. Ведь именно так нами рассматриваются экспонаты в музеях: они являются носителями информации прошлых культур, заключая в себе образ жизни той или иной эпохи.

В современном мире дизайн и архитектура становятся инструментами рынка и приобретают коммерческий характер. В этих условиях теряется духовная составляющая дизайна и архитектуры, их гуманистическое предназначение, поскольку рыночная потребительская сущность зачастую уничтожает в них духовность. Тенденции развития современного дизайна как мирового общекультурного феномена, базирующегося на передовых и вненациональных технологиях, показывают, что он также стремится скорее сгладить, чем выявить национально-культурные различия. В связи с этим чрезвычайно актуальными становятся вопросы сохранения и развития уникальных национально-культурных традиций в дизайне и архитектуре.

Очевидно, что региональная и национальная специфика в дизайне существует, более того, она необходима как противовес безликости и стандартизации в промышленности, модульности в архитектуре и строительстве. Без возрождения культурного наследия, без включения национальных особенностей местной традиции в современные объекты дизайн остается безликим и серым. В связи с этим следует говорить не о национальном дизайне, а о преломлении характерных особенностей национальной культуры в дизайне того или иного

ЧАББАРОВ Радик Хамзяевич — доцент кафедры декоративно-прикладного искусства и этнодизайна института изобразительных искусств и музейных технологий Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий (chabbarovrh@mail.ru)

региона. Наиболее ярко это проявляется в декоративно-прикладном искусстве, живописи, кино, в графическом дизайне, дизайне одежды и дизайне среды. В наименьшей степени это затрагивает промышленный дизайн. Например, производство телевизоров и другой бытовой техники ориентировано на черты общемирового стиля, а не национального искусства.

Особенно ярко национально-культурные тенденции проявляются в японском дизайне. Теоретики японского дизайна вообще не различают дизайн и традиционное мастерство, они для них почти синонимы. Производство предметов потребления в рефлексии японского дизайна неразрывно связано с традиционной культурой, с обычаями, верованиями, стилем жизни японской семьи, ландшафтными и погодными условиями и т. п.

Определяя особенности японского дизайна, профессор Е. Мицукуни в качестве главной его характеристики называет «микроскопичность», объясняя ее тем, что в течение 300 лет Япония была мирным, независимым единым «космосом», и в этом «космосе» японцы старались создать «тонкую самозавершенную систему красоты» [цит. по: 2, 123]. Такая традиционная «микроскопичность» японской художественной и ремесленной культуры нашла свое выражение в суперсовременной промышленности Японии.

Таким образом, в Японии метафизика труда признается в качестве «подлинной основы, как для самооценки каждого человека, так и для его оценки с точки зрения общества». Отсюда — повышенно личностное отношение к миру предметов вещей. «В ремесленную эпоху люди верили в рождение и смерть инструментов... Отношение к современным промышленным роботам является таким же. Они не противостоят человеку, а сосуществуют с ним и являются его созданиями, у которых, как и у человека, есть рождение и смерть... Вот почему необходимо, чтобы в дизайне... выражались человеческие чувства, каким бы высокомеханизированным не было производство», — утверждает Е. Мицукуни [цит. по: 4, 158]. Такие попытки специалисты трактуют как опыт воссоздания, репродуцирования этнокультурной идентичности в условиях стремительного развития отчужденных форм техники.

В настоящее время проблемы культурной идентичности заняли одно из ведущих мест в области теории и практики развития проектной культуры. Особое внимание уделяется вопросам национального своеобразия, сохранению и развитию самобытных традиций национальной культуры. По мнению Н. А. Ковешниковой, подобный интерес — не анахронизм, не простое увлечение фольклором. В своей работе «Дизайн: история и теория» автор рассматривает историю развития мирового дизайна как процесс развития национального дизайна, который «противостоит утверждению интернационального стиля, стирающего этнокультурные особенности» [Там же, 134].

Таким образом, развитие современного дизайна в контексте этнокультурной идентичности и тенденций общекультурного развития предполагает формирование национального своеобразия, выделяющего его в ряду других культур. В настоящее время во многих зарубежных странах (Италия, Япония, Финляндия и др.) дизайн существует как реальная культура, способная иметь собственную историю и школы. Например, в Скандинавских странах никогда не ставился

вопрос о существовании разрыва между ремеслом и промышленностью, как это было в Западной Европе. Именно это обстоятельство породило «золотой век» финского дизайна. Так, известный художественный критик У. Сегерштад в статье «Скандинавский дизайн умер — да здравствует скандинавский дизайн!» пишет: «Сегодня мир интернационализируется совсем иначе, чем это было в последний период, когда скандинавский дизайн развивался в основном на базе местных традиций. В настоящее время традиции как источник вдохновения частично исчерпаны. Теперь они чаще выступают в качестве средства конструирования в условиях интернационализации. И именно в этих условиях многие начинают понимать, что просто материальные потребности не могут быть абсолютной ценностью ни в жизни, ни в дизайне. И если речь идет о высококачественном дизайне, то есть все основания говорить не о дизайне вообще, как некоем усредненном “интернациональном стиле”, но о датском, финском, норвежском или исландском возрождении» [цит. по: 1, 70–71].

Известный в Италии и во всем мире теоретик дизайна Э. Соттсасс полагает, что дизайнер — это «высшего класса ремесленник-художник-философ», а дизайнерская школа — «нечто среднее между ренессансной богемой... и античной академией (будь то платоновский “симпозион” или “Сады Эпикура)”» [Там же, 86].

Возврат к традиционной модели деятельности, развитие ее в современных условиях связаны с осознанным отношением к этой деятельности, к труду дизайнера, а также к продуктам этого труда. «Работа руками, — пишет финский дизайнер Т. Виркаала, — имеет для меня почти терапевтический эффект, когда я режу или леплю из натурального материала. Это вдохновляет меня на новые эксперименты. Это ведет меня в другой мир, в тот мир, где мои глаза на кончиках пальцев чувствуют движение и модификации формы» [цит. по: 8, 91]. Такие попытки специалистами-проектировщиками трактуются как «опыт проектного воссоздания ценностей прошлого, предания им иных качеств в новой исторической обстановке», иными словами — как опыт репродуцирования этнокультурной идентичности в условиях стремительного развития отчужденных форм техники [Там же, 92].

Исследуя региональные и национальные аспекты в дизайне, следует говорить о традициях освоения материалов в регионе или в стране и специфике их использования. Культура освоения таких материалов, как дерево, кость, металл, текстиль, несомненно, является традиционной для России. Рассматривая вопрос о материале, нужно учитывать его освоение в новом временном контексте, выявление скрытых возможностей. Широкое применение традиционных материалов, характерных для данного региона, дает возможность создания органичных дизайн-объектов, связанных с местом, с родной землей и ее культурой.

Японские специалисты постоянно подчеркивают отличие японской материальной культуры от западной, настаивая в то же время на ее универсализме, способности «японизировать» многочисленные элементы западной цивилизации. Суть японского традиционализма заключается в убеждении, что новое не может существовать за счет старого, но оно существует благодаря старому, произрастает из него.

В отношении этнокультур сегодня ставится вопрос не столько о попытках связать их с направлением регионального и национального дизайна, сколько о сохранении культурного наследия как уникального явления окружающего нас предметного и духовного мира. Разрушение этнокультурного мира под влиянием технического прогресса и порожденных им меркантильных интересов ведет к стиранию границ между различными нациями и в конечном счете к их уничтожению. Без возрождения культурного наследия, без включения образных особенностей местной традиции в современные объекты дизайн останется безликим и серым.

Вся история развития дизайна неразрывно связана с архитектурой. В любую из эпох, будь то классицизм, эклектизм, модерн, рационализм, технэкспрессионизм, в архитектуре происходила борьба тенденций, влияний, борьба старых представлений с возникающими качественно новыми проявлениями. Весь этот процесс имел постоянные качественные изменения художественного стилистического порядка в рамках национального своеобразия искусства каждой из стран. Архитектура теснейшим образом связана с историей развития человеческого общества. Каждый стиль порождается определенной эпохой, вместе с ней эволюционирует и отмирает или же переходит в иной стиль, во многом от него отличающийся, но изначально складывающийся в его пределах.

В архитектуре самобытные национально-региональные школы сложились во второй половине XX в., они внесли значительный вклад в процесс взаимообогащения различных культур (Япония, Бразилия, Мексика и др.). Это направление в архитектуре получило название «регионализм», отличительной чертой которого стало воплощение идей национальной исключительности и самобытности, возрождение самобытности зодчества, обращение к местным особенностям и традициям в сочетании с современностью.

Исследуя проблемы регионализма в архитектуре, Ч. Дженкс в своей книге «Язык архитектуры постмодернизма» (1978) заменил понятие «регионализм» на «вернакулярный» (т. е. местный) стиль данного региона. Он подчеркивал, что архитектура не может существовать в изоляции от культурного контекста, в котором возникла. По мнению Ч. Дженкса, регионализм сознательно противопоставлял себя эклектике, модерну и ретроспективным национально-романтическим направлениям Скандинавских стран [6, 121]

Существенное влияние на процесс формирования национальных архитектурных школ оказал функционализм. Одним из ярких представителей этого направления, бесспорно, считается крупнейший японский архитектор XX в. Кензо Танге. Его творчество по своему характеру глубоко национально, однако вместе с тем Танге принадлежит к числу зодчих, чье значение не ограничено рамками национальной культуры. Создавая архитектурные ансамбли, мастеру было гораздо интереснее изменять окружающую среду, чем строить отдельные здания. Например, спроектированный им Олимпийский стадион находится на участке, вплотную примыкающем к крупнейшему историческому парку Токио — Йойоги. Вся атмосфера этого японского парка с храмом в центре плавно и незаметно перетекает в футуристический ансамбль Танге. Невзирая на внешний футуризм и нарочитый модернизм, вся среда вокруг сохраняет дух и характер

типичного японского сада с его композициями из камня, культом отдельных деревьев и кустов. В своих работах Кензо Танге пишет: «Если в моем творчестве или в творчестве моего поколения сохранились следы традиции, то это потому, что мы не смогли еще полностью развить наши творческие возможности и только еще ищем себя. Я бы ни в коем случае не хотел, чтобы мои произведения казались традиционными» [2, 152]. Отсюда ясно, что Танге решительно выступает против неправильного истолкования традиции. «...Традиция ничего не гарантирует, ничего не создает. В наши дни творчество выражено союзом техники и гуманизма. Традиция лишь катализатор, который активизирует химическую реакцию, а сама растворяется в ней. Традиция может участвовать в творчестве, но сама по себе не является созидательной силой» [4, 211]. Таким образом, Кензо Танге стремится продолжать традицию, отталкиваясь от произведений прошлого, которые он тщательно изучил, постигнув их гармонию, но при этом ищет новых архитектурных решений, которые также удовлетворяли бы потребности нашего времени. И сегодня многие известные архитекторы (К. Курокава, А. Аалто, О. Нимейер, А. Исодзаки) призывают к индивидуализму, ориентации на этнические ценностные стандарты, открытию новых ценностей, считая, что это будет способствовать «истинной культурной интернациональности» [7, 97].

В начале XX в. параллельно с модерном в европейские, в основном северные, страны пришел ретроспективизм — одно из течений в архитектуре, которое обращалось к использованию исторических стилей. Основным методом ретроспективизма является стилизация, предполагающая свободное обращение с избранным стилем. Но ретроспективизм 1910-х гг. отличался от стилизаторства прошлого века тем, что архитекторы не занимались копированием или точным воспроизведением форм и деталей прошлого, стремясь проникнуть в глубь стиля, изучить его.

Особенно ярко ретроспективизм заявил о себе в северных Скандинавских странах и Нидерландах. Архитекторы искали идеи в далеком прошлом, но при этом использовали новые строительные материалы и конструкции. Опираясь на индивидуальную фантазию для создания выразительного образного решения, они стремились к простоте. Обращение к эпосу, мифологии, формирование образа на основе ассоциаций с архитектурными традициями отличает зодчих-ретроспективистов. Ведущими представителями данного течения являются архитекторы Х. Берлаге (Нидерланды), Р. Эстберг (Швеция), Э. Сааринен, Г. Гезелиус, А. Линдгрэн (Финляндия) и др.

В России в это время к ретроспективизму обращаются известные архитекторы А. Бенуа, И. Фомин, В. Шуко, А. Щусев. Они изучают отечественное зодчество, которое помогает в их творчестве. Так, например А. Щусев стал представителем неорусского стиля, в основу которого была положена свободная интерпретация мотивов древнерусской архитектуры. Известный советский архитектор А. Таманян соединил черты неоклассического направления и художественно-выразительной армянской средневековой архитектуры.

Особое развитие региональная архитектура получила в 80-е гг. XX в. Стало очевидно, что наряду с новейшими, авангардными направлениями, основанными

на технических и технологических достижениях, в архитектуре наступившего столетия будут активно развиваться и региональные направления и школы, будет происходить дальнейшее взаимообогащение этих направлений.

В нашей стране первая волна регионализма и развития национальных школ архитектуры обозначилась в 70-е гг. XX в., когда во всех союзных республиках стали появляться произведения, отражающие синтез национального и интернационального, синтез традиций и новаторства. Наиболее яркими примерами этого времени являются Дворец им. В. И. Ленина в Алма-Ате (арх. Н. Рипинский, 1970), Дворец молодежи в Ереване (арх. С. Хачикян, А. Тарханян, Г. Погосян, 1979), здание драматического театра во Владимире (арх. Г. Горлышков, И. Былинкин, 1973).

Вторая волна регионализма относится к 90-м гг. XX в., когда Россия обратилась к постмодернизму. В эти годы ярко заявили о себе московская, нижегородская, самарская и другие региональные школы архитектуры. Среди наиболее заметных сооружений можно назвать здание банка «Гарантия» на ул. М. Покровской и административное здание на ул. Фрунзе в Нижнем Новгороде (арх. А. Харитонов, Е. Пестов, 1996), удостоенные Государственной премии России в области архитектуры.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что история развития дизайна и архитектуры доказывает, что в едином жизненном пространстве органично сосуществуют старые (или воспроизведенные по старым образцам) и новые вещи, национальные и поликультурные традиции, образуя своеобразную духовную среду.

Таким образом, влияние самобытной национальной и региональной культуры на развитие дизайна и архитектуры обогащает язык современного искусства, способствует воссозданию новых востребованных проектных решений.

1. *Ермолаев А. П.* Очерки о реальности профессии архитектор-дизайнер : учеб. пособие. М., 2004.

2. *Кензо Танге.* Архитектура и градостроительство / сост. У. Культерман ; пер. с нем. Т. А. Трояновской. М., 1978.

3. *Ковешникова Е. Н., Ковешников А. И.* Основы теории дизайна : учеб. пособие для студентов вузов. М., 1999.

4. *Ковешникова Н. А.* Дизайн: история и теория : учеб. пособие для студентов арх. и дизайн. спец. 4-е изд., стереотип. М., 2008.

5. *Лазарев А. Г., Лазарев А. А., Кудинова Е. О.* Справочник архитектора / под общ. ред. А. Г. Лазарева. 3-е изд., испр. Ростов н/Д, 2009. (Строительство и дизайн).

6. *Мастера архитектуры об архитектуре. Зарубежная архитектура. Конец 19 – 20 век / под ред. А. В. Иконникова и др.* М., 1972.

7. *Некрасова М. А.* Народное искусство и экология культуры // Народное искусство и современная культура. Проблемы сохранения и развития традиций : материалы Всесоюз. с междунар. участием науч.-творч. конф. М., 1991.

8. *Орельская О. В.* Современная зарубежная архитектура : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М., 2007.

Статья поступила в редакцию 06.04.2011 г.

SUMMARY

SCHOLAR'S ROSTRUM

Stepanova E. A. Religion and Education in Europe: Debates on Mutual Compatibility 6

The article analyses the status of teaching religion at schools in European countries, taking into consideration different approaches, discussions about the substance, forms and purposes of religious education. The author concludes that religious education in general is seen as the important part of citizenship education, and at the same time, it depends on historical-cultural tradition and current socio-political situation in particular country.

Key words: religious education, citizenship education, post-secular society, intercultural dialogue.

PERIODICAL PRESS AND MASS-MEDIA

Avtokhutdinova O. F. Techniques of creating a character image of the Other in mass media discourse 16

The author studies discourse techniques of creating a character in mass media reports. By analyzing a number of articles on Alexey Dymovskoj, the mayor of Novorossijsk Department of Home Affairs, she reveals some discourse techniques of creating an «unexpected» character image that had never been described in mass media before. Among these techniques are the following: discourse technique of creating the «enemy» image, discourse technique of presenting a character as a mentally and physically defective person, discourse technique of creating a «criminal» image and discourse technique of creating a self-sacrificing character. Besides, the discourse technique of character self-presentation is described in the paper. It plays a very important role in developing one's opinion of the subject. Thus the author emphasizes the idea that the combination of discourse techniques promotes the creation of positive or negative meanings when describing a character as the socially important Other.

Key words: media discourse, the Other, techniques of discourse.

Amirov V. M. The main tasks of the analysis in the armed conflict journalism 27

Based on the example of newspaper and journal materials written by modern journalists the basic approaches to the analytical publication concerning armed conflict problematique are shown.

Key words: journalism, the front correspondent, objectivity, assessment.

Burova Y. E. The role of a press service in shaping information space 33

This article investigates the influence of press services in terms of shaping contemporary information field. The author determines the audience's need for official information and identifies the criteria of its effective content basis. Also, it is being investigated whether this information could be considered mass information from the point of its social importance.

Key words: information, mass information, information field, press service, mass media, Internet.

- Kirshin B. N.* Transparency instead of objectivity? 43
 The article analyzes transformation process of journalistic standards under conditions of digital democracy, for instance in such conditions as giving up of objective journalism principles in American press. The author of the article considers the implications of the process for Russian press.
 Key words: objectivity, transparency, Internet.
- Kozlov S. A.* Theatrical journalism of the Novgorod Provincial Gazette as a tool for creating a positive image of the region (1850–1860's) 48
 The article is devoted to the genre and stylistic originality of theater publications of the Novgorod Provincial Gazette 1850-1860-ies. It investigates the aspect of forming a positive image of the region and changes in attitude towards the possibilities of theatrical journalism could be traced, depending on the editor personality and the needs of local authorities in the cultural life of the town and province.
 Key words: the Novgorod Provincial Gazette, theater, criticism, genres.
- Korda O. A.* The locative creolized texts as the foundation of expressive methods of information supply (based on the articles from «Russky reporter» magazine) 54
 In this article some peculiarities of information visualization in modern creolized texts are being examined. Much consideration is given to spatial relations reflection by using iconic measures. The examples where locative methods are the basis for expressive information supply are being analyzed.
 Key words: creolized texts, locative methods, visualization, iconic measures.
- Oleshko E. V.* Newspaper and journal font as the visual culture medium 65
 Article is devoted to the problem of visual culture formation and to the newspaper and journal font as one of its components. The author marks the tendency according to which in the text creating and sense creating in large quantities-communication processes paralinguistic means start to play a significant role. Besides, it is also marked that in the process of development of information technology and new methods of their introduction in daily journalistic practice rather tangible diversification of reality reflection forms is going on.
 Key words: media font, information culture, a world picture, journalism, the Internet, graphic signs.
- Smolin I. V.* Differences in methods of representation of «another» in mass-media texts devoted to the armed conflict in South Ossetia (2008) 70
 Some features of information supply concerning military operations in modern Russian printed press are being examined. The special attention is given to the image of “another” by language means. The examples from the qualitative and mass editions are analyzed.
 Key words: tolerance, journalistic discourse, opposition «ours» – «another's», conflict in South Ossetia.
- Hlyzova A. A.* Discrepancy as the characteristic systems of images of the soviet woman (on the example of the Central television of the USSR) 85
 Article is devoted to the system analysis of the components related to the formation and development of the female images presented on the Central television in the USSR. The author proves that over a period of decades they were used as powerful propaganda means and bore important ideological loading. Getting into consciousness of the Soviet people and being filled with a material of their conscious experience, the following images determined the processes of socialization and resocialization of the the Soviet society. Their introduction in public consciousness, confirms A. A. Hlyzova, was so considerable, that even up to now in certain situations they continue to influence identity of the Russian women, especially senior generation.
 Key words: female images, social criteria, visual criteria, dominants of television system, public consciousness.

- Shevtsov V. V.* Image of Siberia on pages of official and private preRevolutionary periodicals .. 92
 The process of identification of the Siberian provinces in the news pages of official «Tomsk Provincial Gazette» and private editions in 1860-80 years is being examined.
 Key words: Siberian «Provincials» [Oblastniki], «Tomsk Provincial Sheets», social movement in Siberia, Siberian Press.
- Shtoler A. V.* Development of the Ural publishing industry in the '60s – the '70s of the 20th century 99
 The author discovers the changes of organizational and economic principles of the Ural publishing system functioning as the result of 1963 publishing reform in the USSR; the principles and priorities of repertoire forming of local enlarged publishing houses.
 Key words: Ural publishing, Sverdlovsk oblast, Perm krai, Chelyabinsk oblast, Mid-Ural publishing house, Perm publishing house, South-Ural book publishing house.

PEDAGOGICS AND EDUCATION

- Deryabina N. A.* Linguistic personality as pedagogical problem 108
 The article deals with the valuable nature of language and speech for social manifestation in terms of linguistic identity development in the sphere of education.
 Key words: language, speech, value of language, linguistic identity, the destructive nature of linguistic environment, linguistic immunity.
- Zagorulya T. B.* Development of the personality synergistic culture in educational sphere of higher education institution 115
 The need and the opportunity to develop personality synergistic culture in educational sphere of higher education institution is being described in the article.
 Key words: personality, vitagenic experience, socialization, identity, Personal Orientation Inventory, pedagogical synergetics, synergistic culture.
- Pavlenko P. V.* Genesis continuous pedagogical education in the context of secondary education in Western Siberia (XIX – beginning of XXI century) 125
 The stages of genesis of the continuous pedagogical formation in context of the development of the system of the secondary education in West Siberia (XIX – begin XXI c.) are considered. Qualitative and quantitative changes in the system of pedagogical training are being examined as well as their compliance with the new educational paradigm.
 Key words: genesis, pedagogical education, continuous pedagogical education, system of the secondary education in West Siberia.
- Tagiltseva N. G.* Modern teacher of music: problems of professional training 134
 The problem of modern musical teacher' training is being examined in the article in connection with the reflection forming related to the musical-pedagogical reality. The fragments of written creative reflection works of students about musical-pedagogical reality are provided here, e.g. professional traits of modern teacher of music; trends of organization work of musical training in modern school; innovation methods of musical training for schoolchildren.
 Key words: profession training of modern musical teacher, reflection concerning musical-pedagogical activity; training methods of reflex abilities.
- Round table discussion on: «Problems of education on high school» 140

PSYCHOLOGY

- Lupandin V. I., Mashkova A. S.* The Stages of Development of Competence Model for TOP-manager 154

The article gives a short survey into the history of development of the term «competence» and describes the key principles of the creation of the competence model for organization.

Key words: the competence model, the stages of development of competence model for top-manager.

AT THE SCHOLAR'S LABORATORY

- Abelskaya R. Sh.* «Odessa song»: genesis and genre model 162

The article is devoted to the issues of origin and genre identity of the so-called «Odessa songs» which are considered here as one of the aspects of the 20th century town song folklore. For the first time the category of «Jewish» is accepted as a determinant distinctive feature of such «Odessa songs». On this basis it is argued that the genre model of «Odessa songs» has been originated from the Yiddish songs.

Key words: town folklore, street songs, «Odessa songs», artisan entertainment, «couplet genre», couplet writers, Yiddish songs, genre model, Jewish wedding melodies, Freylekhs and Sher, general rhythm intonations.

- Ambarova P. A.* Cultural variability of the «social clock»: «silver age» or «indivisible age»? 172

The results of the cultural, sociological and demographic research work works are analyzed as well as the everyday observations, connected with senility representations in different cultures. The trends related to the «social clock» change of the gerontology groups affected by demographical and modernization processes are being examined in the article.

Key words: cultural borrowings, cultural traditions, intercultural differences, «social clock».

- Dudina M. N.* Gender issues as «abyss of delusion» of men and women in the «Kreutzer Sonata» by Leo Tolstoy 178

The problem of men-and-women relationship (gender issues) set by Leo Tolstoy is being discussed here. The author considers the gender issues as the pedagogical problem, connected with the moral upbringing.

Key words: gender problem, human problem, growth of gender issues, gender aspects of education and upbringing.

- Muhametov R. S.* Geo energy interests of the EU and Russia in the Caspian region 185

The text deals with foreign-policy issues of the EU and Russia in the Caspian region. Much attention is paid to geopolitical situation of the Caspian region. The author gave clear presentation of the basic principles of foreign energy policy of the EU and Russia.

Key words: foreign energy policy, national interests of Russia, the Caspian region, Nabucco.

- Onipko A. A.* Problems of high school students' self-determination in choosing profession ... 191

Various scientific approaches to the concept of self-determination are being considered. The specifics of the sociological approach to this notion are marked out. Based on the materials of sociological surveys conducted in Yekaterinburg and the Sverdlovsk region in 2009 – 2010, the factors affecting high school students' self-determination in choosing their future profession are being analyzed. The contradictions in the interaction of the education system and labor market are being revealed.

Key words: high school students, self-determination in choosing a profession, vocational guidance.

Chabbarov R. Kh. National cultural tendencies in modern design and architecture201

The influence of original national and regional culture on the development of design and architecture is being studied. The opportunities for enrichment of the modern art language on the basis of tradition, study and comprehension of its harmony and creation of new demanded decisions are disclosed in the article.

Key words: national regional culture, design and architecture.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры
2011
№ 3 (92)

Редактор и корректор *Н. В. Чанева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23103.
Учредитель — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А. М. Горького».
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 27.06.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,0. Усл.-печ. л. 17,55. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в типографии ИПЦ «Издательство УрГУ»
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

О порядке предоставления рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@usu.ru) **текст статьи** (см. ниже требования к оригиналу), **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://proceedings.usu.ru>) и отсканированную **внешнюю рецензию** (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи). Официально заверенный оригинал внешней рецензии автор предоставляет в редакцию по почте или лично. Статьи без анкеты и внешней рецензии не рассматриваются.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

4. При одобрении рукописи рецензентами и редколлегией издательство сообщает автору, не состоящему в штате УрГУ, реквизиты УрГУ для частичного возмещения расходов на рецензирование, научное, литературное, техническое редактирование и тиражирование материала, пересылку авторского экземпляра по почте и т. д.

Примечание. Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — филологических, педагогических, психологических, искусствоведения — они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТу 7.9.–95);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список пронумеровывается по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.
2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>
3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч.: в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.
- ...
9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8–10.
10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина: в 4 т. Санкт-Петербург; Варшава, 1906–1907. Т. 1.
11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru>
- ...
21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56–64;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом:

- [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;
[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

[ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14–14 об.].

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Редакция журнала «Известия УрГУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору Макушину Леониду Михайловичу.

Рукописи принимаются в ИПЦ «Издательство УрГУ»: ул. Тургенева, 4, приемная или отдел допечатной подготовки (для Ларисы Александровны Хухаревой).

Тел. для справок: (343) 350-59-68 в рабочие дни.

Электронный адрес журнала: izvestia_1@usu.ru